

Г. Харбин-Нов.-город. Площадь.
グイデルビ場廣るた見りよ院寺央中街市新ニルハ

Митрополит Нестор (Анисимов) Очерки Югославии. Впечатления путешественника из Харбина

Митрополит Нестор (Анисимов)

ОЧЕРКИ ЮГОСЛАВИИ

Впечатления путешественника из Харбина

Митрополит Нестор (Анисимов)
Очерки Югославии.
Впечатления путешественника из Харбина

Митрополит Нестор (Анисимов)
Очерки Югославии.
Впечатления путешественника из Харбина

Издатель/Издавач
Архив Сербской православной церкви
Русский научный институт

За издателя/За издавача
Ирина Антанасијевић

Научный редактор/Научни уредник
Алексей Юрьевич Тимофеев

*Автор предисловия и подготовка текста по изданию 1935 г. /
Аутор предговора и припрема текста на основу издања 1935.*
Светлана Николаевна Азарова

Вёрстка/Прелом
Ђорђе Секерезовић

Дизайн обложки/Дизајн корице
Дарија Тимофејев

ISBN 978-86-81328-20-0

По изданию: Нестор (Анисимов Николай Александрович 1884-1962).
Очерки Югославии: Впечатления путешествия. Харбин : [б. и.], 1935

Фотография на обложке / Фотография на корицама

Свято-Николаевский собор в Харбине (Китай), рас-
полагавшийся в центре Соборной площади, в верхней части
города. 1920-ые

АРХИВ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ

Митрополит Нестор (Анисимов)
ОЧЕРКИ ЮГОСЛАВИИ
Впечатления путешественника из Харбина

Београд, 2024.

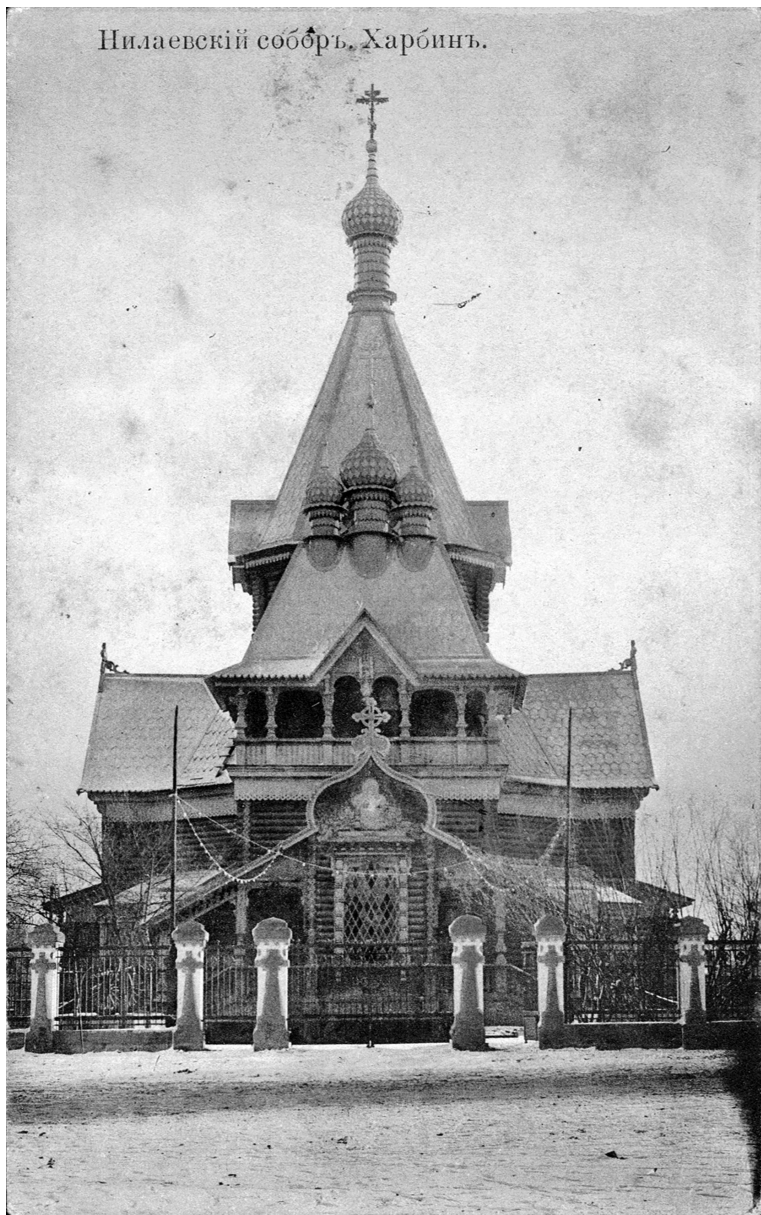
Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
Сокращения:.....	69

ОЧЕРКИ ЮГОСЛАВИИ (Впечатления путешествия)

Предисловие	75
1. Белград.....	79
2. Сремские Карловцы	105
3. Фрушкая гора.....	119
4. Южная Сербия	131
5. Банат и Сирмия	165
6. Червонная и Белая Хорватия	177
Заключение	187

Нилаевскій соборъ, Харбинъ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Очерки Югославии (впечатления путешествия)», изданные в 1935 году в Харбине, принадлежат перу выдающегося русского архипастыря, легендарного миссионера и проповедника, митрополита Нестора (Анисимова).

Свое служение Церкви он начал в 1907 году, когда молодым иеромонахом отправился на Камчатку, посвятив себя миссионерским трудам в этом забытом крае на Дальневосточной окраине Российской Империи. В дальнейшем он посвятил Дальнему Востоку больше 40 лет своей жизни, сначала на Родине, затем в эмиграции в Китае, который покинул в 1948 году, да и то не по своей воле, а после ареста китайскими властями, передавшими тогда уже маститого архиерея советским репрессивным органам.

Митрополит Нестор (Николай Александрович Анисимов) родился в старинном русском городе Вятка 9 ноября 1884 года. Его отец – Александр Александрович Анисимов, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, был военным чиновником и служил тогда делопроизводителем в квартировавшем в Вятке 88-м резервном кадровом батальоне¹ в чине коллежского секретаря, что соответствовало военному чину штабс-капитана. В дальнейшем он дослужился до статского советника – этот гражданский чин сравним с военным званием бригадира, который был выше полковника и предшествовал генерал-майору.

Деды и прадеды владыки Нестора по отцовской линии также имели отношение к военной службе, проходя ее в различных чинах и званиях. Впоследствии в своих воспоминаниях митрополит Нестор писал, что «они верой и честью, не за страх, а за совесть, служили любимому Отечеству, были

---

1 С 26 мая 1899 г. – 231-й Котельнический резервный пехотный батальон.

участниками войн против иноземных захватчиков, не раз нападавших на Русь, а также освободительных войн за избавление братьев-славян от турецкого ига»².

Мать будущего архипастыря Антонина Евлампиевна Нагорничных происходила из духовного сословия. Она была дочерью священника, который в 1880-е годы в сане протоиерея служил в Александро-Невском соборе города Вятки.

У Александра и Антонины Анисимовых родилось два сына. Старшего назвали Иларием. Второго мальчика, появившегося на свет через год, крестили в честь святителя Николая. Восприемниками при его крещении стали командир батальона, в котором служил отец, полковник Лев Павлович Иваницкий-Василенко и бабушка новорожденного Елизавета Никитична Нагорничных.

В 1900 году семья переехала в Казань, куда был переведен Александр Александрович, и где оба брата закончили реальное училище. Затем каждый выбрал свой путь служения Отечеству.

Иларию пошел по стопам родителя и стал военным. После окончания Московского Алексеевского военного училища он был произведен в подпоручики и направлен в 109-й Волжский пехотный полк, откуда по собственному желанию перевелся в Казань, в 229-й Свяжский батальон³, в котором числился и его отец. Вместе они прошли Первую мировую войну, закончив этот боевой путь в 1917 году.

Александр Александрович Анисимов неоднократно был ранен и контужен в боях, имел боевые награды. Он ушел из жизни в 1921 году. Иларию, участвовавший в Гражданской войне, был расстрелян в 1937-м в Вятке⁴. Там же, примерно

---

2 *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 35.

3 На 1 января 1909 г. – подпоручик 229-го Свяжского резервного батальона.

4 Осужден 13.09.1937 по ст. 58.10, расстрелян 16.09.1937.

в тот же год, скончалась и Антонина Евлампиевна. Младший Анисимов дожил до 1962 года и перешел в жизнь вечную в Москве в сане митрополита.

Священнослужитель, никогда себя не жалевший, переживший войны и заключение в одном из советских лагерей, не отличался крепким здоровьем, но Господь отпустил ему 78 лет жизни, большая часть которых была наполнена трудами и заботами о вверенной ему пастве.

Родился он слабым, болезненным ребенком, в младенчестве неоднократно бывал при смерти. Но уже с детства мальчика отличал добрый открытый нрав, желание жить в дружбе и любви со всеми ближними. Таким же был и его брат, твердые моральные качества которого отмечали впоследствии сослуживцы. Добродетельным и благородным складом характера братья во многом были обязаны своей матери. Женщина образованная и набожная, Антонина Евлампиевна не только дала сыновьям религиозное воспитание, но и привила им участливое отношение к людям, особенно страждущим и немощным. «Она научила нас уважать и любить людей, быть полезными для общества и Родины на том поприще, которое мы изберем, вступая в самостоятельную жизнь»⁵, – вспоминал о ней митрополит Нестор. В воспитании братьев участвовала и бабушка по материнской линии, жена протоиерея и крестная будущего архипастыря.

Об отце владыка рассказывал, что «он, как военный, не отличался особой религиозностью и только, подобно Пасхальному христианину, заходил в церковь два-три раза в год»⁶. Но его влияние и авторитет были для братьев неоспоримы. «Впоследствии, – писал митрополит Нестор, – осмысленно вступив на жизненный путь, я понял, что правильное семейное воспитание в духе человеколюбия, а также героический

---

5 *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С.36.

6 Там же. С.40.

дух предков – защитников Родины выковали в сердце моем энергию и неугасимое стремление облегчать участь страдающих от житейских невзгод людей. Они облегчали мой путь священнослужения во многих уголках нашей необъятной Отчизны, а также за ее пределами во всех частях земного шара»⁷.

На лето Анисимовы обычно уезжали в Вятку к бабушке. В один из таких приездов Николай пережил событие, укрепившее в нем стремление посвятить свою жизнь Богу и служению страждущим. Случилось это летом 1904 года, когда летний отдых семьи был омрачен тяжелой болезнью Антонины Евлампиевны. Доктора предупредили о ее приближающейся кончине.

Неожиданно Вятку взволновало известие о приезде в город известного всей России протоиерея – отца Иоанна Сергиева, праведного Иоанна Кронштадтского, молитвенника огромной силы. Желание увидеть его и попросить помолиться о здравии мамы сделало, казалось бы, невозможное. Несмотря на многолюдные толпы верующих, всегда окружавшие Всероссийского батюшку, и полицейские кордоны, охранявшие места, которые он посещал, Николай сумел пробиться к отцу Иоанну и сбивчиво сообщить ему о своем горе. На третий день служения в Вятке отец Иоанн посетил дом Анисимовых, совершил там молебен, и вскоре Антонина Евлампиевна поправилась. После исцеления она прожила еще почти тридцать четыре года⁸. Это чудесное происшествие оставило неизгладимый след в душе будущего архипастыря, навсегда сохранившего память о возвышающей силе служения отца Иоанна, о неугасимом пламени его дерзновенной молитвы.

Закончив реальное училище, Николай поступил на двухгодичные Миссионерские курсы при Казанской духовной академии (монгольский отдел, монголо-калмыцкое отделение),

---

7 *Нестор (Анисимов), митр.* Мои воспоминания. М., 1995. С.14–15.

8 См.: *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С.51.

которая являлась крупнейшим центром миссионерского востоковедения в России. На Миссионерских курсах, открытых при академии в 1889 году, изучались история, этнография и языки народов Сибири и Дальнего Востока: монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгусов, маньчжур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и др. Востоковеды-миссионеры сотрудничали с православными миссиями, были связаны учебной и научной деятельностью со многими российскими академическими и университетскими центрами⁹.

Наблюдателем Курсов был наместник Казанского Спасо-Преображенского монастыря архимандрит Андрей (Ухтомский)¹⁰ – духовник Николая, почитаемый им как монах-аскет, бесребреник, молитвенник и одухотворенный проповедник. Обучаясь на Миссионерских курсах, которые находились в Спасо-Преображенском монастыре, студент Анисимов также исполнял различные послушания у наместника. Но так продолжалось недолго. В 1907 году произошло новое событие, окончательно изменившее жизнь монастырского послушника.

Однажды Николай читал архимандриту Андрею вслух письма, только что принесенные почтальоном. Среди них было одно особенное – от архиепископа Владивостокского и Камчатского Евсевия (Никольского), просившего прислать на Камчатку монахов в качестве учителей или священников для просвещения камчатских племен. Обратив внимание на это письмо, отец Андрей неожиданно предложил поехать на далекую Камчатку Николаю, которого такое предложение в первый момент совсем не обрадовало, а наоборот огорчило и вызвало сильные душевные переживания. Однако молитва и внимание к действию Божественного Промысла помогли ему

---

9 См.: *Кукеев А.Г., Оконов Б.А.* Подготовка миссионеров и изучение буддизма в Казанской духовной академии. С.80-81.

10 Андрей (Ухтомский) Александр Алексеевич, 1872–1937), епископ [архиепископ] Уфимский и Мензелинский.

преодолеть сомнения и уверенно вступить на открывшийся путь апостольского служения.

Обратившись за напутствием к отцу Иоанну Кронштадтскому, он получил от святого священническое облачение и фотографию с благословением на подвиг миссионерства. На фотографии отец Иоанн написал: «Раба Божия Николая Анисимова благословляю на великий подвиг миссионерства, если он находит себя способным и чувствует в себе призвание к нему. Да явится в нем благодать Божия, немощная врачующая. Целую его братски. Протоиерей Иоанн Сергиев. 18 марта 1907 года»¹¹.

17 апреля 1907 года 22-х летний Николай Анисимов был пострижен в монашество с именем Нестор (в честь прп. Нестора Летописца и мч. Нестора Солунского), 6 мая рукоположен в сан иеродиакона, 9 мая – в иеромонаха с определением священником в Гижигинскую Спасскую церковь на Камчатке.

Летом 1907 года выпускник Миссионерских курсов при Казанской Духовной Академии иеромонах Нестор (Анисимов) приехал во Владивосток, где познакомился с правящим архиепископом Владивостокским Евсевием (Никольским). На всю жизнь он сохранил о нем самые добрые воспоминания, называя своим любимым духовным отцом.

В это время на Камчатке, куда следовал отец Нестор, имелось всего два миссионерских стана: Анадырская миссия и Корякская походная миссия, заведывание которой было ему поручено¹². Оказавшись на Камчатке, молодой иеромонах воочию увидел убогую жизнь камчатских обитателей. Иностранцы – японцы и американцы – увозили десятки тысяч белок, котиков, лисиц и другой пушнины, сотни тысяч пудов рыбы и икры. А уделом богатой Камчатки оставались нищета,

---

11 *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С.56.

12 Согласно распоряжению архиепископа Владивостокского Евсевия, с 1 июля 1907 г.

болезни, голод, хищения и беспомощность. Желая узнать от самих камчадалов, кого же они считают своими друзьями и помощниками, отец Нестор получил поразивший его ответ: «японцы нам – братья и хотя берут у нас рыбу и пушнину, но и нам помогают»¹³. В то же время хищническое отношение местное население испытывало и от русских предпринимателей, открыто грабивших простых и доверчивых жителей богатого края.

Районом миссионерской деятельности на Камчатке был северо-восток этой обширной области. На двадцать тысяч населения приходилось лишь два священника-миссионера (священник-камчадал, плохо знавший русский язык, и отец Нестор) и два псаломщика. Плату за свое служение миссионеры получали такую, что всего их годового содержания могло хватить только на одну миссионерскую поездку, да и то до первых стойбищ и обратно. Поскольку совесть не позволяла отцу Нестору «сидеть сложа руки и даром есть мерзлую рыбу», он скоро вошел в долги. Приходилось просить денег у добрых людей – богатых знакомых в России, что, по признанию отца Нестора, было крайне нелегко, поскольку таких людей оказывалось «весьма немного, а потому на них надеяться и полагаться миссионеру невозможно»¹⁴.

И все же его обращения о помощи довольно скоро расположили внимание и сочувствие к дотоле многим неведомой Камчатке некоторых влиятельных русских людей. В тяжелый 1907 год, когда отец Нестор только начал свое служение, на Камчатке случилось наводнение и недоход рыбы, в связи с чем он издал специальное воззвание о помощи пострадавшим жителям. Осенью 1909 года он участвовал в Монархическом съезде в Москве, где выступил с речью о Камчатке и провел

---

13 Речь о. иеромонаха Нестора при открытии Братства // Владивостокские Епархиальные Ведомости. 1910. № 19. С.661.

14 Доклад иеромонаха Нестора в Святейший Синод от 3 августа 1911 г. (См.: Вернувшийся домой. М., 2005. Т.2. С.223).

сбор пожертвований, а в 1910 году, когда иеромонах Нестор находился в России для поправки расстроенного тяжелой цингой здоровья, произошло настоящее «сближение России с Камчаткой».

Все началось с того, что окунувшись в спокойную, культурную, теплую и сытую столичную жизнь, миссионер вдруг ощутил невыразимую боль о покинутой им убогой стороне, которая греет, одевает и украшает мехом богатую Россию, а сама за это почти ничего не получает. К тому же он столкнулся с полным неведением, а то и равнодушием соотечественников к нуждам далекой окраины, о которой они подчас даже не знали «наша она или иностранная». И тогда у отца Нестора зародилась мысль об устройстве братства или общества для удовлетворения нужд Камчатки. Забыв о болезни, он отправился в Петербург, где начал посещать людей, способных оказать помощь в осуществлении его планов создания Камчатского Братства.

Весть о возможности ознакомиться с отдаленным краем и лично увидеть необыкновенного миссионера передавалась от одного заинтересованного лица к другому, и постепенно в северной столице образовались целые сообщества и собрания для слушания отца Нестора. Для его бесед и докладов были предоставлены обширные залы, где в присутствии высшей духовной власти и высшего петербургского общества иеромонах Нестор делал сообщения о Камчатке, иллюстрируя их световыми картинками. Выступал он не только в Петербурге, но и в других городах.

Однако отдаленность от России, отсутствие больше половины года путевого и телеграфного сообщения с этой окраиной империи казались почти неодолимым препятствием для осуществления его мечты. Тем не менее, проект Камчатского Братства был утвержден в Святейшем Синоде, и несмотря на неожиданное противодействие обер-прокурора

С.М. Лукьянова, отец Нестор сумел получить значительные ассигнования для его создания.

Вопрос был решен после аудиенции отца Нестора у императора Николая II, который взял Камчатское Православное Братство под свое покровительство. Государыня императрица Александра Феодоровна пожаловала на религиозно-просветительные нужды Камчатской области тысячу рублей и от имени Их Императорских Величеств препроводила иеромонаху Нестору облачение и предметы церковной утвари. Благодаря ходатайству Великой княгини Елизаветы Феодоровны иеромонаху Нестору был выдан годовой билет 1-го класса на бесплатный проезд по всем железным дорогам. По соглашению министра путей сообщения и министра финансов было предоставлено право бесплатной перевозки ежегодно одного вагона предметов и вещей, жертвуемых в пользу Православной миссии на Камчатке и местного Православного братства на линии Москва – Тула – Ряжск – Челябинск – Иркутск – Маньчжурия – Владивосток. Комитет Добровольного флота изъявил согласие на перевозку этих грузов от Владивостока до Гижиги, где отец Нестор был настоятелем церкви и благочинным 11-го (Гижигинского) благочиннического округа.

Так зарождалось Камчатское Братство, сначала просто как общество добрых сочувствующих людей высшего общества, а затем и официальное, со своим уставом и особым знаком для членов Братства – братским крестом четырех степеней.

Открытие Камчатского Братства состоялось 14 сентября 1910 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, во Владивостоке. Первый год его существования ушел, главным образом, на подготовительные работы и организацию самого Братства, которое быстро стало известным не только в центральной России, но и на ее окраинах.

По воле царственных родителей, высочайшим покровителем Камчатского Братства был наречен цесаревич Алексей,

который должен был воспринять имя покровителя по достижении семилетнего возраста. Семь лет наследнику исполнилось 30 июля 1911 года, и в связи с этим знаменательным для Братства событием иеромонах Нестор снова приехал в Петербург, где был принят императором. Во время приема государь пожаловал отцу Нестору образ преподобного Серафима Саровского. Им был также одобрен проект о строительстве в камчатском селении Тиличики церкви в честь святителя Иоасафа Белгородского, поскольку приближались дни его прославления в лике святых. Всем священнослужителям, приглашенным для служения в дни прославления святителя Иоасафа, царская семья пожаловала одинаковые золотые облачения, которые так и называли – царскими. Иеромонаху Нестору, удостоенному чести участвовать в Белгородских торжествах, такое облачение вручила лично Великая княгиня Елизавета Феодоровна.

27 октября 1911 года отдел Камчатского Братства был открыт в Москве, при Чудовом монастыре в Кремле. Отделы были также в Петербурге, Петропавловске на Камчатке, Перми и Киеве. За шесть лет существования Камчатского Братства (1910–1916) число братчиков увеличилось более чем в 100 раз. С увеличением числа членов Братства возросли и его средства. Даже за два года войны (1914–1915) количество пожертвований не только не сократилось, но наоборот – возросло, причем в числе жертвователей оказалось немало лиц, находившихся на службе в действующей армии. Братство, со своей стороны, потратило на помощь воинам и их семьям 6000 рублей. Православное Камчатское Братство, основателем которого был епископ Нестор, просуществовало до 1917 года – после революционных событий в стране его дела были ликвидированы.

Православная Камчатка, с 1899 года территориально относившаяся к Владивостокской и Камчатской епархии, была глухой окраиной, удаленной от епархиального центра, и

поэтому труды отца Нестора по устройению здесь православной жизни справедливо были названы апостольскими. Только за первые пять лет его служения на Камчатке на средства Братства было построено семь новых церквей и открыто восемь новых школ.

По его призыву на Камчатку прибыли сестры милосердия¹⁵, которые стали помогать школьным учителям, обучать местное население кройке и шитью, приготовлению пищи, прививали навыки гигиены. Они проводили культурно-просветительскую работу, нередко заменяли врачей, ухаживали за неизлечимо больными. На поступавшие в Братство пожертвования приобреталось все необходимое для походных аптек и лепрозориев (колоний для прокаженных), продукты питания, носильное и постельное белье и пр. В лепрозориях вместо нар поставили кровати, больных обеспечили горячей едой и индивидуальной столовой посудой. Для них приобрели лодку, невод, сети для ловли рыбы, материалы для шитья и вышивания. Неизлечимых для отвлечения от тяжелого душевного гнета сестры милосердия старались занимать посильным для них трудом.

На севере Камчатской области отец Нестор открыл первый приют с амбулаторией для детей оседлых и кочующих туземцев¹⁶. В этой дикой, суровой местности, где жители питались только рыбой, не только священнику, но и сестре милосердия, которая посещала больных для оказания им медицинской помощи, приходилось много ходить пешком, ездить на лодке, а зимой на лыжах и на собаках.

---

15 Первыми были: настоятельница Пермской Мариинской общины Красного Креста А.М. Урусова, А.А. Кашина и М.Г. Волкова-Жукова. (См.: *Нестор (Анисимов), митр. Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С.217).*

16 Заведовала приютом медсестра М.Г. Волкова.

Второй приют был устроен в бухте барона Корфа. Его разместили в большом здании из восьми комнат, о чем отец Нестор писал:

«Десять плотников едва успели достроить его к прибытию последнего парохода. Помогая им, приходилось работать и мне, и сестре милосердия, и ребятам. Общими усилиями нам удалось соорудить еще колонку и оборудовать две ванны. Неизбалованное вниманием местное население не верило, что все это сделано для их детей, которые здесь будут жить, питаться, учиться и пользоваться бытовыми услугами даром. Детишки первое время с непривычки во сне падали с кроватей. Среди них было много способных к ремесленному обучению (я имею в виду мальчиков), а девочки успешно занимались рукоделием и шитьем. И взрослое население, и дети любили посещать церковь, внимательно следили за богослужением. Я повседневно ощущал их искреннее нежное отношение ко мне, их духовному пастырю.

По словам сестры милосердия, туземцы при полном отсутствии телеграфной и почтовой связи за 2-3 дня узнавали о том, что “папа Нестор” едет к ним. Они выезжали встречать меня на нартах, лыжах и радостно приветствовали. Порой, когда где-нибудь в пути пурга заносила меня снегом, они находили меня и заботливо сопровождали до своего селения.

После каждой такой поездки я, с помощью туземцев, на месте своего пребывания водружал крест или сооружал церковь, приют или школу. После моей проповеди и соответствующей подготовки многие крестились, принимая православную христианскую веру»¹⁷.

В 1911 году, указом Святейшего Синода от 4 ноября, была учреждена, точнее – возрождена, Камчатская Духовная Миссия. По ходатайству архиепископа Евсевия об утверждении временного начальника Миссии иеромонаха Нестора

---

17 *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 218–219.

«как человека, вполне знакомого с Камчаткой и с положением миссионерского дела там и проявившего уже ревностное усердие в сем деле»¹⁸, отец Нестор был утверждён в должности 24 мая 1912 года.

После нового назначения иеромонах Нестор был освобождён от обязанностей настоятеля Спасской церкви в Гижиге и благочинного 11-го благочиннического округа. Это позволило ему перенести центр Миссии в бухту Корфа, в село Тиличики, что давало возможность максимально приблизиться к корякам-кочевникам¹⁹.

В сентябре 1912 года в Тиличиках состоялось освящение новой церкви во имя свт. Иоасафа Белгородского и школы с приютом. На собранные Петербургским отделом Камчатского братства пожертвования был устроен 1-й Санкт-Петербургский миссионерский стан. Тогда же отец Нестор крестил около тысячи местных жителей, оседлых и кочевников. По его инициативе жителями было составлено обращение к губернатору Камчатской области с просьбой переименовать село Тиличики в Иоасафовское. Просьба была удовлетворена²⁰.

В феврале 1914 года иеромонах Нестор участвовал в первом (и как потом оказалось единственном) Камчатском миссионерском съезде, состоявшемся в селе Иоасафовском. Завершился съезд 24 февраля молебном с акафистом святителю Иоасафу Белгородскому. Все священники – участники съезда – получили от Камчатского Братства по комплекту церковного облачения.

Деятельность Камчатской миссии, первоначально состоявшей из четырех станом, распространилась на всю Камчатскую область, и к 1916 году там было 35 церквей, 38

---

18 РГИА. Ф.796. Оп.192. Отд.6. Стол 3. Д.123. Л.16. (Цит. по: А.И. Белашов, О.В. Косик. Камчатская Духовная Миссия... С.89–97.

19 См.: А.И. Белашов, О.В. Косик. Камчатская Духовная Миссия // Православная энциклопедия. Т.XXX. М., 2012. С.89–97.

20 Прежнее название возвращено в 1930 г.

часовен и 42 школы²¹. Отец Нестор перевел на местные языки Божественную литургию, частично Евангелие. На корякском языке составил словарь и разговорные вопросы с ответами на них, на тунгусский перевел некоторые молитвы и составил новые – на лов и освящение рыбы, рыбных снастей и мрежей, – которые были утверждены Святейшим Синодом.

25 мая 1914 года иеромонах Нестор был возведен в сан игумена²². Миссионерские труды начальника Миссии сделали его широко известным не только в церковных, но и в различных кругах российской общественности, именовавшей его «апостолом Камчатки». По ходатайству Государственной Думы, разные государственные учреждения ассигновали в пользу Камчатского Братства 25 тысяч рублей, за получением которых летом 1914 года игумен Нестор был командирован в Петербург, в Святейший Синод²³. Второй целью этой поездки было посещение Валаама, где по поручению архиепископа Евсевия отец Нестор надеялся найти послушников для воссоздаваемой на Камчатке обители²⁴. Однако в связи с началом войны планы не осуществились. Денег для Братства игумен не получил, потому что они были переданы на военные нужды, а на Валааме, куда он прибыл в августе 1914 года, осуществить задуманное не удалось в связи с мобилизацией молодых послушников в армию.

Не желая оказаться в стороне в тяжелую годину испытаний, выпавших на долю Родины и русского народа²⁵, отец Нестор после Валаама поехал в Вятку, чтобы навестить боль-

---

21 *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С.199

22 РГИА ДВ. Ф.244. Оп.3. Д. 323. Л.453а.

23 *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 227–228.

24 Архив Валаамского монастыря (Новый Валаам, Финляндия). Д.1. Л.82-82об.

25 См.: *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 228.

ную мать и сообщить ей, что по согласию и благословению архиепископа Евсевия добровольно отправляется на фронт.

Больше года игумен Нестор служил военным священником и начальником 1-го Летучего санитарного отряда «Первая помощь под огнем врага», входившим в число военно-санитарных организаций, созданных под патронажем великой княгини Марии Павловны. Помимо пастырских забот ему не раз приходилось оказывать медицинскую помощь воинам разных родов войск, но больше всего его санитарный отряд потрудились у кавалеристов, в лейб-гвардии Драгунском полку. В переписке с великой княгиней Марией Павловной отец Нестор не только составлял подробные отчеты о деятельности своего отряда, но также подробно описывал боевую обстановку, в которой был задействован полк, рассказывал о героических подвигах и самоотверженности офицеров и простых солдат²⁶.

Не раз он и сам выполнял военные поручения командования: бывал на передовых позициях в сторожевой охране, в качестве вестового перевозил срочные секретные донесения, ходил в разведку и даже участвовал в конной атаке. Часто священник подолгу находился в окопах среди солдат, напутствуя их молитвой на бранный подвиг²⁷.

10 апреля 1915 года игумен Нестор был награжден первым боевым орденом – Св. Анны 3-й степени с мечами. Очень скоро последовало новое награждение: за участие в боевых операциях в период нахождения в действующей армии, а также за организацию санитарного отряда он получил высшую для священнослужителя воинскую награду – золотой наперсный Крест на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества. В ходатайстве командира полка о пожаловании ему золотого Креста говорилось:

---

26 См.: ГАРФ. Ф.655. Оп.1. Д.235.

27 См.: *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 228–229.

«Находясь всегда при полку и не покидая его в самые трудные и тяжелые минуты, своим личным примером и словом оказывает как на офицеров, так и на всех нижних чинов самое лучшее влияние. Отец Нестор следует всегда впереди полка, сопровождает отдельные эскадроны в течение разведки и проводит ночи в сторожевом охранении.

В течение Петроковских [близ города Петроков в Польше] боев отец Нестор сопровождал эскадрон в окопы, где и находился среди нижних чинов, всегда их ободряя в трудные минуты. 21 февраля [1915 года], когда наши спешенные эскадроны наступали в лесу у деревни Дрополе на германские окопы, отец Нестор следовал впереди в цепи с нижними чинами с крестом в руке под сильным огнем противника, пренебрегая всякой опасностью, увлекая за собой нижних чинов.

В тот же день игумен отец Нестор быстро доставил из наступавших по линии цепей донесение командующему полком, следуя верхом под огнем противника. 22 февраля, когда наши взводы <...> атаковали германские разъезды, после чего <...> спешенные части противника открыли сильный ружейный огонь, игумен отец Нестор, пренебрегая всякой опасностью, вдвоем с санитаром пошел пешком к самой позиции, занятой противником, дабы оказать помощь раненым»²⁸.

В другом прошении о награждении священника командир полка оставил такую запись:

«Вследствие исключительной храбрости, игумен Нестор, состоя при полку в течение многих месяцев кампании, всегда проявляет исключительную храбрость, полное хладнокровие под огнем и с неутомимой энергией и рвением исполняет свои обязанности. Игумен отец Нестор никогда не покидает нижних чинов и в самых тяжелых обстоятельствах всегда находится среди них, воодушевляя их своим словом.

---

28 РГВИА. Ф.3552. Оп.1. Д.143. Л.146–146об. (Цит. по: *Капков К.Г.* Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.; Белгород, 2012. С.670–671).

Когда эскадроны занимали стрелковые позиции, 26 мая отец Нестор находился в цепи под огнем противника и с полным хладнокровием разделял с нижними чинами их трудную службу. 9 июня, когда полк занимал позиции у деревни Погемонт, отец Нестор находился безотлучно в окопах с эскадронами. Вследствие выдающейся и полезной деятельности отца Нестора в полку, вследствие неоднократно проявленных им подвигов храбрости и мужества ходатайствую о награждении... [далее текст обрывается]»²⁹.

Следующими наградами были ордена Св. Анны 2-й степени (1916), Св. Владимира 4-й степени и позднее – Св. Николая³⁰(1920-е гг.) (все с мечами и бантами)³¹.

14 июня 1915 года по ходатайству великой княгини Марии Павловны, за «самоотверженную деятельность, глубоко серьезное отношение и духовную помощь нашим доблестным воинам в военных организациях Ея Высочества»³² отец Нестор был возведен в сан архимандрита. По настоянию архиепископа Евсевия он был отозван с фронта и в конце года вернулся на Камчатку, где создал Комитет по сбору средств для оказания помощи русским воинам.

В 1916 году был разрешен вопрос о создании на Камчатке второго викариатства Владивостокской епархии³³. Единственным кандидатом во епископа Камчатского был назван

---

29 РГВИА. Ф.3552. Оп.1. Д.537. Л.314–315. (Цит. по: *Капков К.Г.* Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия... С.671).

30 Орден Святителя Николая был учрежден приказом Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала П.Н. Врангеля № 3089 от 13 мая 1920 г. (См.: *Болотина Д.И.* Орден святителя Николая Чудотворца: история и современность... С. 30-42)

31 *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С.229.

32 РГИА ДВ. Ф.244. Оп.3. Д.233. Л.65.

33 Камчатское викариатство (второе после Никольск-Уссурийского) было учреждено указом Святейшего Синода от 22 августа 1916 года.

начальник Камчатской миссии. Наречение его во епископа Петропавловского и рукоположение происходили 14 и 16 октября 1916 года во Владивостоке, что явилось большим церковным торжеством всей епархии, так как архиерейская хиротония совершалась там впервые.

В день хиротонии епископа Нестора был получен новый указ Святейшего Синода об изменении статуса учрежденного викариатства. Архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсей стал именоваться архиепископом Приморским и Владивостокским, а епископ Петропавловский Нестор стал епископом Камчатским и Петропавловским с самостоятельным управлением Камчатской епархией и с жительством в городе Петропавловске на Камчатке. Таким образом, 32-х летний епископ Нестор возглавил полусамостоятельное викариатство самой обширной в России Владивостокской епархии. Этот статус Камчатка сохраняла до 1922 года.

2 ноября 1916 года епископ Нестор отбыл в Петропавловск, куда вместе с ним уехали три насельника Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского монастыря: игумен Николай и иеродиакон Леонтий и Иероним³⁴, которые приняли на себя миссию по возрождению на Камчатке первого мужского монастыря, основанного в XVIII веке.

В декабре владыка был награжден вторым орденом Св. Анны, о чем Владивостокские Епархиальные ведомости сообщили 15 февраля 1917 года:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему докладу Синодального Обер-Прокурора, согласно определению Святейшего Синода, в 27 день декабря 1916 г., в Царском Селе, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил, за отличия во время военных действий на сопричисление к ордену Св. Анны 2-й степени с мечами исполнявшего пастырские обязанности в Лейб-гвардии драгунском полку начальника Камчатской

---

34 См.: Владивостокские Епархиальные Ведомости. 1916. № 22. С.765.

духовной миссии игумена, ныне второго Викария Владивостокской епархии, Епископа Камчатского и Петропавловского Нестора»³⁵.

Тяжело воспринял Камчатский епископ официальные сообщения об отречении от престола императора Николая II. 4 марта 1917 года он отслужил в Петропавловском соборе молебен об умиротворении державы Российской, молясь горячо и надеясь на лучшее.

Летом он выехал в Москву для участия в работе Поместного Собора Православной Российской Церкви. Первая сессия Собора, посвященная восстановлению патриаршества и избранию Патриарха, проходила во время захвата власти большевиками. Революционные события продолжались почти неделю. Красные отряды двигались от периферии к центру города, на улицах не прекращалась стрельба. 29 октября, в свободный от соборных занятий воскресный день, епископ Нестор был среди тех, кто помогал защитникам Москвы. С повязкой Красного креста на руке он ходил по улицам, оказывая медицинскую помощь раненым.

Во время переворота был осажден и обстреливался из артиллерийских орудий Московский Кремль, который обороняли юнкера Александровского военного училища и добровольцы. 1 ноября начался обстрел из тяжелых орудий, в результате которого особенно сильно пострадала церковь в честь Двенадцати Апостолов, Большой дворец, Благовещенский собор, купол Успенского собора, Патриаршая ризница, Чудов монастырь и митрополичьи покои при нем, Беклемишевская, Никольская и Спасская башни (на последней помещался наблюдательный пункт белых, по которым красные дали орудийный выстрел, повредивший часы).

По инициативе епископа Нестора на Соборе была создана делегация для переговоров с большевиками о прекращении

---

35 Владивостокские Епархиальные Ведомости. 1917. № 4. С.97.

братоубийства и ограждения Московского Кремля от разрушения. Переговоры состоялись 2 ноября, в один из дней, когда бомбардировка была особенно сильной. Но в комиссариат был пропущен только один из членов делегации, митрополит Тифлиссский и Бакинский Платон (Рождественский), которому было обещано сохранить Кремль и прекратить стрельбу. Вечером того же дня враждующие стороны заключили очередное перемирие, однако за два часа до объявления приказа лишённые всякой надежды на поддержку юнкера покинули Кремль. В ночь на 3 ноября опустевший Кремль подвергся новому жестокому обстрелу, последний удар был нанесен в шесть утра. Вскоре большевики заняли Кремль. В тот же день епископу Нестору и священнику Чернявскому удалось войти в разоренный Кремль и осмотреть разрушения. Все виденное и пережитое епископ безотлагательно описал.

8 ноября 1917 года на Соборе обсуждалось предложение 40 членов Собора о необходимости широко опубликовать данные о состоянии народных святынь в Кремле. По решению Соборного совета была создана особая комиссия для описания повреждений. В состав комиссии под председательством митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) вошли три епископа, среди которых был владыка Нестор, три священника и пять мирян.

9 декабря на рассмотрение комиссии была представлена составленная епископом Нестором брошюра «Расстрел Московского Кремля». Признав рукопись «во всем отвечающей действительности и всецело соответствующей фактической стороне составленного комиссией акта, притом изложенной в доступной для народа форме» и указав на необходимость немедленного опубликования сведений о поврежденных святынях, комиссия просила соборного благословения на скорейшее напечатание брошюры, минуя обсуждение в Соборном совете. По благословению Собора брошюра была напечатана тиражом десять тысяч экземпляров, из которых не уничто-

женными большевиками останутся всего около двух тысяч. В этой книге епископ Нестор писал:

«Чувство невыразимой тоски поистине неизглаженного горя охватывает вас при виде этих разрушений и ужаса, и чем вы углубляетесь дальше в осмотр поруганной святыни, тем эта боль становится сильнее и сильнее. С неподдающимся описанию волнением вы переступаете ограду на каменную площадь к великому Успенскому собору и видите огромные лужи крови с плавающими в ней человеческими мозгами. Следы крови чьей-то дерзкой ногой разнесены по всей этой площади. <...> Успенский собор расстрелян. ... Православные! Не щемит ли ваше сердце зияющая перед вами эта черная рана твоей родной святыни, разбитая глава твоего великого собора? Не стыдно ли вам за вашу Родину, когда вы слышите, как стоящий в толпе перед развалинами Кремлевских святынь чужестранец, серый китаец, изумленно глядит на развалины и бормочет: “Русский не хороший, худой человек, потому что стреляет в своего Бога!”»³⁶.

Тогда, в страшном 1917-м, епископ Нестор и представить себе не мог, что пройдет всего три-четыре года, и он будет свидетельствовать о «русском Боге» этим же чужестранцам, но только уже не на своей, а на их Родине.

12 ноября 1917 года епископ Нестор был среди архиереев, совершавших отпевание погибших защитников Кремля, 6 декабря он читал лекцию в университете на тему «Значение Камчатки для России», в свободное от соборных занятий время проводил религиозные беседы в фабричных рабочих районах. В воскресенье 28 января 1918 года во главе одного из приходов архиереев, как и многие другие епископы – члены Собора, принял участие в крестном ходе, совершенном из всех храмов Москвы на Красную площадь для всенародного покаянного моления об избавлении Православной Церкви

---

36 Нестор (Анисимов), еп. Расстрел Московского Кремля. М., 1991. С. 38-40.

от воздвигнутого на нее гонения. На улицы вышло до 500 тысяч человек.

Накануне вечером в храмах было оглашено принятое в субботу Собором воззвание, призывавшее верующих «жизнь свою положить за спасение Церкви Православной и бесстрашно идти на свою Голгофу». В переполненных храмах члены Собора произносили речи, в которых разъясняли прихожанам смысл декрета об отделении Церкви от государства. В этот день люди шли на исповедь, готовясь к предстоящему крестному ходу как к подвигу. Утром в московских храмах были совершены ранние литургии, во время которых участники крестного хода приобщились Святых Таин.

По окончании молебна на Красной площади, во время которого читалась составленная Собором молитва о спасении Церкви, Патриарх Тихон отслужил также краткий молебен перед Иверской иконой Божией Матери. 8 февраля в храме Богоявления Господня в Елохове, куда накануне из села Коломенского была принесена с крестным ходом новоявленная чудотворная «Державная» икона Божией Матери, Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в сослужении с архиепископом Коломенским Иоасафом (Каллистовым) и епископом Камчатским Нестором.

Когда в Москве начались аресты среди духовенства, епископ Нестор оказался в числе первых. В ночь на 16 февраля 1918 года он был арестован без предъявления обвинения и сначала помещен в Александровское военное училище, а затем в Таганскую тюрьму. Однако начальник тюрьмы отказался принять в свое ведение архиерея и посоветовал до расследования дела на суде отправить епископа в Новоспасский монастырь под домашний арест. Епископа Нестора передали настоятелю монастыря под расписку с инструкциями о его содержании. Корреспондент газеты «Утро России» так описал пребывание владыки в монастыре:

«Грязная, узкая лестница в самом заднем углу монастырского двора ведет в келью епископа, похожую на дешевенький номер грязного постоялого двора. На обитой какой-то дерюгой двери сделана от руки “визитная карточка”: “Епископ Нестор Камчатский, заключенный большевиками”. В комнате всей мебели только маленький кухонный столик, клеенчатый диван и в углу икона.

– Тяжело, тоскливо, – говорит епископ Нестор. – Тяжело то, что пришлось перенести, и не менее угнетает и то, что приходится переносить теперь: угнетает бездействие, лишение возможности работать. Пришлось оставить научные занятия, бросить на произвол судьбы коллекции с Камчатки. Скучаю по соборной работе. Большое лишение для меня и то, что я не могу больше проповедовать. Уста замкнуты. Правда, мне здесь разрешено совершать богослужение, но живого общения с верующими я лишен. Немыслимо что-нибудь говорить теперь, в моем положении подследственного арестанта.

– Что вы считаете причиной ареста?

– Причин нет. Я не политик, я всего только церковник, болевший душою об унижении Церкви и не скрывавший этого»³⁷.

В Александровском училище, куда поначалу был отправлен владыка, его поместили в общество анархистов, каких-то солдат и адъютанта известного киевского палача, главнокомандующего советскими войсками на Украине М. Муравьева, на совести которого было немало расстрелянных и замученных неповинных жертв. Охраняли латыши, не говорившие по-русски, и еще «какие-то интернационалисты». Спал епископ на голом полу, подложив под голову полено. На вопрос: «Куда нас поведут?», был ответ: «Конечно, под расстрел»³⁸.

---

37 Баконина С.Н. «Церковник, а не политик...» // Вестник церковной истории. 2008. № 1(9). С. 99–107.

38 Там же.

Для освобождения владыки Нестора Собор направил делегацию к представителям власти, но делегатам было сказано, что с делом еще не ознакомились, «документы» не разобраны, арестованных очень много и все ждут очереди. Только благодаря требованию Собора о немедленном освобождении Преосвященного узника, с оповещением во всех московских храмах о совершении молитв о его здравии и спасении, 5 марта Камчатский епископ был освобожден. Ему было разрешено свободное передвижение по Москве, но без права выезда за ее пределы и обязательством явиться по первому требованию в следственную комиссию военно-революционного трибунала.

За время заточения в Таганской тюрьме владыка, как писал он в своих воспоминаниях, смог приобрести себе там друзей, и таким образом после освобождения получил возможность посещать камеры заключенных. Им была совершена последняя литургия в тюремном храме, который вскоре был уничтожен. В одной из камер архиерей встретил заключенного М. Муравьева, попросившего о посещении. «Кровавый человек», как называли его, мучимый угрызениями совести, открыл тогда епископу тягчайший грех – участие в убийстве старца митрополита Киевского Владимира. Муравьев мог предотвратить преступление, но не сделал этого и поощрял убийц священномученика.

После освобождения по благословию Патриарха епископ Нестор продолжал совершать крестные ходы с чудотворными Иверской и «Державной» иконами Божией Матери. 19 марта вместе с епископом Серпуховским Арсением (Жадановским) он сослужил Святейшему Патриарху в храме вмч. Ирины в Покровском, куда была принесена «Державная» икона, 2 апреля образ был перенесен в храм св. Иоанна Предтечи в Переяславской слободе, и владыка вновь служил вместе с Патриархом. Во время этих богослужений храмы были переполнены народом.

По окончании второй сессии Собора, в апреле 1918 года епископ Нестор побывал в Казани, где последний раз увиделся с родными. Тогда же он отправил письмо Патриарху Тихону³⁹. Поздравив его с праздником Светлого Христова Воскресения, архиерей написал о своем служении в местных церквах, беседах с рабочими, которые, как говорилось в письме, «требуют обязательного преподавания Закона Божия в учебных заведениях». Вместе с тем он с болью рассказал о разбоях, грабежах и убийствах, нарушавших жизнь Казанской епархии. В конце письма епископ Нестор сообщил о своем намерении вернуться в Москву, чтобы повидаться с архиепископом Евсеием и затем выехать на Камчатку⁴⁰.

Во время отсутствия епископа Нестора политическая жизнь Камчатки была нестабильной. В июле-августе 1917 года на состоявшемся в Петропавловске Первом Камчатском областном съезде было принято решение о созыве городской Думы и был избран новый областной комиссар, которым стал эсер К.П. Лавров. 26 октября на Камчатке было получено сообщение о взятии власти в Петрограде большевиками. 10 декабря в Петропавловске состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, который на первом же публичном митинге 1 января 1918 года объявил себя высшей властью в городе.

Весной 1918 года, после Пасхи, епископ Нестор вернулся из Казани в Москву для участия в третьей сессии Собора (19 июня/2 июля – 7/20 сентября). По воспоминаниям владыки, осенью 1918 года власти пытались прервать соборную работу, отняли палату для заседаний и всячески преследовали всех членов Собора. Архиереев начали лишать квартир. «Мое пребывание в Москве, – писал он, – стало грозить мне опасностью, так как большевики напали на след изданной мною книги “Расстрел Московского Кремля”». Об опасности предупредил епископа Нестора и Патриарх Тихон, указав, чтобы

---

39 Письмо датировано 17 апреля 1918 г.

40 ГАРФ. Ф. Р-4652. Оп. 1. Д. 4. Л. 139-139 об.

он принимал меры к выезду из Москвы, так как у Патриарха был обыск, во время которого представители власти арестовали книгу «Расстрел Московского Кремля» и требовали у Патриарха выдать адрес автора.

В октябре 1918 года епископ Нестор, напутствуемый благословением Патриарха Тихона и владыки Евсевия, оставшегося в Москве патриаршим помощником в сане митрополита Крутицкого, покинул столицу. Впереди у него был непростой путь на Дальний Восток.

Из Москвы епископ Нестор выехал 18 октября в сопровождении участника Поместного Собора камчадала И.Т. Новограбленова. Следовать на Дальний Восток прямым путем – через Сибирь до Владивостока – было невозможно по причине военных действий. Поэтому пришлось добираться кружным путем – через Киев, Одессу, Крым, Константинополь, Александрию, Египет, Суэцкий канал, Порт-Саид, Гонконг, Шанхай⁴¹.

В Киев епископ Нестор прибыл 4 ноября, в день празднования Казанской иконы Божией Матери. В это время в Киеве подходила к своему завершению работа Всеукраинского Церковного Собора, на котором велась борьба между сторонниками единства Русской Церкви и украинскими автокефалистами. Соборная работа была прервана в декабре 1918 года. После ухода оккупационных немецких войск и бегства гетмана Скоропадского в Германию Киев был занят петлюровцами или, как их называли, «сечевиками».

«Снова для Киева настали черные дни, – писал в своих воспоминаниях владыка Нестор. – С приходом петлюровцев в городе вновь начались аресты, расстрелы, конфискации домов и имущества»⁴². Тогда же были арестованы и переправлены

---

41 *Нестор (Анисимов), митр.* Мои воспоминания. М., 1995. С.167.

42 *Нестор (Анисимов), архиеп.* Смута в Киеве. Мученичество митрополита Владимира в 1918 г. (Цит. по: Вернувшийся домой. Т.1. М., 2005. С. 435).

в униатский монастырь в Бучаче избранный на Соборе митрополитом Киевским и Галицким Антоний (Храповицкий) и архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский). Сам епископ Нестор нашел убежище в Златоверхом Михайловском мужском монастыре, в котором скрывались остатки белых отрядов во главе с командиром особого отряда Северной Армии генералом Ф.А. Келлером.

Граф Ф.А. Келлер – генерал от кавалерии, «первая шашка России», бесстрашный командир, сохранивший верность царской присяге, – принял решение прорваться с группой офицеров из Киева, чтобы соединиться с Добровольческой армией. В свой отряд он предложил вступить и епископу Нестору, у которого просил благословение на свое опасное предприятие. Владыка, понимая невыполнимость его плана, пытался отговорить графа, но услышан не был. Его опасения оправдались. Когда петлюровцы вошли в город, то многие офицеры бежали. Келлер остался с небольшой группой, с которой и пришел в Михайловский монастырь. Архиерей с риском для жизни помогал графу в спасении оставшихся в монастыре офицеров. Самого графа спасти не удалось, в скором времени он был расстрелян петлюровцами вместе с двумя своими адъютантами. Их тела, брошенные на свалку, были найдены и тайно перевезены в Покровский монастырь, где епископ Нестор совершил отпевание, после чего убиенные были похоронены в ограде обители.

Впоследствии епископ Нестор, уже проживая в эмиграции, издал свои воспоминания о пережитом в Киеве, включив в них не только описание событий, свидетелем и участником которых он был, но также рассказ о жизни и мученической кончине Киевского митрополита Владимира (Богоявленского)⁴³.

---

43 *Нестор (Анисимов), архиеп.* Смута в Киеве. Мученичество митрополита Владимира в 1918 г. (по личным воспоминаниям). Харбин: Изд-е Обители Милосердия, 1937.

Весной 1919 года он покинул Киев и выехал в Одессу и затем в Ялту, где в это время пребывали некоторые члены императорской семьи. Их жизнь постоянно была под угрозой. Весной 1918 года Ялтинский совет потребовал немедленной казни всех Романовых, Севастопольский совет ждал приказа от Ленина и под предлогом заботы о безопасности представителей царской фамилии потребовал их переселения в имение Дюльбер, что фактически явилось домашним арестом. На какое-то время положение узников облегчила оккупация Крыма немцами, а после их отступления занятие портовых городов войсками Антанты и Вооруженных сил Юга России. Однако с приближением Красной армии ситуация снова стала угрожающей. Тогда же в Крым приехал епископ Нестор. В этот нелегкий период он стал для Романовых надежным и мудрым духовником, часто совершал богослужения во дворце «Чаир» у великого князя Николая Николаевича и во дворце «Харакс» у вдовствующей императрицы Марии Феодоровны.

В апреле 1919 года усилиями европейских королевских домов вдовствующая императрица Мария Феодоровна и ее ближайшее окружение были вывезены из России. Мария Феодоровна покинула страну на английском дредноуте «Мальборо», следовавшем через Константинополь и Мальту в Англию. Покинул Крым и епископ Нестор, направлявшийся в Константинополь. Пробыв там около месяца, он продолжил путь на Дальний Восток на пароходе Добровольного флота «Томск», следовавшем на Камчатку. По воспоминаниям владыки Нестора, пароход шел 84 дня «с небольшими остановками в попутных портах, но с трудными задержками в отчаянном, страшном и длительном шторме в Индийском океане»⁴⁴. По прибытии в Петропавловск архиерей исполнил все епархиальные дела, многожды служил, после чего отплыл

---

44 *Нестор (Анисимов), митр. Мои воспоминания.* М., 1995. С.168.

на следующем пароходе, чтобы посетить камчатские селения, расположенные по восточному побережью Берингова моря.

В конце августа – начале сентября 1919 года епископ Нестор находился в Омске, где дважды встречался с Верховным правителем России А.В. Колчаком, от которого получил предложение быть духовником казачьих войск⁴⁵. В это же время духовенство 3-й армии Колчака возглавлял епископ Андрей (Ухтомский), бывший также членом Высшего Временного Церковного Управления (ВВЦУ) Сибири. Постановлением Сибирского ВВЦУ от 16 сентября 1919 г. за № 95 епископ Нестор был командирован в распоряжение военных властей «для священнослужения и проповеди в казачьих войсках Сибири и Дальнего Востока»⁴⁶. На следующий день после назначения он выступил с воззванием к казачеству, в котором призвал воинов-казаков к решительной борьбе с большевиками – «жестокими врагами нашей Веры и Государства»⁴⁷.

По причине отсутствия архиерея на Камчатке 30 октября 1919 года в адрес Владивостокского Епархиального совета поступила резолюция временно управлявшего Владивостокской епархией епископа Михаила (Богданова) с предложением Совету заготовить письмо в Сибирское ВВЦУ для разъяснения «как быть с Камчатским викариатством в виду того, что Преосвященный Нестор, хотя и прибыл на Дальний Восток, но находится теперь в Омске и делами своей епархии не занимается»⁴⁸.

Епископ Нестор сразу же выехал во Владивосток и в докладе Владивостокскому Епархиальному Совету от 13 января 1920 года сообщил: «Сделанное мне предложение Высшей Военной Властью о служении в настоящее тяжелое время среди Казачества я принял при условии совмещения озна-

---

45 Наша газета. Омск, 1919. 2 сентября.

46 Сибирская речь. Омск, 1919. 6/19 сентября.

47 ГАРФ. Ф.А-353. Оп.2. Д.717. Л.6.

48 РГИА ДВ Ф. 244. Оп. 3. Д. 323. Л. 93.

ченной службы с управлением мною Камчатской епархией»⁴⁹. 23 февраля он доложил о своем отбытии на Камчатку через Японию⁵⁰.

Но вернуться на Камчатку епископ Нестор больше не смог, потому что там произошло восстание и пароходы в Петропавловск не пускали⁵¹. Добраться ему удалось только до Японии, куда он отплыл в конце февраля 1920 года. Пребывание там продолжалось больше года и ознаменовалось выходом в Токио второго издания книги «Расстрел Московского Кремля» на русском и японском языках. Книга, дополненная новыми свидетельствами о гонениях в России, была представлена японскому императору, выразившему автору через Российского посла Василия Николаевича Крупенского высочайшую благодарность.

Русские беженцы, оказавшиеся в Японии после революции и гражданской войны, селились в основном в районе Токио-Йокогама. В Токио по-прежнему продолжало свою деятельность старое Российское посольство, которое было окончательно ликвидировано только после принятия Соглашения об установлении дипломатических отношений между Японской империей и СССР 20 января 1925 года. При посольстве имела церковь, но главным духовным центром, как для русских, так и для православных японцев, был Токийский Воскресенский собор, принадлежавший Российской Православной миссии в Японии. «Никорай-До», что значит «собор Николая», уважительно называли его японцы, глубоко чтившие просветителя Японии, первого начальника Миссии архиепископа Николая (Касаткина)⁵².

---

49 РГИА ДВ. Ф.244. Оп.3. Д.323. Л.101.

50 РГИА ДВ. Ф. 244. Д. 323. Л. 104.

51 *Нестор (Анисимов), митр.* Мои воспоминания. М., 1995. С.168.

52 Святой равноапостольный Николай Японский – архиепископ Николай (Касаткин Иван Дмитриевич, 1836–1912). Утверждение общецерковно-

С 1912 года Российской Православную Миссию в Японии возглавлял преемник архиепископа Николая епископ Сергей (Тихомиров). С октября 1917 года Миссия полностью лишилась финансирования, которое поступало из России, и настолько обеднела, что одно время епископ Сергей «зарабатывал себе на кусок хлеба в Пресс-бюро и жил случайными подающими проезжих русских доброхотов»⁵³.

В 1918 году было прервано всякое сообщение с Родиной, и до июля 1921 года глава Миссии не получал из России ни одного письма. Не имел он сведений и о постановлениях прошедшего в Москве Поместного Собора, кроме изданной в Омске брошюры «Определения Священного Собора об управлении Православной Российской Церкви и Приходской устав».

Оказавшийся в Японии епископ Нестор, известный миссионер и деятельный участник Московского Собора, очень скоро стал близким другом и духовным единомышленником владыки Сергея. Первое время он жил в Йокогаме, в часовом расстоянии от Токио. Большинство проживавших там русских людей были лишены церковного окормления, главным образом по причине затрат на дорожные расходы, которые требовались для посещения церковных служб в Токио. И по благословению епископа Сергея Камчатский архиерей стал для них добрым пастырем, всегда отвечавшим на их нужды.

Летом 1921 года епископ Нестор выехал из Японии в китайский город Харбин (Маньчжурия), которому было суждено стать центром русского православного рассеяния на Дальнем Востоке. Харбин был заложен русскими в 1898 году в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) как ее административно-хозяйственный центр. В Полосе Отчуждения, относившейся к приграничной с Россией китайской территории, было построено 28 православных хра-

---

го почитания в лике святых состоялось на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1971 г.

53 ГАРФ. Ф.6343. Д.232. Л.2.

мов, составивших благочиннический округ Владивостокской епархии.

В начале 1920-х годов православное население этой области составляли как старожилы из числа граждан Российской империи, так и беженцы из России, в числе которых оказались два архиерея, оставившие свои епархии после занятия их территорий красными, – архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов)⁵⁴ и епископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий (Заборовский)⁵⁵.

По составу населения и укладу жизни Харбин представлял собой традиционный российский город, который состоял из семи районов, в каждом из которых имелись православные храмы. Главными районами были Пристань и Новый Город. На Приistani, в деловом центре Харбина, находились речной порт и коммерческий центр. В Новом Городе располагались резиденции, иностранные консульства и клуб КВЖД. На одной из площадей возвышался Свято-Николаевский собор, на другой находился центральный железнодорожный вокзал с огромной иконой святителя Николая на стене. Пять других районов Харбина выглядели скромнее, но в каждом из них также имелись православные храмы, приходы которых с начала 1920-х годов сильно увеличились за счет русских эмигрантов, основная часть которых состояла из людей, оказавшихся в крайне бедственном положении.

Русская Православная Церковь в Маньчжурии была небогатой, но именно она осуществляла большую благотвори-

---

54 Перебрался в Харбин в феврале 1920 г., после безуспешных попыток сохранить управление своей епархией. Приходским советом Свято-Николаевского собора был приглашен для совершения воскресных и праздничных богослужений.

55 Покинул свою епархию вместе с отступавшими из Читы войсками атамана Семенова. С августа 1920 г. получил убежище на Харбинском подворье Пекинской миссии с назначением на пост наблюдателя за делами подворья. Из своего нового местопребывания почти два года пытался управлять оставленной епархией.

рительную работу и была источником моральной поддержки для беженцев. Прибыв в Харбин, епископ Нестор сразу включился в эту работу, оказывая посильную помощь разным благотворительным организациям.

Первое упоминание харбинской прессы о пребывании архиерея в Харбине относится ко дню третьей годовщины убиения царственных мучеников. По сообщению газеты «Свет», епископ Нестор совершал всенощную в субботу 16 июля и литургию 17 июля в храме района Модягоу⁵⁶. После литургии им была отслужена панихида по убиенным Государе императоре Николае II и Его Августейшей семье. Несмотря на плохую погоду, на богослужении было много молящихся, и, по воспоминаниям очевидцев, особенное впечатление на собравшихся произвела проповедь владыки, посвященная памяти императора Николая II. «Внятный приятный голос, – писал один из них, – его пламенная искренняя речь действовали на нервы, многие слушая его <...> плакали»⁵⁷.

Другой очевидец, передавая содержание проповеди, писал, что в слове епископа Нестора личность царя, его супруги и детей предстали перед слушателями «окруженными ореолом честной трудовой жизни и мученической смерти, а русский народ явился изменившим своему Царю, не сумевшим защитить Его, свою Родину и Церковь. <...>

Из слов Владыки, – говорилось в статье, – многие впервые узнали, как горячо любил родину Царь, как на требование советской власти подписать Брестский мир Он заявил: “Пусть лучше отрубят мне руку, но я никогда не подпишу такого договора”. Узнали также, что когда Керенский предложил Императору личную свободу и безопасный отъезд в Англию, Николай II отказался, сказав, что он русский и умрет в России. Узнали также, что Царица, когда Ее в заключении

---

56 Свет. Харбин, 1921. 16 июля.

57 Свет. Харбин, 1921. 22 июля.

хотели разъединить с детьми, говорила, что она готова быть последней судомойкой в России, чтоб только их не разлучали.

А дети? Они, живя в религиозной христианской семье, с ранних лет привыкли к милосердию, в годы войны они ухаживали за ранеными, перевязывали их, в это долгое время они не знали развлечений. Будучи в заключении, царская семья делилась со своей стражей, чем могла, – и вчерашние ее враги становились ее друзьями. Но менявшиеся часто стражи порой глумились над заключенными, плюя в их пищу и заставляя затем есть.

Отрекся от престола Царь, а затем умерли Он и Его семья... Что же, стал ли русский народ счастливее, равноправнее, свободнее и богаче прежнего? Увы, все мы видим совершенно обратное»⁵⁸.

В заключение, по словам корреспондента, владыка призывал слушателей к покаянной молитве и слезам – «слезам не за убиенных только, получивших уже венцы нетления – а слезам за нашу Родину и страждущих близких»⁵⁹.

В этот день молящимся были розданы листовки с портретом императора Николая II «Сон 2-го марта 1917 г.», в которых епископ Нестор описал вещие сны Российского императора, отражавшие горькую судьбу народа и его веру в воскрешение Руси.

Через два дня, 20 и 21 июля, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, епископ Нестор служил в главном храме Харбина Свято-Николаевском соборе, в субботу 23-го и воскресенье 24-го июля – в Софийском храме на Пристани, а через неделю, 30-го всенощную и 31-го литургию, – в Преображенской церкви Корпусного городка. В этот день в сослужении многих священников богослужения совершали все пребывавшие в Харбине архиереи – архиепископ Мефодий, епископ Мелетий и епископ Нестор. После литургии на

---

58 Свет. Харбин, 1921. 19 июля.

59 Там же.

площадке Корпусного городка была произведена отливка колоколов для церкви. Через день, 2 августа, епископ Нестор снова служил вместе с двумя архиереями-беженцами в Софийской церкви по случаю престольного праздника в честь св. пророка Илии.

В субботу 6 августа и в воскресенье 7-го епископ Нестор совершил всенощную и литургию в Иверской церкви на Офицерской улице близ вокзала.

Иверский храм находился в районе Пристани. Эта церковь была построена в 1907 году на средства чинов Пограничной стражи Заамурского Пограничного округа, за что её называли военной. Здесь хранились иконы русских полков, а внутри храма были написаны имена многих русских воинов, погибших за Отечество⁶⁰. В храме было два придела: южный, в честь преподобного Серафима Саровского, и северный, в честь святителя Николая. Рядом с храмом находилась могила генерала Добровольческой армии Владимира Оскаровича Каппеля, прах которого был привезён в Харбин и захоронен возле церкви⁶¹.

Впоследствии митрополит Нестор напишет, что, приехав в Харбин на жительство, он сразу получил приглашение служить в Иверском храме, где долгое время и жил. В этом, по его словам, сбылось пророчество юродивой Аннушки из Покровского монастыря в Киеве. Анну – прозорливую старицу – очень любили и прислушивались к ее глубоким по смыслу предсказаниям. Митрополит Нестор вспоминал: «Однажды [в 1918 году] эта юродивая Аннушка пришла ко мне и начала пророчествовать, что Иверская Божия Матерь Нестору даст место»⁶².

---

60 Китайский Благовестник. 2001. №1. С.24.

61 *Троицкая С.С.* Русский Харбин. Брисбен, 1995. С.15.

62 *Нестор (Анисимов), архиеп.* Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 году. Харбин, 1937. С.25.

Поселившись при Иверской церкви, епископ Нестор включился в работу Свято-Иверского Богородицкого братства, учрежденного при храме 28 ноября 1920 года для помощи русским эмигрантам и миссионерской противосектантской деятельности среди населения Маньчжурии. 19 августа 1921 года, в день Преображения Господня, в газете «Свет» появилось объявление: «Сегодня в 7 часов вечера в братской аудитории на Продовольственном пункте имеет состояться лекция епископа Нестора Камчатского “Расстрел Московского Кремля большевиками”. Приглашаются все интересующиеся и братчики ввиду исключительного значения лекции. Вход бесплатный»⁶³. Однако вечером этого дня епископ Нестор выступить не смог, так как получил известие о кончине своего отца Александра Александровича Анисимова, случившейся в Вятке 6 февраля. По сообщению газеты, в этот вечер архиерей служил в храме⁶⁴, и вместо него выступил другой докладчик.

Та же газета оповещала: «В следующую пятницу, 26 августа, в день ангела святейшего патриарха Тихона, Иверским братством при любезном участии епископа Нестора устраивается “патриарший вечер”. Будет петь квартет»⁶⁵.

В день тезоименитства Святейшего Патриарха Тихона в Свято-Николаевском соборе Харбина состоялось торжественное богослужение, совершенное тремя архиереями соборно со всем харбинским духовенством. В тот же день вечером в Иверском храме епископ Нестор совершил молебен о здравии Патриарха и сказал проповедь, посвященную его святительской деятельности. Всем присутствовавшим на молебне была роздана фотография Патриарха и брошюра епископа Нестора «Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон»⁶⁶.

---

63 Свет. Харбин, 1921. 19 августа.

64 Свет. Харбин, 1921. 21 августа.

65 Свет. Харбин, 1921. 23 августа.

66 Свет. Харбин, 1921. 28 августа.

Службы, проповеди и лекции епископа Нестора упоминались в местных газетах почти ежедневно, тогда как имена других харбинских архиереев встречались намного реже. 22 мая 1922 года исполнилось пятнадцать лет служения епископа Нестора в священном сане. Иверская церковь отметила этот день как праздник. Прихожане задолго до начала литургии собрались в церковной ограде, и к моменту прибытия владыки из храма были вынесены хоругви и иконы. Хор встретил преосвященного юбиляра пением «Благословен Грядый». Проследовав при пении тропаря в храм, он был встречен духовенством и перед облачением выслушал приветственное слово, произнесенное бывшим полковым священником протоиереем Алексием Русецким, который рассказал о трудном пути епископа Нестора и отметил важнейшие события, связанные с именем чествуемого. В ответ епископ Нестор поблагодарил молящихся за их внимание и любовь.

Важным этапом в церковной жизни Дальнего Востока стало основание 29 марта 1922 года указом Высшего Церковного Управления Заграницей (ВЦУЗ) самостоятельной епархии с кафедрой в Харбине. Главой новоучрежденной Харбинской епархии стал старейший из архиереев-беженцев архиепископ Мефодий (Герасимов).

В июле-августе 1922 года архиепископ Харбинский и Маньчжурский Мефодий и епископ Камчатский и Петропавловский Нестор посетили Владивосток для участия в Приморском Земском соборе, который собрался для решения вопроса о верховной власти в занятом белыми Приморье и впоследствии в России. После Собора, 13–14 сентября 1922 года, в г. Никольске-Уссурийском состоялось Епископское совещание, посвященное вопросам церковного управления на Дальнем Востоке⁶⁷. На нем, в частности, был изменен статус Камчатской епархии – из полусамостоятельного викариатства

---

67 Участники Епископского совещания 1922 г. были: архиепископ Мефодий (Герасимов), архиепископ Сергей (Тихомиров), епископ

она была преобразована в самостоятельную епархию в составе Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Этот приезд на Родину оказался для участников совещания последним. Осенью 1922 года в Приморье установилась советская власть, Гражданская война в России закончилась поражением Белого движения. Возвращение в свои епархии архиереев, открыто благословлявших воинов Белой армии на борьбу против большевиков и выступавших за восстановление в стране монархии во главе с представителем Дома Романовых, стало невозможным.

Тогда же за границу эмигрировал епископ Владивостокский Михаил (Богданов). Ранее епископ Самарский и Ставропольский он покинул свою епархию после оставления Самары белыми частями, и в 1919 году был назначен на Владивостокскую кафедру вместо оставшегося в Москве архиепископа Евсевия, возведенного в сан митрополита Крутицкого. После эмиграции он сначала проживал в Японии, но после случившегося там 1 сентября 1923 года землетрясения переехал в Харбин, где до самой своей кончины в 1925 году служил в Софийской церкви.

Остался в Харбине и епископ Нестор. Имея богатый опыт миссионерской и благотворительной деятельности, он смог продолжить свои труды в новых, непривычных условиях, посвятив себя заботам о русских беженцах.

1 марта 1923 года он основал при Иверском братстве свое первое эмигрантское благотворительное учреждение – Кружок ревнителей православия и сестричество. Кружком устраивались бесплатные обеды для бедных, нуждающимся раздавалась одежда и обувь, оказывалась ежемесячная денежная поддержка Иверскому хору, проводилась разносторонняя просветительская работа. Сестры-ревнительницы занимались сбором средств, белья, одежды и обследованием действитель-

---

Михаил (Богданов), епископ Мелетий (Заборовский), епископ Нестор (Анисимов).

ной нужды лиц, обращавшихся в Кружок за помощью. Они же поддерживали порядок за богослужением и благолепие Иверского храма.

Одним из главных событий в работе Кружка стало открытие в августе 1923 года в районе Модягоу приюта для бедных хроников, при котором была устроена домовая церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Достоянием церкви были две чудесно обновившиеся иконы и убранство, состоявшее из предметов, привезенных епископом Нестором с Камчатки, среди которых особо выделялся его епископский посох из рога. Другая часть церковных предметов состояла из пожертвований, подаренных храму жителями Харбина.

Тогда же владыка начал помогать архиепископу Японскому Сергию в его трудах по восстановлению разрушенных землетрясением Японской миссии и Токийского собора. После восстановления собора в декабре 1929 года по приглашению архиепископа Сергия он приезжал в Японию для участия в его освящении.

Личность епископа Нестора привлекала к себе внимание не только православных людей, всегда относившихся к нему с любовью и отвечавших на призывы о помощи. В период распространения в Китае советского влияния он стал одной из главных фигур, вызывавших недовольство представителей большевистской власти. Так, в августе 1924 года по настоянию советского особоуполномоченного М.Я. Ракитина (Брауна) в квартире Камчатского епископа был произведен обыск. По слухам, его организовал мелкий китайский полицейский чин за взятку от представителя СССР. У архиерея, подозревавшегося «в сношениях с заграничными и внутриросийскими антибольшевистскими организациями монархического характера»⁶⁸, были изъяты комплекты газеты «Русский голос»

---

68 Вологодский П В. Во власти и в изгнании. С. 453.

и журнала «Святая Русь». Инцидент с обыском у епископа Нестора взволновал эмигрантское общество, которое увидело в нем начало гонений, ожидавших всех несогласных с коммунистическим режимом после окончательного признания СССР Китаем.

Но епископ Нестор гонений не опасался. Через четыре года после основания Кружка ревнителей он приобрел в Модягоу дом с участком и учредил там Дом Милосердия, куда перевез свой приют для престарелых и больных людей. Вскоре Дом Милосердия вместил второй приют – детский, для девочек-сирот, освящение которого состоялось 27 ноября 1927 года. Содержание приютов во многом зависело от личной энергии и авторитета их учредителя. Опираясь на свой «камчатский опыт», епископ Нестор обращался с призывами о помощи «к добрым людям Харбина» как во время проповеди с церковного амвона, так и со страниц местных газет; проводил сборы по подписному листу; устраивал лотереи-базары.

Очередным важным событием в его подвижнической деятельности стала постройка при Доме Милосердия отдельного большого храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»⁶⁹. Тогда же Дом Милосердия стал именоваться Камчатским подворьем.

Оказывая поддержку русским беженцам, епископ Камчатский Нестор совершал миссионерские поездки на линии КВЖД, где во многих местах действовали сектанты. Иногда его проповедь обращала в православие инородцев и инославных, а после посещения домов, куда его приглашали хлебосольные хозяева, храмы начинали посещать советские служащие до роги, прежде скрывавшие свои религиозные убеждения из-за угрозы увольнения со службы. Были случаи, когда советские работники приходили крестить детей. Но главным делом вла-

---

69 Храм был освящен в октябре 1928 г.

дыки Нестора на все годы его жизни в Харбине оставались труды и заботы о Доме Милосердия.

В 1920-х годах владыка Нестор, также как и другие дальневосточные иерархи, оставался в юрисдикции Зарубежного Синода, находившегося в Сремских Карловцах.

В конце июня 1923 года в Москве после подписания так называемого «покаянного заявления» был освобожден из-под ареста Патриарх Тихон. Большинство православных восприняли его «покаяние» как провокацию советских властей. В связи с этим 3 июля 1923 года Архиерейский Синод РПЦЗ принял секретное определение, в котором говорилось о неисполнении некоторых распоряжений Патриарха⁷⁰. Вопрос об отношении заграничной церковной власти к его распоряжениям и неисполнении тех из них, которые не соответствовали политике Зарубежного Синода, обсуждался на Архиерейском Соборе в Сремских Карловцах в 1924 году.

Дальневосточные архиереи, не имея возможности выехать в Европу, участвовали в Архиерейских соборах Русской Православной Церкви Заграницей заочно и присылали свои ответы на предлагавшиеся им вопросы по почте. Какого-то несогласия с общим соборным мнением, как правило, не возникало. Но по данному вопросу два дальневосточных архиерея – глава Харбинской епархии архиепископ Мефодий и епископ Нестор – отзывов не прислали, что могло быть истолковано как несогласие с Зарубежным Синодом.

В 1926 году Русская Православная Церковь Заграницей пережила первое отразившееся в официальных документах размежевание в среде своего епископата, повлекшее за собой длительный период юрисдикционных конфликтов. Это разделение явилось следствием целой цепочки событий, которые затрагивали самые основы существования Зарубежной Церкви.

---

70 Таковыми признавались те из них, которые: роняют достоинство РПЦЗ; носят явные следы насильственного давления на совесть Патриарха со стороны советской власти. (См.: ГА РФ. Ф. Р-6343. Д. 2. Л. 38–38 об.)

В 1925 году, после кончины Патриарха Тихона, Зарубежная Церковь столкнулась с очередной проблемой церковного управления. После избрания российскими иерархами Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополита Крутицкого Петра (Полянского) за границей был поставлен вопрос о признании его прав на Местоблюстительство. Зарубежный Синод выразил недоверие митрополиту Петру, которого члены Синода не знали как архиерея и боялись его соглашательства с обновленцами. Сохранявший связь с Москвой епископ Камчатский Нестор был осведомлен о событиях на Родине, поэтому он прислал в Зарубежный Синод разъяснительное письмо, приложив к нему копию полученного из России послания митрополита Петра. Послание, свидетельствовавшее о стойкости Местоблюстителя, рассеяло все сомнения и смущения зарубежных епископов. Таким образом епископ Нестор не только поддержал Всероссийскую церковную власть, но и помог заграничным архипастырям найти правильное решение – на Архиерейском Соборе РПЦЗ в мае 1926 года состоялось признание ими митрополита Крутицкого Петра (Полянского) Местоблюстителем Патриаршего Престола.

Тогда же, отвечая на вопрос, поставленный Собором перед зарубежными иерархами, епископ Нестор обозначил свою позицию и сообщил о поддержке Зарубежного Синода как органа церковного управления за границей с каноническим подчинением Всероссийской церковной власти Местоблюстителя Патриарха.

На Архиерейском Соборе 1926 года ставился еще один вопрос, вызвавший разногласия в среде русской эмиграции, а именно – о разрешении общественного моления за великого князя Кирилла Владимировича как за императора. К этому времени больше всего сторонников Великого князя, самовольно объявившего себя императором, было в Германии и Венгрии. Дальний Восток поддерживал Великого князя Николая Николаевича, которого видели избранником на Все-

российский престол еще на Приамурском Земском соборе 1922 года. На запрос Заграничного Синода о настроениях местного эмигрантского общества по отношению к заявлениям Кирилла Владимировича с Дальнего Востока поступило два ответа – от архиепископа Харбинского Мефодия и епископа Камчатского Нестора. Оба иерарха утверждали, что большинство монархистов Дальнего Востока не признают притязаний Великого князя Кирилла.

Епископ Нестор по этому поводу написал: «по нашим наблюдениям, ни в Маньчжурии, ни вообще на Дальнем Востоке провозглашение Великого Князя Кирилла Владимировича себя императором не пользуется сочувствием, ибо народ ждет в этом важном и серьезном деле указаний свыше. Небольшая кучка людей, это провозглашение приявших, состоит главным образом из людей, имевших в прошлом то или иное к великому князю Кириллу Владимировичу отношение. Таким образом, в представлении массы населения, сам провозгласивший себя императором, великий князь не является таковым, и поминание его как императора могло бы вызвать только смущение и недоумение большинства русских людей»⁷¹.

Но главную роль в церковных разделениях русского рассеяния 1920-х годов сыграла Декларация 1927 года, составленная Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). В связи с арестом Местоблюстителя, митрополита Петра, он оказался вершителем дел Московского Патриархата и в своей Декларации, «ради сохранения Церкви», выразил требование ко всем священнослужителям и пастве о лояльности советской власти. Непризнание многими православными, как в России, так и за границей, этого требования стало серьезным обвинением против них, поводом к усилению гонений на несогласных. В итоге Декларация не только не принесла пользы Русской

---

71 ГА РФ. Ф. Р-6343. Д. 6. Л. 138.

Церкви, но стала причиной смут и нестроений, взаимных запрещений и прекращения евхаристического общения.

От Зарубежного Синода, который стал именоваться Карловацким, окончательно отошел запрещенный им в служении митрополит Евлогий (Георгиевский), тогда еще не порвавший с Москвой и возглавлявший Западноевропейские приходы. Из дальневосточных иерархов единство с Московской церковной властью во главе с Заместителем Местоблюстителя сохранил архиепископ Японский Сергей. Он был возмущен действиями Зарубежного Синода по отношению к отделившимся от него сторонникам митрополита Евлогия и в своем письме митрополиту Сергию от 17 сентября 1928 года высказался о необходимости ликвидировать Карловацкий Синод как источник всех нестроений в жизни заграничной Русской Церкви. Тогда, утверждал архиепископ Сергей, все эмигрантские архиереи и духовенство смогли бы «работать на своих местах без запрещений»⁷².

Своими мыслями глава Японской миссии не раз делился с епископом Нестором, в котором встречал сочувствие и понимание. Под влиянием этих бесед епископ Нестор весной 1929 года начал переписку о принятии его в юрисдикцию Московской Патриархии. В ответ Заместитель Местоблюстителя издал указ № 1496 от 31 мая 1929 года о приеме архиерея в московскую юрисдикцию, о чем должен был сообщить «Церковный вестник Западно-Европейской епархии». Однако уже летом 1929 года Камчатский епископ проявил неуверенность в своем решении и через архиепископа Японского Сергия направил письмо митрополиту Евлогии с просьбой не публиковать указ № 1496 в своем официальном печатном органе. Но указ получил огласку, о нем сообщил октябрьский номер «Церковного вестника»⁷³.

---

72 Ведерников А. Пример церковного законопослушания // ЖМП. 1951. № 7. С. 47.

73 Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1929. № 10. С. 31.

После этого на епископа Нестора обрушился поток анонимных писем, обвинявших его в живоцерковничестве и большевизме. В эмигрантской среде стали распространяться слухи о его назначении на Харбинскую кафедру с возведением в сан архиепископа. Ответом на обвинения стало интервью архиерея, опубликованное в феврале 1930 года в газете «Гун-бао». Объясняя свою позицию, он указал на невозможность для себя отделения от гонимой Матери Церкви и Всероссийской церковной власти. Епископ Нестор искренне считал, что митрополит Сергей не признал советской власти, а только отказался от всякой политической борьбы и в своих действиях проявлял заботу о целостности Православной Церкви в России. В заключение он опроверг слухи о своем назначении на Харбинскую кафедру и сказал, что оставил для себя лишь дело милосердия, которому служит в Харбине⁷⁴.

Реакцией на это интервью стало опубликованное в Белградской газете «Царский вестник» «Открытое письмо Китайского и Пекинского Митрополита Иннокентия Епископу Нестору». Глава Пекинской миссии митрополит Иннокентий (Фигуровский) был не только активным защитником Зарубежного Синода, но многие годы сохранял личную преданность его главе митрополиту Антонию (Храповицкому), с которым вел обширную переписку. Его мнение, особенно по вопросам церковного управления, всегда обсуждалось и принималось к сведению на заседаниях Синода. Не признававший никаких компромиссов, митрополит Иннокентий стоял на непримиримой позиции по отношению к политике митрополита Сергея и его Декларации, поэтому ответил на интервью епископа Нестора крайне резко. Вместе с письмом он прислал своему оппоненту брошюру под названием «Церковная смута» и посоветовал ознакомиться с ней, «чтобы понять сущность и опасность сергианского раскола»⁷⁵.

---

74 См.: Гун-бао. Харбин, 1930. 7 февраля.

75 Царский вестник. Белград, 1930. № 84.

С тех пор о своей принадлежности к той или иной юрисдикции епископ Нестор не заявлял и продолжал служить в Харбинской епархии, ничем не проявляя какого-либо несогласия с деятельностью Зарубежного Синода. В ведении митрополита Евлогия, перешедшего в оппозицию к митрополиту Сергию и отделившегося от Московской Патриархии, он не состоял. Указом митрополита Сергия № 1518 от 11 июля 1930 года митрополит Евлогий был уволен от управления русскими приходами в Западной Европе с последующим запрещением в священнослужении вместе с подчиненным ему духовенством, а 17 февраля 1931 года русские приходы, которыми управлял митрополит Евлогий, были приняты в юрисдикцию Вселенского Патриарха.

25 мая 1931 года открылся очередной Архиерейский собор Русской Православной Церкви Заграницей, на котором было утверждено назначение вместо скончавшегося митрополита Мефодия нового главы Харбинской епархии архиепископа Мелетия (Заборовского). Одновременно с этим назначением Собор постановил «запретить в священнослужении епископа Нестора», поручив архиепископу Мелетию преподать последнему увещание. Выполнив поручение Собора, архиепископ Мелетий высказался по поводу взглядов епископа Нестора в письме митрополиту Антонию (Храповицкому) от 7 июля 1931 года так: «на раскол в Церкви он смотрит <...> как на личную ссору архиереев».⁷⁶

О запрещении епископа Нестора в Харбине не было известно несколько месяцев. Не знал о нем и сам владыка, продолжавший свои труды в Доме Милосердия, имевшего неофициальный статус подворья Камчатской епархии. С начала 1931 года в приютах Дома Милосердия содержалось 50 сирот и более 30-ти больных стариков. В эти трудные дни, когда заметно уменьшились пожертвования на содержание

---

76 ГАРФ. Ф.Р-6343. Д.233. Л.150.

приютов, епископ Нестор продолжал звать харбинцев на доброе дело, устраивал всевозможные сборы, благотворительные лотереи-базары. Служил он в Иверской церкви и в храме Дома Милосердия, где в начале января 1931 года рукоположил в сан священника диакона Георгия Вознесенского.

В начале июня 1931 года епископ Нестор посетил Пекин, где навестил умирающего митрополита Иннокентия (Фигуровского). В знак примирения он привез ему в подарок икону святителя Иннокентия с мощами и в течение недели служил в Миссии. Больного митрополита навещал каждый день. Митрополит Иннокентий был рад этому примирению и подарил епископу Нестору для церкви Дома Милосердия колокол в 22 пуда⁷⁷.

Архиереи искренне просили друг у друга прощения и в разговорах многое прояснили. Об этих встречах епископ Нестор писал: «Я был счастлив разобрать и много крупных вопросов в связи с нашей Заграничной Православной Церковью. Ничего, ничего не осталось невыясненным, и мы взаимно уверились, что у нас Един Бог, едина вера, едино крещение и едина Церковь, а с этим и кончилось торжество тех, кто силится нас рассорить и нарушить мир церковный. <...> Взгляд владыки Иннокентия на иерархов, живущих в гонимом нашем Отечестве, мне был дорог и ответил вполне моему взгляду. Когда я спросил владыку митрополита – почему он не молится за гонимых и несвободных в своей совести иерархов, полоненных безбожниками, то владыка повышенным голосом ответил мне: “Я всегда молюсь за них; за них должно сугубо молиться, но общение с ними сейчас совершенно немыслимо”».⁷⁸

По благословению митрополита Иннокентия епископ Нестор совершил поездку по Пекинской епархии, служил в разных храмах. Телеграмму, известившую о кончине митрополита 28 июня 1931 года, епископ Нестор получил в Циндао.

---

77 ГАРФ. Ф.Р-6343. Д.233. Л.150об.

78 Китайский Благовестник. 1931. № 5–6.

Вечером им была совершена панихида, перед которой владыка произнес слово о почившем и передал его благословение пастве, как поручил ему сам митрополит Иннокентий при расставании в госпитале.

О решении Собора архиереев РПЦЗ от 27 мая 1931 года о запрещении в священнослужении епископ Нестор узнал по возвращении в Харбин. Однако к этому времени на имя Первоиерарха РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого) уже поступило его покаянное письмо с просьбой о возвращении в юрисдикцию Зарубежного Синода. 17 августа 1931 года епископ Нестор получил от митрополита Антония ответ, в котором он просил его по-прежнему продолжать богослужения во всех церквах⁷⁹. Запрещение было снято.

В сентябре 1931 года началась японская оккупация Маньчжурии, завершившаяся созданием 1 марта 1932 года марионеточного государства Маньчжоу-го. Пост правителя занял Пу-И, последний представитель свергнутой в 1912 году китайской династии Цин. В 1934 году он был провозглашен императором, но фактически Маньчжурия оказалась под властью командующего Квантунской армии и назначаемых из Токио чиновников. Приход новой гражданской власти повлек за собой перемены всех сторон жизни русской эмиграции, что не могло не отразиться и на положении Русской Православной Церкви в регионе.

Осенью 1931 года был поднят вопрос о создании в Харбине кафедры викарного епископа. Кандидатом в викарии называли настоятеля Иверской церкви протоиерея Николая Вознесенского, которым уже было подано прошение о пострижении в монашество. Его сын, молодой священник Георгий Вознесенский, рукоположенный епископом Нестором в январе, также принимал монашество и оставался служить при храме Дома Милосердия. Пострижение отца Георгия с именем

---

79 Русское слово. Харбин, 1931. 18 авг.

Филарет состоялось 12 декабря 1931 года. Впоследствии этот пострижник епископа Нестора стал митрополитом и третьим Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей (1964–1985).

Осенью 1933 года епископ Камчатский Нестор, благодаря помощи благодетелей, впервые за долгие годы эмиграции смог выехать с Дальнего Востока в Европу, а на обратном пути побывать на Святой Земле. Главной целью его путешествия были Сремски Карловцы, куда он отправился в сопровождении своего секретаря иеромонаха Нафанаила (Львова) для участия в Архиерейском Соборе РПЦЗ. Путь их лежал через Египет, Рим и Бари, где поклоняясь святым мощам, они горячо молились о России, «о ее освобождении и Воскресении», молились за всех русских людей, пребывавших на Дальнем Востоке, за русских изгнанников, обездоленных, угнетенных, приниженных нуждой, за города и села, за весь православный мир⁸⁰.

Епископ Нестор стремился в Сремски Карловцы не только ради решения общецерковных вопросов, но и ради укрепления связей православной дальневосточной эмиграции с духовным центром всей Зарубежной России и с православным славянским миром, который олицетворяло тогда Королевство Югославия.

С конца XVII века в Сремских Карловцах располагалась резиденция главы Сербской Православной Церкви. В 1918 году город вошел в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС), как стало называться государство, созданное в 1918 году из Королевства Сербия и Воеводины. В августе 1920 года в Сремских Карловцах была учреждена Сербская Патриархия, глава которой Сербский Патриарх Димитрий (Павлович; 1920–1930) оказал радушный прием прибывшим в страну русским архиереям-беженцам, поки-

---

80 Нестор (Анисимов), архиеп. Египет–Рим–Бари (См.: Вернувшийся домой. М., 2005. Т.1. С.289–314).

нувшим Родину с отступавшими из Крыма белыми частями. Он предоставил им свою резиденцию, что позволило новообразованному Высшему Церковному Управлению Заграницей (ВЦУЗ)⁸¹ начать свою работу по организации церковной жизни русской эмиграции.

В 1929 году вместо Королевства СХС было образовано Королевство Югославия. Король Александр I Карагеоргиевич установил в стране диктатуру монархии, назначил нового главу правительства и в 1931 году даровал стране новую конституцию, провозгласившую наличие единого народа – югославов.

Оказавшись «в родной по крови и вере стране», епископ Нестор нашел там благословение, духовную помощь и отеческую поддержку, о чем с глубокой благодарностью написал в своих Очерках Югославии. Тепло встретили его архипастыри – Сербский Патриарх Варнава (Росич; 1930–1937) и глава Зарубежного Синода митрополит Антоний.

«Святейший Патриарх, – писал он, – даровал мне, как свидетельство неразрывной любви и глубочайшего единения разделенных пространствами частей Святой Единой Церкви Православной, при своей Патриаршей грамоте, святые мощи архиепископа Арсения Сербского, часть души своего народа, часть его величайшей святыни. А Блаженнейший Митрополит наш своими благодатными молитвенными слезами отеческой любви окропил и благословил все неумелые мои повести о жизни русских братьев Дальнего Востока. И вот эти драгоценные свидетельства великой всеобъемлющей любви двух величайших иерархов я взял с собой на Дальний Восток от благословенной славянской страны»⁸².

Очерки Югославии епископ Нестор сначала посвятил двум дорогим его сердцу друзьям России – королю Александру

---

81 В 1922 г. ВЦУЗ было преобразовано в Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей.

82 Нестор (Анисимов), архиеп. Египет–Рим–Бари (См.: Вернувшийся домой. М., 2005. Т.1. С. 29).

Карагеоргиевичу и Патриарху Варнаве, потому что, писал он, «в годы мук, унижений и страданий нашей Родины нет у нее друзей более верных, стойких и неизменных, чем два вождя сербского народа – его Король и Патриарх. А друзья в беде – всегда самые лучшие друзья»⁸³.

Но случилось непредвиденное. Когда книга уже находилась в печати в харбинской типографии, епископ Нестор был потрясен известием об убийстве в Марселе 9 октября 1934 года короля Александра. Теракт был осуществлен усташами⁸⁴ совместно с Внутренней македонской революционной организацией. Тяжело переживая случившееся, владыка написал небольшое предисловие, которое наполнили разрывающие душу слова, заканчивающиеся новым посвящением: «Пусть же каждая строка, каждое слово, каждая буква настоящей книги будет гимном памяти великого Государя, короля-витязя, короля-мученика Александра Карагеоргиевича»⁸⁵.

Очерки представляют собой удивительные рассказы, написанные человеком необыкновенного ума и писательского таланта, знающего и чувствующего историю как саму жизнь, любящего и понимающего людей.

В Очерках епископ Нестор повествует, что прибыв в Югославию, на Архиерейский Собор опоздал. По предложению митрополита Антония он посетил две сессии Синода в качестве его члена. Наиболее важной стала последняя сессия, на которой обсуждалось создание Братства Святой Руси имени святого князя Владимира, которое должно объединить все русские национальные организации на единой основе – Православной вере. Синод, признав своевременным создание

---

83 Нестор (Анисимов), архиеп. Очерки Югославии (См.: Вернувшийся домой. М., 2005. Т.1. С.317).

84 Хорватские революционеры – фашистская ультраправая национальная клерикальная организация, основанная в 1929 г. в Италии.

85 Нестор (Анисимов), архиеп. Очерки Югославии (См.: Вернувшийся домой. М., 2005. Т.1. С.315).

Братства с центром в Сремских Карловцах, с отделами во всех епархиях и миссиях и отделениями во всех зарубежных приходах, предложил назначить его председателем митрополита Антония (Храповицкого). Тогда же был выработан знак Братства для награждения лиц, отличившихся на поприще полезной церковной работы.

Встреча с митрополитом Антонием в Сремских Карловцах, совместные молитвы, знакомство с сербскими и русскими архиереями, среди которых были самые выдающиеся, такие как Святейший Патриарх Варнава, епископ Охридский – Златоуст Сербской Церкви – святитель Николай (Велимирович) и многие другие, все это положило начало теплоте общению, взаимной духовной поддержке представителей двух православных народов, переживавших одну судьбу. Были здесь лекции епископа Нестора о Камчатке, разговоры о церковной жизни Харбина, во время которых сербские и русские иерархи живо интересовались Дальним Востоком и развивавшейся там русской жизнью. Всем была интересна миссионерская работа необыкновенного гостя, трудившегося на далекой Камчатской окраине, в Японии и Китае.

В Сремских Карловцах секретарь владыки отец Нафанаил был возведен в сан игумена. Сам же епископ Нестор указом Зарубежного Синода от 7 ноября 1933 года был возведен в сан архиепископа.

Его поездки по Югославии и затем на Святую Землю продолжались до конца 1933 года. Вернувшись в Харбин, владыка начал работу над проектом строительства у входа на территорию Дома Милосердия часовни-памятника Венценосным Мученикам – императору Николаю II, Царской семье и королю Югославии Александру I Карагеоргиевичу. Закладка часовни состоялась 19 мая 1935 года, освящение – 17 мая 1936 года. Часовня, созданная по инициативе и под руководством архиепископа Нестора, стала первым и на тот момент единственным в мире подобным сооружением.

17 июня 1937 года архиепископ Нестор получил поручение от нового главы РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского) возглавить Православную духовную миссию на юге Индии в Малабаре. В конце 1937 года, когда он прибыл в Лондон для получения визы, то встретился там с великой княгиней Ксенией Александровной, которая согласилась быть покровительницей создаваемого владыкой для развития проповеди в Индии Братства святого апостола Фомы.

В августе 1938 года он снова приехал в Югославию для участия в Соборе РПЦЗ. По окончании работы Собора архиепископ Нестор посетил Индию и Цейлон, где подготовил воссоединение малабарских христиан с Русской Православной Церковью. 18 декабря 1938 года он вернулся в Харбин.

При японцах положение русской эмиграции ухудшилось. Если китайцы не предъявляли к русским особых политических и религиозных требований, то японцы вмешивались как в общественные и хозяйственные дела, так и в религиозную жизнь эмигрантов. Шпионаж, репрессии, убийства, принуждение православного духовенства и верующих к выполнению гражданских ритуалов, к поклонению памятникам воинам-героям и императору, – все это держало православных русских людей в постоянном напряжении.

В начале 1943 года японская администрация опубликовала Наставление верноподданным, в котором, среди прочего, населению подконтрольных Японии территорий предписывалось благоговейное поклонение языческой богине Аматерасу, считавшейся основательницей японского императорского рода. В определенные дни требовалось совершать поклонения японским храмам.

Статуи Аматерасу японцы собирались разместить и в православных церквях Маньчжурии, что не могло не вызвать у христиан открытые протесты и было воспринято ими как глумление над религиозными чувствами верующих. Но если руководители некоторых гражданских организаций, в том

числе школ, не рискнули оказать неповиновение японским властям, то духовенство проявило большую выдержку и мужество, чтобы противостоять насильственному понуждению к поклонениям. Наиболее бескомпромиссную позицию в этом вопросе занял архиепископ Нестор.

Он обратился к митрополиту Харбинскому Мелетию с просьбой принять меры к ограждению православных граждан, а также учащихся православных школ и гимназий, от участия в языческих религиозных церемониях. О событиях того времени владыка писал: «Мой одинокий голос остался неподдержанным, а поклонения продолжались. Защитить же себя в то время еще можно было, примером чего служит русская гимназия в Дальнем, бывшем Дайрене, где директор В.С. Фролов, столкнувшись с “поклонениями”, отстоял перед Дайренской военной миссией свою русскую гимназию от служения этому языческому культу и не водил детей на поклонения к храмам. Также поступили в Харбине руководители униатских школ и приютов. Мой приют, Дом Милосердия, я никогда не пускал на эти поклонения и ни на какие японские праздники или события». В ответ на призыв архиепископа Нестора в феврале 1944 года глава Харбинской епархии обратился к верующим с посланием о прекращении языческого поклонения. Японские власти отреагировали на него угрозами митрополиту Мелетию, запретив распространение послания. С него была взята подписка, что на время войны он не будет публично высказываться против государственных церемоний, приняв, правда, его условия о неприменении принуждений со стороны японцев. Казалось, конфликт был исчерпан. Однако подписка стала причиной раскола верующих и духовенства на два лагеря, из-за чего часть священников претерпела гонения.

Между иерархами также не было согласия. Митрополит Мелетий, считая себя представителем Карловацкого Зарубежного Синода, с которым с начала Второй мировой войны не было никакой связи, создал при Харбинской епархии но-

вый орган церковного управления – Епископское совещание, включив в него кроме себя своих vikariev, епископа Хайларского Дмитрия (Вознесенского) и епископа Цицикарского Ювеналия (Килина). Совещание расширило свои функции до прерогатив высшего церковного органа – в частности возвело в архиепископский сан епископа Дмитрия (Вознесенского), с чем выразили несогласие епископ Шанхайский Иоанн (Максимович) и архиепископ Нестор, который составил по этому вопросу особое мнение.

1945-й год стал переломным в настроениях духовенства и верующих Харбинской епархии. Созыв Всероссийского Церковного Собора, на котором был законно избран Патриарх, пользовавшийся доверием зарубежных архиереев Алексей (Симанский), и победоносное наступление Красной армии на фронтах Отечественной войны – эти события вызвали мощную волну патриотизма в эмигрантской среде. Архиепископ Нестор первым написал письмо Первосвятителю, в котором поздравил его с «принятием высокого и святого жребия – патриаршего служения в историческое время бытия России и геройской славы Ея доблестных сынов»⁸⁶. Письмо было передано через советского генконсула без огласки, о чем владыка написал Святейшему: «Я не могу открыто даже приветствовать Вас, ибо тем самым я подвергаю не только себя, но и свою паству большой опасности со стороны бдительных и суровых японцев, всячески изолирующих нас от Сов[етской] России»⁸⁷.

К этому письму архиепископ Нестор приложил свою панагию, послав ее Патриарху со словами: «желая золото отдать на алтарь Отечества, а образ Спасителя на Ваше благоусмотрение»⁸⁸.

---

86 ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.75. Л.1.

87 Там же. Л.1.

88 Там же. Л.4.

В июле 1945 года в Москву были отправлены письма от других харбинских архипастырей, в которых они, поздравляя Патриарха Алексия с избранием, просили о принятии их в юрисдикцию Московской Патриархии. В сентябре, в день победы Красной армии над Японией, митрополитом Мелетием, архиепископом Димитрием и епископом Ювеналием были посланы теперь уже телеграммы на имя Патриарха и товарища Сталина с поздравлением по случаю победы над агрессором и вторичной просьбой о принятии в лоно Матери-Церкви.

Для осуществления воссоединения Московской Патриархией в октябре 1945 года в Харбин была послана делегация в составе епископа Ростовского и Таганрогского Елевферия (Воронцова) и московского священника Григория Разумовского. Воссоединение состоялось 27 октября, а 27 декабря – оно было узаконено постановлением Синода.

После вхождения Харбинской епархии в юрисдикцию Московской Патриархии в пределах Китая и Кореи был образован подчинявшийся Москве единый митрополичий округ с присвоением митрополиту титула Харбинский и Восточно-Азиатский. В связи с болезнью митрополита Мелетия (Заборовского) временно управлять митрополичим округом был назначен архиепископ Нестор.

19 апреля 1946 года советское военное командование во главе с маршалом Р.Я. Малиновским встречалось с городской интеллигенцией. Архиепископ Нестор, избранный в президиум, выступил на собрании с прощальным словом покидающей Харбин Красной армии. От имени верующих он пожелал воинам счастливого пути и призвал Божие благословение на утверждение крепости, несокрушимости и могущества доблестной родной Армии. Будучи лично представлен маршалу, на следующий день он посетил его в штабе. После продолжительной беседы маршал в знак сердечного благожелательного отношения к владыке подарил ему легковую машину и внес существенную лепту на содержание детских

приютов Харбина. Это событие вызвало у верующих искренний восторг и радость.

11 июня 1946 года указом патриарха Алексия I за № 365 Восточно-Азиатский митрополичий округ был преобразован в Восточно-Азиатский Экзархат Московского Патриархата, тогда же владыка Нестор был назначен экзархом с присвоением титула митрополита Харбинского и Маньчжурского⁸⁹.

Летом 1948 года планировалась поездка митрополита Нестора в Москву на юбилейные торжества по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Но 14 июня он неожиданно был арестован у себя на квартире китайскими властями «по обвинению в связи с японцами в прошлом»⁹⁰. Тогда же были арестованы юрисконсульт и секретарь Харбинского Епархиального совета Е.Н. Сумароков, священник Василий Герасимов и монахиня Зинаида (Бриди) в Хайларе. Всех задержанных депортировали в СССР. Из Харбина их переправили в Читу, где узники находились в тюрьме до отправки в Москву. Затем были лубянские застенки, в которых митрополит Нестор провел пять месяцев.

Обвинительное заключение было вынесено 11 декабря 1948 года. 25 декабря владыка был приговорен к десяти годам ИТЛ. Семь лет и две недели он отбывал срок в Темниковском исправительно-трудовом лагере НКВД поселка Явас Мордовской АССР – Дубравлаге, из которого вышел уже очень больным пожилым человеком.

4 мая 1954 года Президиум ЦК КПСС принял решение о создании центральной и местных комиссий по пересмотру дел лиц, осужденных за «контрреволюционные преступления», «содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах и находящихся

---

89 Там же. С. 94.

90 ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763. Следственное дело по обвинению Анисимова Н.А. и др.

в ссылке на поселении»⁹¹, что повлекло за собой массовые освобождения из мест заключения людей, пострадавших во время сталинских репрессий. Судимость и поражение в правах с реабилитированных снимались. Тогда же из лагерей и ссылок начали возвращаться священнослужители, отбывавшие сроки по статье 58–10. Среди таких освобожденных был и митрополит Нестор (Анисимов), до ареста – экзарх Московского Патриархата в Восточной Азии.

Немного восстановив силы, владыка вернулся к архипастырскому служению. С 18 июля 1956 года он уже митрополит Новосибирский и Барнаульский. Период его служения на Новосибирской кафедре пришелся на время первого этапа хрущевских гонений на Церковь, когда власти перешли к тактике скрытого террора, направленного против не устраивавшей их части православного духовенства. Особое внимание уделялось епископату – наиболее авторитетным и духовно стойким архипастырям. Таким был митрополит Нестор – епископ дореволюционного поставления, известный миссионер, посвятивший себя благотворительной и просветительской деятельности, опытный духовный наставник и проповедник, защитник репрессированных священников, сам бывший репрессированный.

За два года служения митрополита Нестора на Новосибирской кафедре в храмах увеличилось количество прихожан, особенно в Новосибирске, где регулярно совершались архиерейские богослужения. В условиях советского контроля над Церковью владыка сумел восстановить порядок в финансовых и хозяйственных делах епархии, ввести единую систему учета во всех церквях, улучшить положение в храмах, где действовали лица, расхищавшие церковную лепту.

Его плодотворная архипастырская деятельность вызвала крайнее недовольство властей, для которых он оставался

---

91 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 79. Л. 12–14. (Опубл.: Реабилитация: как это было. Документы... М., 2000. Т. 1. С.116).

идеологически чуждым и опасным духовным лидером, работавшем на благо Церкви. В своей борьбе против религиозного возрождения в стране власти опирались на так называемые «группы советских верующих», которые действовали внутри Церкви. В результате травля архиерея с их стороны привела к тому, что в 1958 году он был уволен на покой⁹².

Владыку глубоко ценил Святейший Патриарх Алексий (Симанский), чему свидетельство – их деловая и частная переписка. Разобравшись с делом митрополита Нестора, Патриарх отменил указ о его увольнении и с 9 декабря 1959 года назначил владыку управлять Кировоградской и Николаевской епархией. Но и там он оставался недолго. Власти упорно не желали видеть митрополита Нестора действующим архиереем.

По официальной версии, 17 октября 1962 года митрополит Нестор приехал в Москву на лечение, и 4 ноября, в день Казанской иконы Божией Матери, мирно скончался от инсульта в Первой градской больнице. Однако, кроме этих дат, точных сведений о месте и подробностях его кончины до сих пор нет.

Похоронен митрополит Нестор за алтарем храма на подворье Троице-Сергиевой Лавры в Переделкино.

*Светлана Николаевна Азарова,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Отдела новейшей истории Русской Православной
Церкви Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета.
Москва, Россия*

---

92 Подробнее см.: *Липатов А.И., свящ., Азарова С.Н.* Служение митрополита Нестора (Анисимова) на Новосибирской кафедре (новые материалы к жизнеописанию). Рукопись.

Источники и литература

1. Архив Валаамского монастыря (Новый Валаам, Финляндия). Д.1.
2. ГА РФ. Ф. Р-6343. Д. 2.
3. ГА РФ. Ф. Р-6343. Д. 6.
4. ГАРФ. Ф. Р-6343. Д.232.
5. ГАРФ. Ф. Р-6343. Д.233.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп.1. Д.75.
7. ГАРФ. Ф. 655. Оп.1. Д.235.
8. ГАРФ. Ф. Р-4652. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАРФ. Ф.А-353. Оп.2. Д.717.
10. РГВИА. Ф. 409. Д. 132756/1-4.
11. РГИА ДВ. Ф.244. Оп.3. Д.233.
12. РГИА ДВ. Ф.244. Оп.3. Д.323.
13. РГИА. Ф.796. Оп.192. Отд.6. Ст.3. Д.123.
14. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х т. / Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: МФД, 2000. Т. 1.
15. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-39763. Следственное дело по обвинению Анисимова Н.А. и др.
16. ЦГАКО. Ф.237. Оп.226. Д.36. Метрическая книга на 1884 год. Ч.1. О родившихся.
17. *Баконина С.Н.* История Русской Православной Церкви в глобальном информационном пространстве: Несколько замечаний о биографии митрополита Нестора (Анисимова) // Воскресная газета «Покров». 2008. № 9. С. 6; № 11. С.6.
18. *Баконина С.Н.* «Церковник, а не политик...» // Вестник церковной истории. 2008. № 1(9). С. 99–107.
19. *Баконина С.Н.* Митрополит Евсевий (Никольский) об отношении священнослужителей к советской власти (от Москвы до Харбина, 1921-й год). VIII Дальневосточные образовательные чтения, 15–16 мая 2008 г. Владивосток: ДВГУ, 2009. С. 98–103.
20. *Баконина С.Н.* Не нам, не нам, а имени Божию... // Воскресная школа. 2004. № 20–23. С.14–15.
21. *Баконина С.Н.* Нестор (Анисимов Николай Александрович; 1885–1962), митрополит // Православная энциклопедия.

- Т.XLIX. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2018. С. 97–105.
22. *Баконина С.Н.* Николай-До – Сергей-До // Воскресная школа. 2004. № 24–27. С. 8–9; № 28–31. С. 22–23.
  23. *Баконина С.Н.* Православное Камчатское Братство (1910–1917 гг.) // Актуальные проблемы изучения истории и культуры православия: Сб. науч. ст. / Науч. ред., сост. А. Здор. Вып. II. Владивосток: ДВГУ, 2010. С. 95–101.
  24. *Баконина С.Н.* Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг.: На материалах Харбинской епархии. М.: ПСТГУ, 2014.
  25. *Белашов А.И., Косик О.В.* Камчатская Духовная Миссия // Православная энциклопедия. Т.XXX. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2012. С.89–97.
  26. *Болотина Д.И.* Орден святителя Николая Чудотворца: история и современность // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: Науч.-практ. журнал: Вокруг Ижевско-Воткинского восстания. 2017. № 2 (35). С. 30–42.
  27. *Ведерников А.* Пример церковного законопослушания (памяти митрополита Японского Сергия) // ЖМП. 1951. № 7. С.41–53.
  28. Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова): В 2 т. / Авт.-сост. *О.В. Косик*. – М.: ПСТГУ, 2005. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).
  29. Владивостокские Епархиальные Ведомости. 1910–1917.
  30. *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918-1925 гг.) / Сост., предисл. и коммент. *Д.Г. Вульффа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндерса*. Рязань: [Частный издатель П.А. Трибунский], 2006. (Сер. «Новейшая Российская история: исследования и документы»; Т. 9).
  31. Гун-бао. Харбин, 1930.
  32. *Капков К.Г.* Священники – кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. М.; Белгород: Летопись, 2012.
  33. Китайский Благовестник. Пекин, 1931. № 5–6.
  34. Китайский Благовестник. Санкт-Петербург, 2001.

35. *Кукеев А.Г., Оконов Б.А.* Подготовка миссионеров и изучение буддизма в Казанской духовной академии // Вестник ИКИАТ. 2018. № 2 (37). С.77–82.
36. *Липатов А.И., свящ., Азарова С.Н.* Служение митрополита Нестора (Анисимова) на Новосибирской кафедре (новые материалы к жизнеописанию). Доклад на XII Всероссийской научно-богословской конференции «Церковь, Богословие, История». Екатеринбургская духовная семинария, 8–11 февраля 2024 г. [в печати].
37. *Максимов В.Ю., Капков К.Г.* За службу и храбрость. Священники – кавалеры ордена Святого Георгия. Неизвестные страницы. М.: Книжный мир, 2018.
38. Наша газета. Омск. 1919.
39. *Нестор (Анисимов), архиеп.* Смута в Киеве. Мученичество митрополита Владимира в 1918 г. (по личным воспоминаниям). Харбин. Изд-е Обители Милосердия, 1937.
40. *Нестор (Анисимов), митр.* Мои воспоминания: Материалы к биографии, письма / Сост. *М.И. Одинцов*. М: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1995.
41. *Нестор (Анисимов), митр.* Моя Камчатка: Записки православного миссионера. [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.
42. *Нестор (Анисимов), митр.* Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). Репр. воспр. изд. 1917 г. М.: Столица, 1991.
43. *Поздняев Д., свящ.* Православие в Китае (1900-1997 гг.). М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998.
44. Русское слово. Харбин, 1931.
45. Свет. Харбин, 1921.
46. Сибирская речь. Омск. 1919.
47. *Троицкая С.С.* Русский Харбин. Брисбен, 1995.
48. Царский вестник. Белград, 1930.
49. Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1929.

Сокращения:

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАНИ – Российский государственный архив Новейшей истории

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ЦА ФСБ РФ – Центральный архив ФСБ России

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области.

ОЧЕРКИ ЮГОСЛАВИИ
(Впечатления путешествия)

митрополит Нестор (Анисимов)

ОЧЕРКИ ЮГОСЛАВИИ (Впечатления путешествия)

В дни печатания настоящей книги телеграф принес страшное, душу потрясшее известие о мученической кончине под пулей убийцы светлого витязя короля Александра.

Скорбь, мука, боль пронизывают сердце. Даже наше страшное, до краев переполненное злодеяниями время не переживало трагедии большей от самых екатеринбургских дней. Наши кровавые годы принесли к Престолу Всевышнего двух венценосных славянских мучеников.

Из темного мира ушел последний кристально светлый вождь, носитель чести, красоты, подвига и доблести. Зло торжествует снова.

И от края до края Вселенной, по бесчисленным городам и селениям, где только есть русские изгнанники, тяжело скорбит русское сердце, переживая скорбь сербского народа как свою собственную тяжкую муку.

Пусть же каждая строка, каждое слово, каждая буква настоящей книги будет гимном памяти великого Государя, короля-витязя, короля-мученика АЛЕКСАНДРА Карагеоргиевича.

Архиепископ Нестор

Предисловие

К юго-западу от родных нам пределов страны, носившей некогда великое и славное имя - Россия, простерлись горы и долины, заселенные братским славянским племенем сербов.

Разделенный латинским, мадьярским и тевтонским барьерами, славянский мир, несмотря на разделение, никогда не забывал своего единства, своей общности, но сознавал это и в горе и в радости.

Когда полоненная турецким игом Сербия боролась с неверными поработителями не на жизнь, а на смерть и в борьбе истекала кровью, Россия всегда принимала страдания сербского народа как свои собственные и удары, наносимые в горах Черногории или лесах Шумадии, ощущала как наносимые в ее собственное сердце.

Несмотря на все ухищрения западников, отрекавшихся от русской славянской души своей и сочувствовавших немецкому культуртрегерству, русское общество всегда чувствовало свое единство со всем славянским миром, а с православным славянским миром особенно. И это чувство единства не было только отвлеченным чувством. В семидесятых годах прошлого столетия оно из глубин России вызвало сначала множество отрядов добровольцев, а потом вдохновило и всю Российскую державу на священную борьбу за освобождение славян.

Это же чувство было основным и в момент начала мировой войны, жертвой которой пала наша Великая Родина.

И потому судьбы южных славян, единых нам по вере и крови, для нас сугубо не безразличны. И для нас в нашей страшной трагедии великим утешением является то, что по крайней мере жертвы, принесенные Россией за славянство, не пропали втуне. Южный славянский мир встал во весь свой могучий рост и поднялся на огромную высоту славы и значения. Югославия ныне - одно из главнейших государств Европы.

Для наших будущих исторических судеб это имеет еще то чрезвычайно важное значение, что в будущем, когда Россия вновь станет национальной, ей не придется искать союзников в среде чужих и внутренне чуждых народов, но она сможет опираться на родную, близкую, внутренне общую великую югославянскую государственность. Дай Бог еще нам нашими очами увидеть исполнение сего.

Своим расцветом и славой Югославия обязана прежде всего тому, что в наиболее ответственные и решающие моменты ее истории у кормила ее судеб стоял такой во всех отношениях выдающийся человек, как нынешний король ее - Его Величество Александр I Карагеоргиевич.

Это он вел родные полки во всех бесчисленных битвах, какие разыгрывались на сербских полях от 1912-го до 1919 года, это он сумел создать мощный непобедимый порыв в сербских и других югославянских сердцах в 1919 году, порыв, который спаял все разрозненные дотоле части единого народа в одно великое целое. И наконец, он принял от Господа Бога венец королевского служения не как пьедестал славы и могущества, но как тяжкий и ответственный долг перед Богом и Родиной и несет бремя этого служения с честью и достоинством в светлые и темные годы равно неустанно и непоколебимо. И наконец, это он недавно, когда, казалось, славянская страна подошла к позорному акту признания порабитителей нашей Родины, спас родной народ от позора признания и предательства памяти великой родной России.

Но счастье Сербии и великая к ней милость Божия не только в том, что во главе ее государственного корабля стоит ныне такой великий вождь, как король Александр, но и в том, что церковный корабль ее возглавляется духовным вождем не меньших качеств - Святейшим Патриархом Варнавой.

Задача охраны сокровищ народного духа по своему значению ничуть не меньше, чем охрана и созидание благополучия государства. Эту задачу достойно и свято вершит

ныне Патриарх Сербии Святейший Варнава. И задача эта тем выше, тем блистательнее и ответственнее, чем пристальнее ныне прикованы к Сербии взоры всего Православного мира.

После страшного паралича, в который временно повержена жестокими гонениями Церковь России, знамя хранительницы священной сокровищницы Православия перешло к Сербской Церкви.

Этим-то двум драгоценным и священным для всего славянского мира именам - ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ АЛЕКСАНДРУ И СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ ВАРНАВЕ - посвящаю я эти строки, с тем большей душевной отрадой, что в годы мук, унижений и страданий нашей Родины нет у нее друзей более верных, стойких и неизменных, чем два вождя сербского народа - его Король и Патриарх.

А друзья в беде - всегда самые лучшие друзья.

1. Белград

В самой середине родного нам по вере и крови югославянского государства лежит его славная величественная столица - город Белград. Уже с 1841 года этот город служит столицей Пьемонта 15 югославянских земель - доблестного и героического Сербского великого княжества и королевства, деля вместе со всей страной и невзгоды ее, и радости, и великую героическую трагедию неравной борьбы малого силой, но великого духом государства за свободу не только свою, но и всех родных племен против сильнейших соседей-врагов.

В течение долгого времени находился Белград на самом краю сербских земель под угрозой пушек тевтонского соседа, и в первые же дни Великой войны стал он первой жертвой начавшейся кровавой эпопеи. И как памятник этого героического времени черными пятнами зияют на стенах старого Калемегдана следы от снарядов, которые щедро посылали австрийцы в Белград с противоположного берега Дуная, из тех самых Земуна и Панчева, которые после войны являются пригородами Белграда, столицы Югославии.

В Белграде имеет свою резиденцию доблестный и славный король Югославии Александр I Карагеоргиевич, здесь же наравне со Сремскими Карловцами пребывает и Патриарх Сербии Святейший Варнава - два столпа великого государства Югославского, хранители самых высоких, самых священных заветов этого героического королевства.

Когда мы подъезжали к Белграду, мне вспоминались рассказы наших старых писателей об этом городе, о его чисто деревенском провинциальном виде, о маленьких домиках, о плохих мостовых, о темных неосвещенных улицах.

И когда перед нами развернулась широкая, изумительно красивая перспектива широких, прекрасных улиц с гранеными тротуарами, с высокими многоэтажными художественно

построенными домами, с величественными соборами и дивно прекрасным королевским дворцом, я был поражен и потрясен. Старожилы, русские беженцы первых годов эвакуации, говорят, что Белград изменился до полной неузнаваемости за последние десять лет, став из захолустного городка настоящей европейской столицей, могучим прекрасным городом. И с радостью, с чувством заслуженного удовлетворения русские отмечают, что большую и очень значительную роль в этом украшении Белграда сыграли русские архитекторы, инженеры, художники и строители. Много помогли делу устройства и украшения югославской столицы те репарации, которые получала в течение ряда лет Югославия как вознаграждение за тяжелые разорения и убытки, понесенные ею во время войны. На эти деньги построены великолепные здания министерств, более великолепные, чем здания министерств Петербурга прежнего времени.

На площадях по бортам тротуаров на улицах Белграда в этом году разбиты красивые зеленые лужайки. Эти лужайки сделаны по повелению короля для того, чтобы спасти поденной работой безработных от отчаяния, нужды и голода. Глаз радуется, видя изумрудно-зеленые ковровые полосы среди серых улиц города, а сердце радуется, сознавая, что этой мерой спасено много жизней, много нуждающихся семейств.

Кое-где по окраинам столицы, на захолустных темных улицах видны еще и донныне маленькие серые здания, похожие на деревенские хижинки дома, перед которыми тянутся кривые, мощенные неровными камнями мостовые - калдорма. Это остатки старого, хотя и недавнего Белграда, спрятавшиеся от глаз наблюдателя в захолустье окраин и ушедшие в небытие на главных улицах перед прекрасной асфальтовой или граненой мостовой с высокими, гордыми домами.

В центре города, на самой высокой его точке, возвышается величественными, хотя и не достроенными еще стенами огромный, прекрасный собор святого Марка, постройка кото-

рого начата восемь лет тому назад и который предусмотрено достроить в будущем году. Это будет действительно украшение столицы. И сейчас еще не оконченный, еще только намеченный в контурах, хотя черне и доведенный до кровли-купола, этот собор поражает и радуется взгляд православного наблюдателя своей мощной величием - достойный главный храм великого православного королевства. Начат этот храм при Святейшем Патриархе Димитрии, но своим осуществлением прекрасный собор обязан главным образом нынешнему Патриарху Варнаве, который многими заботами и непрерывными усилиями настоял на окончании его построения. Собор этот будет вмещать свыше пяти тысяч человек, он является лучшим образцом чисто сербского старинного архитектурного стиля, бесспорно сложившегося под воздействием Византии, но выработавшего свои характерные национальные особенности, знакомые каждому знатоку славянского искусства.

Рядом с величественными, хотя и не оконченными стенами собора святого Марка стоят две скромные маленькие церкви: церковь святого Марка, усыпальница последних королей из династии Обреновичей, погибших жертвами народного негодования за свою австрофильскую политику, и русская церковь.

Русская церковь в честь Пресвятой Троицы построена на жертвы русских беженцев, на их копейки и гроши, которые ни на что другое не дает так щедро русский человек, как именно на построение церкви Божией. Скромна, почти убога внешность русской белградской церкви, но когда вы входите внутрь, вас поражает глубокая, замечательная красота этого храма. Главная его красота - это, конечно, изумительно художественный иконостас, расписанный точными блестяще исполненными копиями рублевских и иных лучших древнерусских икон. На боковых колоннах вдоль всего храма, на стенах, у икон высятся группами, кучами славные старые знамена великой русской армии, свыше ста знамен,

сбереженных, сохраненных от плена и позора теми сынами великой России, которые ушли, но не сдались, были побеждены, но не сломлены, - действительными рыцарями белого дела, врангелевскими героями. А у левой стены, недалеко от входа в храм, под белой мраморной плитой видна и могила самого вождя, того, кто сберег и вывел свои дружины и с ними священный ковчег русской славы, старые знамена, - могила генерала Врангеля.

В стенах скромной белградской русской церкви пребывает великая российская святыня - чудотворная Курская икона «Знамения» Божией Матери вывезенная из пределов России архиепископом Феофаном Курским. Пред этой великой русской святыней с теплыми молитвами склонялись и мы, моля Пресвятую Богородицу спасти землю русскую. И вставали тогда пред моим духовным взором воспоминания тех грозных лет, когда я молился пред этой святой иконой в Курске в дни страшного 1918 года.

Прекрасно богослужение в русском храме Белграда. Когда накануне праздничного дня, во время всеобщей в храме, переполненном молящимися, отверзаются царские врата и духовенство выходит на середину храма, когда на два хора стройно и строго звучат церковные песнопения с канонархом в старинных церковных знаменных распевах, тогда ясно сознает и сердце и ум, что это великая любовь к Церкви, к церковному Уставу и глубокое понимание его создали эту поразительную духовную стройность при таких скромных условиях.

В Белграде в русском храме знают богослужение, понимают и любят его не только священнослужители, но и сами богомольцы, глубоко понимающие каждый момент, каждое значение священнодействия, и это понимание ясно создается, ясно видно каждому наблюдательному взгляду. Еще больше, конечно, любит и понимает богослужение каждый священ-

нослужитель и церковнослужитель в храме. Каждый хорошо и твердо знает обязанности и свое место.

И на этом особенно ясно видно, как много заботы и умения проявило духовенство в деле церковного воспитания богомольцев и всего церковного народа русской колонии Белграда. Главным творцом и вдохновителем этой высокой работы является настоятель белградской русской церкви, всеми почитаемый отец протоиерей Петр Беловидов, успешно ведущий большую церковно-педагогическую и общественную работу.

Столь же полезно и много трудится среди русского населения Белграда и отец протоиерей Иоанн Сокаль, взявший на себя обязанности главным образом духовного целителя и утешителя страдавших, измученных русских душ и нравственного воспитания в них света Христова.

Кроме основной церкви во имя Пресвятой Троицы русские в Белграде имеют еще Иверскую церковь, копию московской Иверской часовни. Также великими трудами, также на гроши и копейки русских беженцев строилась эта маленькая, но удивительно благолепная церковь, в воспоминание об оставленной Родине, о ее святых, прекрасных храмах - той дорогой каждому русскому сердцу часовне Иверской, которая стояла некогда у московских стен и была снесена злодейской рукой. Много стараний к созданию этой церкви в Белграде приложила энергичная работница на церковной ниве - княгиня М. А. Святополк-Мирская. Благодаря ее же стараниям в эту церковь была прислана копия Иверской иконы Божией Матери со святой горы Афонской¹, а иконостас был пожертвован Его Величеством королем Александром.

---

1 Белградцы в память нашего молитвенного общения заказали икону Божией Матери Иверской на Афоне и послали к Св. Пасхе эту икону мне сюда. Теперь эта икона находится в нашей церкви Дома Милосердия.

Иверская церковь стоит среди кладбища, на котором нашло вечный покой многое множество и русских и сербов. Могуче величественно поднимается там памятник над могилами доблестных героев, павших при защите Белграда во время Великой войны. Памятник этот - творение русского скульптора Р. Н. Верховского - изображает могучего сербского воина, поднявшего знамя над поверженным австрийским орлом.

Скромна и почти бедна та часть кладбища, где покоятся вечным сном русские изгнанники, переставшие уже быть изгнанниками, а ставшие гражданами той вечной страны, где нет ни печали ни воздыхания. Вечным покоем и глубокой примиренностью дышит это место, осененное святым куполом Иверской церкви, под алтарем которой спит вечным сном молодой русский епископ Лондонский Владыка Николай.

Есть на кладбище и сербская прекрасная небольшая церковь в честь Святителя Николая. Отрадно и хорошо пройти по дорогам кладбища, идеально чисто и красиво содержащегося, покинув шумный, смятенный город, полный волнений и тревог. Хорошо прийти к тем дорогим могилам, где покоятся родные русские люди, и принести им привет с далекой стороны, где так же живут и страдают русские изгнанники и так же под сенью святых крестов на тихих кладбищах покоятся бранными останками вечным сном.

Главной церковью Белграда до постройки собора святого Марка являлся старый Белградский кафедральный собор. Собор этот строгой готической архитектуры, что свидетельствует о том, что в Сербии еще сильнее, чем в России, в свое время было западное влияние. Красив собор внутри пышной, роскошной красотой XVII столетия. В этом соборе в день рождения короля - 4 декабря нового стиля - я совершил по просьбе Патриарха благодарственный молебен.

Король в это время был в столице Хорватии - Загребе, но от королевского семейства на молебне присутствовал двоюродный брат короля - великий князь Павел с супругой

великой княгиней Ольгой Николаевной - дочерью великой княгини Елены Владимировны. Все министры Югославского королевства, блестящий ряд военных и штатских чинов в блестящих парадных одеждах наполняли собор. Со мной служили епископы - Преосвященный Тихон Сремский, ныне Герцеговинский, и Преосвященный Митрофан, настоятель Раковицкого монастыря, - и множество священников.

Сербское богослужение некоторыми подробностями отличается от нашего. Особенно отличается пение, напоминающее то древнее пение, которое духовно пленило наших предков, - демественное пение греков и всех православных славян. Наш слух отвык от этих звуков, и воспитанному на западных образцах, под западными звуковыми влияниями, нашему уху напевы демественного пения кажутся чуждыми и необычайными. Но я полюбил сербское пение. Сквозь непривычные мелодии я старался проникнуть в глубины святого вдохновения, которое руководило творцами демественных напевов, и улавливал в них шепот веков, овеванных молитвой. В сербском пении обычно мелодию ведет один певец, прочие же только следуют за ним. Ведущий певец устанавливает сам мелодию - и если у него красивый голос, если он музыкально образован и хорошо владеет искусством пения, тогда священные песнопения звучат удивительно сильно и духовно молитвенно, безыскусственно просто, глубоко вдохновенно.

Язык, принятый в Сербской Церкви, так же как и в Болгарской, - это наш церковно-славянский язык, и до сих пор в сербских церквях служат обычно по служебникам и другим богослужебным книгам, печатанным в прежней России. Только недавно сербы стали печатать свои богослужебные книги, но и те перепечатывают с наших синодальных изданий.

Как известно, наш церковно-славянский язык - это русская обработка древнего славянского языка, и было время, когда у сербов и у болгар существовали свои обработки этого языка, несколько отличавшиеся от нашей. В старинных

сербских богослужебных книгах встречаются образцы этого языка. Им же написаны некоторые из донныне совершающихся богослужений местным сербским святым. Но в XVII и XVIII веках, когда католическая пропаганда стала чрезвычайно усиливаться в славянских странах и католики стали посылать в Сербию изданные у них богослужебные книги с некоторыми переделками, например с прибавлением слов «и от Сына» в Символ веры, тогда для избежания соблазна и разноречий славянские церкви решили пользоваться при богослужении только книгами, печатанными в России, как получившими каноническое авторитетное подтверждение.

В 1766 году была турками уничтожена самостоятельная Сербская Патриархия, и с тех пор голос единственной самостоятельной славянской Православной Церкви Великой России стал особенно авторитетен для всего славянского православного мира. Вероятно, нигде в мире не сохранилось столько старинных русских богослужебных книг, как именно в Сербии.

Прекрасный, большой и благолепный храм в честь святого Александра Невского воздвигли сербы на том месте, где в семидесятых годах прошлого столетия стояла походная церковь русских добровольцев генерала Черняева, участвовавших в войне за освобождение Сербии. В этом храме на мраморной плите высечена надпись: «В память Царя Освободителя - Николая Друга». В том же храме находится мраморная доска, память Царя-мученика от пажей Императорского пажецкого корпуса во главе с королем Александром, который, как известно, также получил образование в Российском пажецком корпусе.

В этом храме пред памятником Государю Николаю II всегда горит неугасимая лампада, имя нашего Государя свято чтится сербским народом, как имя мученика за Россию и за все славянство.

Прекрасна старинная Вознесенская церковь в Белграде, где теперь поет большой и сильный хор русских и сербов под управлением русского регента.

Есть еще старинная маленькая церковь в честь святого Саввы, первого архиепископа Сербского, самого почитаемого в Сербии святого. Около этой церкви в недалеком будущем предполагается построить также большой величественный собор - еще больший и более величественный, чем строящийся ныне собор святого Марка.

Но самой старинной, дышащей столетиями церковью в Белграде является церковь во имя святой Розы² в пределах древней, еще римских времен, белградской крепости Калемегдана.

Когда вы пройдете роскошный, благоухающий, пестро цветущий Калемегданский сад и подойдете к пределам крепости над берегом Дуная, у места слияния его с Савой, вы окажетесь как будто в совершенно другом мире. Сурово нахмурились древние, пережившие тысячелетия стены, мрачно вззирающие на этот суетливый мир своими бойницами и зияющими ранами, полученными от австрийских снарядов в последнюю войну. Сурово и пристально смотрят на воды Дуная угловые башни, прислушиваясь к тому рокоту волн великой реки, который шумит у их подножия столько столетий.

В пределах этих-то старинных стен притаилась и церковь святой Розы и почитаемая всем православным миром пещера святой преподобной Параскевы. Церковь святой Розы стоит на этом месте вот уже почти тысячелетие. Даже турки пощадили эту церковь и никогда не трогали ее, допуская православных совершать здесь богослужения, хотя церковь и находилась в пределах городской крепости. У входа в эту церковь поставлены ныне две литые из бронзы могучие фи-

---

2 Сербы вообще любят переводить значение имен на славянский язык. Так, вместо Феодор они называют - Божидар, вместо Феофан - Боголюб и т. д. Святую Анфису они называют святой Розой.

гуры двух стражей церкви, двух воинов - один в шлеме, в броне и латах рыцаря XII столетия, времен начала сербского великодержавия, другой в мундире нынешнего солдата возрожденной сербской армии.

И стоят они, эти тени протекших тысячелетий, на страже святой церкви как символы христоролюбивого воинства, которое было, и есть, и будет всегда слугою и рыцарем Церкви Христовой.

Рядом с церковью святой Розы находится пещера святой преподобной Параскевы, благоговеино почитаемой в Сербии святой, которая глубоко чтится и русским православным народом под именем Параскевы Пятницы³.

В день праздника в честь святой Параскевы-Петки мы были в ее пещере, где в течение ряда веков хранились ее святые мощи. Мы пришли туда под вечер, когда никакого богослужения там уже не совершалось. Шел проливной дождь, и тем не менее народ непрерывной лентой тянулся к святой пещере, к тому чудесному источнику, который бьет в глубине этой пещеры и почитается священным благочестивым православным народом. В толпе были и простолюдины-селяки из окрестных деревень, и городские жители, и особенно много солдат и офицеров белградского гарнизона. Каждый из них считал своим долгом войти в темную пещеру, помолиться там, поставить свечу пред образом святой Параскевы и получить от дежурного там стража немного святой воды из источника преподобной Параскевы.

Утром же, во время литургии, как рассказывали нам, здесь, у церкви и у пещеры, была несметная, огромная толпа молящегося народа, пришедшая из всех окружающих поселков и деревень, так же как и со всего Белграда, на «славу» святой Петки.

---

3 Параскева по-гречески значит Пятница. А эта святая, будучи славянской, и звалась Пятницей, т. е. по-сербски Петкой.

Благочестие сербского народа несколько своеобразно и не во всем похоже на русское благочестие. Сказывается на сербском народе его многосотлетнее пребывание под гнетом турецкого ига, когда все официальные, торжественные внешние проявления церковной жизни находились под гнетом и преследованием, когда каждый посещавший церковь находился под опасностью внезапного вторжения турок в храм и захвата христиан, когда православные храмы покоренные племена должны были строить в самых низких частях города и не выше определенного уровня, чтобы церкви были бы ниже всех городских мечетей и областного турецкого управления. Сражавшиеся в глухих лесах, тущобах и горах за Веру и Родину, сербы не имели возможности построить церкви, но молились под открытым небом в лесах и горах.

Эти тяжелые условия создали то, что сербы мало ходят в церковь. Только теперь под русским влиянием и благодаря упорным и настойчивым стараниям Патриарха и некоторых представителей сербского духовенства начинается постепенное приучение населения Сербии к посещению храмов. Но внутренне, в душе и в домашней жизни, сербы сохранили глубокую религиозность и настоящую православную церковность. Особенно характерен старинный сербский обычай, так называемые «славы». Обычай этот связан с теми древними временами, когда в IX столетии при великом князе Мутимире язычники-сербь принимали христианство. Святой, в честь которого получал имя новокрещеный серб, становился покровителем не только новообращенного, но и всей его семьи, а впоследствии всего его рода, и празднование памяти этого святого строго сохранялось в православных сербских семьях, переходя из поколения в поколение до сего дня. Праздник «славы» сопровождается глубоко почитаемыми церковными обрядами. Даже самая бедная, самая скромная крестьянская сербская семья к этому празднику обязательно приготовит все самое лучшее: богатое угощение, торжественный стол

для достойного принятия гостей. Не праздновать «славу» для серба значит отречься от веры, от национальности, от всего самого святого. «Слава» короля Александра бывает на святого апостола Андрея Первозванного, а «слава» Святейшего Патриарха Варнавы - на святого Иоанна Предтечу, 7-20 января.

Религиозность сербов сказывается в том почтении, с каким относятся они к духовенству. Все дети и многие взрослые при встрече на улице всегда приветствуют духовенство трогательным приветом - «любим руке», т. е. «целуем руку», на что епископ или священник отвечает «живи были», т. е. «будьте здоровы». В северных же областях страны, находившихся под воздействием австрийцев, общераспространенным приветствием при встрече являются священные слова: «Хвален Иисус». С глубоким одобрением отмечаю я этот обычай и чрезвычайно сожалею, что у нас ни школа, ни семья не обучают детей тому же. Прощаясь, сербы всегда говорят: «С Богом». Этот добрый привет отрадно слышать постоянно по всей славянской стране. А в войсках начальник здоровается со своими подчиненными словами: «Поможи Бог, юнаци!» Те же отвечают: «Бог ти помогло!» В каждом городке Сербии, в каждой даже маленькой деревушке есть прекрасные церкви, которые местное население окружает глубокой любовью и заботой. Каждый серб всей душой предан своей родной вере и готов защищать ее до последней капли крови. В этом воспитали его поколения героев, доблестно умиравших за Крест честной и свободу златну. Сектантство, измена Православию совершенно неизвестны в Сербии.

За время нашего пребывания в Югославии мы посетили много городов и монастырей. Мы были в тридцати одном городе, там в двенадцати монастырях и за три месяца нашего пребывания в Югославии прочитали семьдесят две лекции.

Мы поклонились там мощам святых архиепископов и патриархов сербских: Арсения, Саввы Второго, Никодима, Иоанникия, Ефрема, Спиридона, Макария, Гавриила, Евста-

фия, Иакова, Даниила, Саввы III, Григория, Иоанна, Максима и Никона, мощам святого царя Лазаря, царя Уроша, великого князя Иоанна Сербского, архиепископа Максима, преподобной Ангелины, великомученика Феодора Тирона, мучеников Евгения, Ореста, Евстратия, Авксентия, Мардария и честнейшей деснице святого Иоанна Крестителя.

Центром государственного бытия сербского народа и всего Королевства Югославии является король Александр I Карагеоргиевич. Вероятно, в мировой истории найдется мало примеров, когда властелин какого-либо государства перенес бы столько испытаний вместе со всем своим народом, доля и радости, и горести, и страдания, как это всегда делал король Александр.

Начиная с 1912 года, в течение всех шести лет непрерывной тяжелой войны он всегда делил все трудности, все страдания боевой обстановки со всем народом. В Балканской войне 1912-1913 годов он руководил операциями против турок. В 1914 году после краткой передышки он защищал Белград от австрийцев, потом стал во главе армии, отступавшей шаг за шагом, пядь за пядью, обливая кровью каждую малейшую полоску родной земли, защищая ее против во много раз сильнейшего неприятеля. А когда после выступления против Сербии болгарских войск это отступление сербов превратилось в катастрофу, когда они немедленно должны были оставить свою родную страну, тогда и Александр, в те времена наследник Престола, пошел страшным мученическим путем с родной армией по горам и неприступным вершинам Албании, плача кровавыми слезами вместе со своими солдатами, прощаясь с родной землей, не зная, что ждет впереди среди дикого враждебного албанского народа с вражеской армией, преследующей по пятам.

Как святыню несли сербские солдаты с собой своего престарелого короля Петра, отца Александра, пронося его на руках в носилках по неприступным горным тропинкам, по

дорожкам, где только горные серны решались проходить. И Александр был также всюду, в каждой минуте этого истинно героического перехода со своими солдатами.

Отступление шло по направлению Ниш - Крагуевац - Валево - Рашка - Митровицы - Призрен - Джаково - Печь - Андриевац - Подгорица - Скутари - Сан Джиовани да Медуа.

От Печи были только горные тропинки по горам, покрытым снегом, над пропастями, достигавшими 2 500 метров глубины. Горы эти носят название Чакар - Проклятые. Отступало не только войско, отступала вся страна: дети, женщины, весь призывной возраст, больные, раненые. Это была поистине Голгофа страданий сербского народа.

Измученные, истощенные матери бросали в отчаянии умерших детей в пропасти и бросались сами за ними. Войска бросали в пропасти орудия. Сотни и сотни умирали на пути от истощения, болезней и голода.

Из 60 000 молодых людей, выступивших из Южной Сербии через Албанию, к морю вышли только восемнадцать тысяч.

Одно албанское племя, враждебное сербам, по горным тропам и ущельям систематически убивало всех сербских беженцев и солдат, и от пуль этих разбойников погибли несколько тысяч сербских солдат, женщин и детей.

Когда, наконец, в ноябре-декабре 1915 года, отражая бешеные атаки неприятеля, разбитая, полузамерзшая, голодная, истерзанная сербская армия вышла с гор к морю, был момент, когда казалось, что пришли последние минуты для этой армии. Враги окружали ее со всех сторон, выход был только к морю, но на море друзей у Сербии не было. Россия в Адриатике не имеет сил. Италия была бы только рада уничтожению Сербии, Франции было слишком много дела дома, чтобы заниматься несколькими тысячами разбитых героев. Известие об этом положении сербских бойцов разнеслось по всему миру, и тогда Россия в лице великого своего Государя отправила немедлен-

но заявление представителям Франции, Англии и Италии, что если остаткам сербских войск на берегах Адриатики не будет оказана тотчас же помощь, то она - Россия - сейчас же прекратит войну, ибо ради Сербии она войну начала. Это заявление возымело действие: соединенный франко-итальянский сильный флот был послан к берегам Албании.

Но в том месте, где сосредоточились сербские герои, посадку их на союзные корабли произвести было нельзя. Слишком близки были австрийские крепости, имевшие возможность обстреливать транспорты с войском. Военный катер французского адмирала приблизился к берегу и предложил сербскому командованию прорываться дальше на юг. В то же время, сознавая опасность этого маневра для истерзанной, истощенной сербской армии, окруженной бдительными и сильными врагами, капитан катера от имени французского адмирала предложил королевичу Александру сесть на катер и встретить свою армию в безопасном месте, где можно будет совершать посадку войск на корабли.

Александр отказался от этого. Мог ли он - переживший со своей армией тысячи раз смертельные опасности, трагедию оставления родной земли, молитвы в минуты нестерпимых мук, морозные ночи на вершинах гор, беспрестанные налеты албанских партизан и неустанную канонаду австрийских орудий - мог ли он оставить своих воинов в часы последней страшной муки? И он не оставил. Вместе прошли они еще в течение нескольких дней, истекая кровью, сотню верст по морскому берегу и покинули на чужих кораблях родные пределы.

Лишь ледовый поход через горы и леса Сибири наших каппелевских героев, пронесших с собою останки своего вождя, может сравниться по силе трагизма с этими страницами сербской истории.

Но, благодарение Богу, сербам готовилось не столь трагическое продолжение их судеб.

Сербскую армию союзники переправили на юг Балканского полуострова, на так называемый Солунский фронт.

Два года участвовали здесь сербские войска во всех операциях союзников. 1918 год был здесь столь же решителен, как и на всех фронтах войны. В октябре было назначено общее наступление союзников на противника. В наступлении, конечно, участвовали и сербы. О, они хорошо знали, что там, вдалеке, пред ними, за вершинами Македонских гор, лежат священные для них места: города и храмы Неманичей, леса и равнины Шумадии, великий плавый Дунай.

Это хорошо знал и сознавал каждый серб - от Александра до последнего солдата. И конечно, ни одна другая часть разноплеменного войска, стоявшего на Солунском фронте, - ни французы, ни англичане, ни негры, ни арабы, ни индусы - не была одушевлена теми чувствами, теми настроениями, теми искрами светлых надежд, которые горели в сербских сердцах. И потому для них начинавшееся наступление имело особенный смысл: оно было путем на родину.

И вот неукротимым порывом сербы смяли стоявшие перед ними войска и проникли в глубину расположений противника. Остальные союзные армии, также начавшие наступление, скоро остановились, но сербы продолжали наступать. Как же могли они остановиться, когда пред ними были Охрид, и Битоль, и берега Вардара, и сербские деревни, и сербские города! Напрасно штаб союзных армий присылал Александру приказания прекратить наступление и вернуться к общей линии союзных войск. Александр, имевший одну душу со своей армией, в эти решительные часы знал, что он делал. Он развивал наступление. Для него, как и для каждого серба, не было безразличным, кто войдет первый в пределы родимой Сербии: он ли с юга или итальянцы с севера.

И великий геройский порыв победил: противник не выдержал нападения. На всех участках Солунского фронта стали свертываться войска немцев, австрийцев, турок и болгар.

Дорога в Сербию была открыта, страна встала освобожденная, народ слезами радости орошал дорогу вождя-освободителя, единокровные, дотоле поработанные племена хорватов и словенцев присоединялись к радости своих братьев, маленькая героическая Сербия становилась великим Королевством Югославии, и будущий король ее, ее герой Александр навеки сковывал несокрушимые узы единения со своим народом.

И потому заслуженной яркой, незапятнанной славой сияют золоченые купола королевского дворца в Белграде, увенчанные коронами и белыми двуглавыми орлами Югославии. Королевский дворец красив. Красив он и гранитными серыми стенами, и роскошно прекрасным садом-цветником, и золотыми коронами, и белыми двуглавыми орлами, но настоящая красота, его великое духовное сокровище бережется далеко в глубине этих стен, в небольшой, но благолепной дворцовой церкви. Там хранятся величайшие святыни: десница святого Иоанна Предтечи, та самая десница, которая в оные дни покоилась на главе Спасителя в момент крещения в Иордане, стариннейшая икона Божией Матери, подлинник, писанный Евангелистом Лукой, и частица Животворящего Древа Креста. Эти великие святыни до дней страшной бури, разразившейся над нашей страной, бережно хранились в драгоценных ковчежцах в церкви Зимнего дворца, в царственном Петербурге. Императрица Мария Феодоровна и великие княгини вывезли эти святыни из пределов смятенной России и передали их Блаженнейшему Митрополиту Антонию, а Владыка вручил эти святыни на хранение царственному вождю православного сербского народа.

Редко кому разрешается теперь преклоняться пред этими великими святынями. Они хранятся обычно в потайном хранилище, недоступные для постороннего взора.

Я имел великое счастье еще в прежнее время, еще в Зимнем дворце преклониться пред этими святынями, иметь же это счастье снова в Белграде я не смел и надеяться. И вот, как

раз утром 16 октября, в день моей епископской хиротонии, я получил возможность быть у короля во дворце и в дворцовой белградской церкви преклониться пред великими вселенскими святынями, которые для этого были перенесены в церковь из потайного хранилища. С трепетом благоговения, с глубоким умилением преклонились мы пред святейшими святынями, видя пред собой ту священную десницу, которая некогда возлежала на главе Спасителя, преклоняясь пред частью того Животворящего Древа, на котором ради нас, недостойных, пострадал Христос, молясь пред иконой, которую созерцали пречистые очи Той, Кто изображена на образе.

Дворец состоит из нескольких отдельных зданий. Огромный красивый тронный зал занимает центральную часть его. В верхней своей части этот зал соединяется с библиотекой, художественно переплетенные книги в которой содержатся с бережливым, заботливым вниманием. Справа от большого зала во двор дворца выходит красивое крыльцо, с которого в прежние годы говорил народу король Петр. Теперь этот двор обращен в удивительно красивый, с большим вкусом сделанный сад, в котором иногда играет музыка - оркестр королевской гвардии, доставляющий художественное наслаждение жителям Белграда.

Широко развита в Белграде и научная и учебная работа. Стараниями короля и культурных руководителей сербского народа, которым большую помощь оказывали русские ученые, Белград стал не только политическим, но и культурным центром Югославии.

И научная, и учебная работа сосредоточивается главным образом в Королевском Белградском университете. В стенах этого университета учится много русских студентов. И, как всюду, как всегда, русские студенты держат высоко свое знамя, идя впереди прочих на поприще науки.

Много русских ученых трудится в этом университете, и вообще в научной жизни Югославии русские ученые играют

большую роль. В медицинском мире Югославии значительная роль принадлежит докторам: профессору Игнатовскому, Софотерову, Трегубову и др. Между прочим, в больнице профессора Игнатовского лечился Святейший Патриарх во время тяжелой и опасной болезни, которой он был болен в сентябре минувшего года. Научную работу в области геодезии налаживал в Югославии русский профессор генерал Свищев, в области искусства по исследованию древнесербской живописи и архитектуры, столь близких и по духу и по оформлению к лучшим образцам нашего древнего искусства, много трудятся С. Н. Смирнов, барон Мейендорф и ряд других лиц.

Но не только в чисто научной области искусства сыгнали русские значительную роль. И техническая сторона жизни нового родного нам по вере и крови королевства в значительной части налажена ими же. И притом необходимо отметить, что только благодаря тому, что как раз в решающий, переломный момент истории Югославии, когда малая и по пространству, и по техническим масштабам Сербия преобразовывалась в значительную державу, в нее хлынула могучая струя высококультурных сил русской эмиграции, - только благодаря этому государственное преобразование этой державы прошло столь блестяще и удачно, и во внутреннюю жизнь славянского королевства не проникли чужие, инородные элементы. Таковое свидетельство мы с чувством глубокого восхищения всюду слышали от родного нам, дружественного сербского народа. Так, например, в 1915 году в Сербии было только сто шестьдесят два врача. Они никогда не могли бы справиться с громадной работой в новообразованном Королевстве Югославии. Им на помощь пришли триста двадцать русских врачей. И теперь в Югославии пять тысяч врачей.

В настоящее время Югославия обладает собственным большим штатом культурных работников. Для подготовки их по всей Югославии существует очень значительное число

школ, гимназий и высших специальных учебных заведений. В Белграде шесть сербских гимназий.

Для русских в Югославии представлен полный простор - учить ли детей в сербских учебных заведениях или в специальных русских, существующих в Белграде, где есть мужская и женская гимназии, или в городе Белая Церковь, где есть русский кадетский корпус и женский институт.

При русской гимназии в Белграде есть благолепная и благоустроенная церковь, которую учащиеся любят трогательной любовью и окружают большой заботой, где я совершал литургию и молебен Божией Матери и вел беседу с учащимися. Кроме гимназии в Белграде есть и низшие русские школы, находящиеся под ведением Православной Русской Церкви.

Тяжелое экономическое положение, в котором находились русские с самого момента своего прибытия в Югославию, вызвало широкие и постоянные попечения югославского правительства, принявшего на себя заботы по оказанию моральной и материальной помощи русским в своих пределах. Это единственное, кажется, государство на всем земном шаре, где правительство отпускает значительные средства для помощи русским беженцам и дает возможность широко развернуться русским благотворительным организациям. Несмотря на тяжесть переживаемого сейчас всем миром глубокого кризиса, называемого в Сербии «врло тежка криза», югославское правительство продолжает оказывать широкую, щедрую помощь русским, ибо вся Сербия свято помнит свой глубокий долг благодарности пред нашим великим Царем и всем русским народом, неизменно отдававшим братскому сербскому народу лучшие свои чувства и силы, погибшим в начатой борьбе также во имя Сербии.

На правительственные ассигнования выстроен в Белграде великолепный, прямо роскошный дворец - Русский дом имени Государя Императора Николая Александровича. В этом доме помещается русская гимназия, штаб русских соколов и

различные художественные и ремесленные мастерские. Там же находится обширный и благоустроенный зал, в котором даются концерты, спектакли, читаются лекции, доклады. В этом зале происходили и мои лекции о Дальнем Востоке, к которым добрые белградцы, как русские так и сербы, проявили столько любви и внимания. Есть там роскошная королевская комната, отделанная под малахит, в которой бывают приемы наиболее почетных гостей. Там принимал Русский дом в день своего открытия короля Александра.

В Русском доме помещается также Государственная комиссия, через которую югославское правительство оказывает поддержку русским беженцам. Комиссия эта, возглавляемая г. Величем и г. Орешковым, поддерживает культурные начинания и просветительную работу в среде русских эмигрантов.

Частью на средства, выдаваемые правительством, частью на общественные пожертвования широко развил свою работу Русский Красный Крест, имеющий в Белграде два приюта, в Великой Кикинде большое и прекрасно устроенное убежище для хронических больных и престарелых, а в Панчеве великолепный блестяще оборудованный русский госпиталь. В здании детского приюта Красного Креста были предоставлены комнаты и нам с о. Нафанаилом во вторую половину нашего пребывания в Югославии. Так что и там мы находились в привычной и столь близкой сердцу обстановке дела милосердия, и тем ярче, тем сильнее постоянно, ежеминутно вспоминался нам наш родной и любимый Дом Милосердия в Харбине. Нас постоянно окружали там милые, сердечные, чистые детки - также сироты обездоленных русских беженцев.

Кроме этих благотворительных учреждений, получающих постоянную и широкую помощь со стороны правительства Югославии, есть в Белграде и другие благотворительные учреждения, обслуживающие русских. Из них прежде всего необходимо указать на два убежища для престарелых и больных, организованные и поддерживаемые человеком замечатель-

ной доброты и большого сердца - Миланом Михайловичем Ненадичем, бывшим еще недавно министром Королевского двора, ныне же оставившим блестящее положение и всецело посвятившим себя делам милосердия. Он верный друг старой России, служивший в прежнее время в Петербурге в сербском посольстве. С ним я имел большую радость и честь душевно, искренне подружиться.

Я посетил оба его учреждения, в каждом из них находят себе приют 50-60 несчастных страдальцев, измученных жизнью, не имевших на старости лет своего угла и пристанища. В убежищах М. М. Ненадича они находят для себя пристанище и трогательную о них заботу. С глубоким благодарным пониманием, с сердечнейшей признательностью относятся насельники этих убежищ к своему доброму попечителю - М. М. Ненадичу. Среди этих насельников есть много носителей славных исторических имен России, много таких, положению которых завидовали вельможи. Но все они нашли в себе силы искренне благодарить Бога за те скромные радости и мирный закат жизни, который им посылает Господь трудами и заботами доброго христианского сердца, великого духом благородного славянина М. М. Ненадича.

Очень много трудится для налаживания жизни русской колонии в Югославии, для оказания помощи нуждающимся, для урегулировки взаимоотношений с югославянской администрацией бывший русский посланник в Сербии - В. Н. Штрантдман. Когда-то представитель Великой России в Сербии, человек, на которого в решительные предвоенные минуты были обращены взоры всего сербского народа, ибо при его участии решались судьбы самого государства Сербии, В. Н. Штрантдман теперь в новой своей скромной роли продолжает добрую плодотворную работу, храня добрую честь русского имени.

Общественная жизнь в русских кругах Белграда развита чрезвычайно сильно. Многочисленность организаций и слож-

ность их взаимоотношений далеко не способствуют успешности их деятельности. Но это явление, увы, свойственно вообще всей русской эмиграции за немногими исключениями.

Из этих многочисленных организаций укажу на некоторые. Сильны и сплочены военные объединения. Из них наиболее мощной организацией является Общевоинский союз, имеющий свой центр в Офицерском собрании - большом благоустроенном доме с большим залом, где военные круги Белграда имеют возможность устраивать собрания, доклады, лекции. Там наряду с Русским домом мною было прочитано много лекций.

В этом доме помещается музей всевозможных близких воинскому сердцу регалий, реликвий, символов, портретов русских военных героев Великой войны и белого движения.

Там же есть и комната галлиполийцев - святое святых белого движения юга России. Только попав на Запад, только соприкоснувшись с теми последними паладинами русской национальной работы, которые прошли огненные испытания Крыма и Галлиполи, я понял, что значило галлиполийское сидение для кристаллизации остатков русской армии, для сохранения в темной мгле эмигрантского существования немеркнущих факелов патриотической жертвенности.

В Галлиполи совершилось великое чудо. Разбитые, павшие духом части русской белой армии, переведенные на полуостров чужой земли, сумели в течение краткого времени, несмотря на полуголодное существование, несмотря на презрительно-снисходительное отношение иностранных сфер, несмотря на тягчайшие условия жизни, преобразиться в русские воинские части и в таком достойной виде эвакуироваться в пределы славянских земель, где они были приняты не как отдельные личности, а именно как русские воинские части.

Кроме этого сравнительно скромного практического результата пребывание в Галлиполи дало нам образец для будущего, показывая, как русские люди и на чужбине с ма-

лыми возможностями могут добиться великих результатов, как легко исчезает наша пресловутая неумелость и неорганизованность перед силой духа и жертвенным порывом.

Галлиполийцы и все воинские организации Европы свято хранят память о двух годах галлиполийского сидения Врангелевской армии, и в этих воспоминаниях почерпали свои силы год за годом те, кто следовал за Врангелем и Кутеповым по указанным ими путям.

При каждом моем посещении офицерского собрания, на каждой лекции, на каждом докладе и особенно ярко во время прощальной моей лекции военные круги русских в Югославии всегда выражали свое глубокое единодушие и братские чувства к своим братьям, русским воинам Дальнего Востока - единство веры, любви и стремлений и свою постоянную готовность к жертвенному сотрудничеству с воинами Дальнего Востока.

С большой любовью и тесным дружным единением встречались мы всегда в Белграде с небольшой, но крепкой духом организацией сибиряков, т. е. тех, кто в то или иное время побывал в Сибири или боролся на белом фронте в рядах колчаковской армии.

Святыней этого союза является большая и прекрасная икона Александра Невского, стоящая в русской церкви в память о мученически погибшем сибирском вожде Александре Васильевиче Колчаке. С теплым глубоким сочувствием я благословил этот союз иконой нашего сибирского великого святого Иннокентия Иркутского. В этом союзе работают генерал Флут, генерал Романовский, генерал Добржанский, П. Н. Аксаков и многие другие.

По своим духовным устремлениям, по своей памяти о любимом Дальнем Востоке Сибирский союз в Белграде является крепким звеном единения между двумя половинами русских изгнанников - Дальнего Востока и Европы.

Среди кипящих, пылающих светлыми стремлениями, полных энергии и сил организаций молодежи самой могучей

и жизнедеятельной в Белграде является организация младороссов. Я посетил первое организационное заседание этого движения и с глубоким сочувствием и искренней радостью стал свидетелем глубоких, добрых, горячих чувств, воодушевляющих эту хорошую патриотическую русскую молодежь.

Особенно трогательно, особенно задушевно было наше общение с представителями младоросского движения - гр. Толстым и Тарасовым - во время моей прощальной лекции, когда младороссы просили меня передать их горячий, огненный привет и полное единодушное устремление к Великой Матери России своим братьям по вере и мысли, по целям на Дальнем Востоке. И на молитвенную память о нашем духовном единении передали они мне икону Божией Матери. Много хорошей, энергичной и жертвенно настроенной молодежи работает в рядах Национального союза нового поколения, где наиболее плодотворную и глубокую работу проводит профессор Георгиевский.

Есть хорошие и полезные организации соколов и скаутов.

Для объединения всех русских людей, принужденных тяжелым трудом зарабатывать себе пропитание, для внесения духовных начал в их тяжелую и трудную жизнь в Белграде, так же как и всюду в Европе, существует Союз христиан трудящихся, в котором много и самоотверженно работают Г. Г. Миткевич и О. П. Данилевич. Организация эта имеет свои отделения по всем городам Югославии и объединяет на добрых христианских началах многие тысячи русских людей.

В самом Белграде и некоторых других городах среди русских работает Братство преподобного Серафима, возглавляемое П. С. Лопухиным, братом хорошо известного в Харбине и глубоко всеми уважаемого Н. С. Лопухина. Это братство развивает широкую культурно-просветительскую, религиозную работу среди русских. Братство устраивает лекции, доклады, раскрывающие церковное мировоззрение, и

глубоко способствует оцерковлению православного русского населения.

Много и плодотворно работают русские организации на Западе, так же как и в наших краях, и Господь благословляет эту работу.

Несмотря на все разделяющие нас тысячеверстные пространства, моря и океаны, единой жизнью, едиными мечтами, надеждами и стремлениями живет и работает по всему миру рассеянная русская эмиграция.

И в Белграде, вообще во всей Югославии, русские имеют большое счастье, большую радость жить и работать в среде народа, столь близкого нам по вере, по крови, по исторической тесной братской связи, под скипетром высокого духом и разумом доблестного короля-рыцаря Александра Карагеоргиевича, под духовным руководством и под святыми благословениями великого архипастыря Святейшего Патриарха Варнавы, неизменных верных друзей прежней Великой России.

2. Сремские Карловцы

В светлый праздник Рождества Богородицы, теплым-теплым, почти летним днем, совершенно не чувствуя наступления осени, покинул я прекрасную столицу Югославии - Белград и приближался к древней патриаршей столице Сербской Православной Церкви - к городу Сремские Карловцы.

Утром в этот праздничный день в белградской русской церкви совершил я Божественную литургию, начав этим свое духовное общение с православным русским населением Югославии, и светлое праздничное чувство этого дня усиливалось во мне от сознания, что через несколько мгновений я увижу того благословенного Старца, с именем которого так тесно связана огромная страница истории Русской Церкви, того Старца, у которого еще во дни моей самой ранней юности почти сорок лет назад с детским трепетом благоговейного восторга я держал жезл в храмах далекой родимой Казани, которого не видал вот уже пятнадцать лет. В Сремских Карловцах я должен был увидеть митрополита Антония.

Протяжно гудя на многочисленных извивах и поворотах, быстро мчится наш поезд. Вот он исчез в темном мраке глубокого туннеля, вот опять помчался по светлым, залитым солнцем полям, вот еще поворот и пред нашим взором открылся маленький городок, над которым величественными, в небо ушедшими шпилями царил величавый патриарший дворец.

Славой овеваны, кровью и слезами политы страницы этой Патриархии, прямой наследницы древних патриархов сербских.

В конце страшного для сербов XVII века неожиданно, казалось, счастье улыбнулось им. При поддержке знаменитого полководца Морица Саксонского успешно и блистательно росло и ширилось могучее национальное движение в пора-

бощенных турками городах и селах Сербии. Множились и крепи дружины славных комитов - партизанских борцов за родную землю, скрывавшихся в лесах Шумадии и горах Старой Сербии. И вот неожиданным блистательным взрывом всего народа огромная область сербская оказалась в руках освободителей, турецкие войска изгонялись из сербских пределов, казалось, пробил час воскресения.

Но не поддержали этого великого подъема австрийцы, не захотели помочь воскресающей Сербии гордые венгры, родная Россия была далека, и, «в бореньи силы напрягая», - она еще кипела и волновалась кровавыми стрелецкими бунтами, и среди мальчишеских игр потешных зрела императорская реформа Петра.

И вот, как молодой орел с недоросшими крыльями со стоном падает после первого взлета, если не поддержат его могучие крылья старших орлов, так в зареве пожаров, сжигавших родные города, в потоках крови доблестных славянских борцов склонилось снова и снова знамя сербской борьбы.

Восстание сломлено, кипящие гневом и жаждой мести турки врываются в города и селения сербов, не щадя ни женщин, ни детей, ни священников, ни архиереев, благословлявших народную борьбу. Последние остатки народных бойцов отступают на север.

Тогда с древних, насиженных мест, из сел и городов, овеванных славными воспоминаниями, поднялся целый народ. С женами и детьми, со стариками-дедами и маленькими внуками, со священниками и архиереями, с самим Патриархом Арсением III во главе, со святынями, с иконами, с мощами, с реликвиями царей сербских, со всем, что было дорого и свято, - целый народ лесными тропами и горными переходами шел на север.

Какое перо, какой талант опишет всю глубину страданий этого народа, столь любившего свои родные места, когда они покидали землю великих отцов для неизвестного

будущего. Плакали все: плакал старый Патриарх, сидевший на взмыленном, нервно вздрагивавшем коне, плакали старые суровые воеводы, партизаны, селяки, комиты, вожди и простые воины. Они не стеснялись своих слез, они знали, что эти слезы последний раз падают на родную землю.

И вот опустела старая Сербия. С высоких албанских гор на ее плодородные равнины и долины спустились дикие арнауты, из соседней Боснии пришли потурченные босняки - вот почему теперь в священных для Сербии местах Косовской Митровицы, Печи, Дечан слышится только албанская речь, почему древняя Эль-Босана ныне в албанских, а не сербских руках.

С последними истощающимися усилиями переправились сербы через широкий Дунай и из поработленного турками народа стали подданными Австрийской империи.

Новые беды ждали несчастных, измученных людей на новом месте их обитания. Турки их гнали кровавыми гонениями, на которые они отвечали непрерывными восстаниями, - здесь их ждало хитрое, медленное и осторожное притеснение, стремление заглушить все родное, православное, славянское, превратить их, кровью смывших с себя все попытки потурчения, в швабских наймитов.

В тех городах, в тех селах, где были поселены бежавшие сербы, высоко и величаво поднимали свои гордые шпили великолепные католические храмы. Умные и образованные католические священники разъясняли сербам всю выгоду для них переменить свою веру на блистательную веру австрийского императора, гордые венгерские и австрийские дворяне с презрением упоминали о вере холопов, которая не имеет ни достойных храмов, ни сколько-нибудь образованных священников.

Низко склонив голову, стиснув в глубоких страданиях руки, все это слышали православные сербы, вынесшие за свою веру столько огненных мук, и ничего не умели ответить они,

не искушенные в спорах, не постигавшие тонкостей богословского образования, но твердо немудрым сердцем и чистым разумом знавшие, что свята их вера, за которую не колеблясь умирали их деды и отцы. И постигали в эти тяжелые минуты унижений православные сербы то священное искусство смирения, которое освящает души и которого много в православных сердцах, ибо Божественная воля именно путем глубокого смирения ведет Свою Церковь - Церковь Православную.

Но не хотели сербы, чтобы унижалось за свое убожество Православие, не хотели, чтобы над бедностью родных церквей смеялись чужие народы, и вот в начале XVIII века среди разоренных беглецов, среди скрывавшихся в горах комитов, среди простых селяков, не имевших часто лошади для обработки поля, но на себе самих и на своих старших сыновьях вспахивавших землю, среди этого нищего народа начались сборы на построение патриаршего собора и патриаршего дворца.

И каждый находил копейку, каждый находил грош, кто отдавал мешок с зерном, кто отдавал лошадь, кто сам шел работником на постройку - построение Палладиума сербской веры и народности шло быстро вперед. Заволновались было австрийцы и венгры, но, на счастье сербов, австрийский престол в это время занимала Мария Терезия, женщина мягкого характера и умная, матерински относившаяся ко всем многочисленным подчиненным ей народностям, и, тронутая самоотверженностью сербских бедняков, она не только не воспретила построения собора и дворца, но и сама внесла в это дело малую лепту.

И вот собор и дворец оказались построенными, и высоко над малым приграничным городом вознеслись острые шпили, осененные святым крестом.

С благоговением вступили мы в высокие величавые палаты этого священного патриаршего дворца, быстро прошли большой приемный зал и вошли в тихие комнаты, где веет веянием мира и праведности, в кельи митрополита Антония.

Владыка чувствовал себя плохо, его изнуряла длительная малярия. Только добрые, добрые глаза его загорелись радостным оживлением, увидя гостей из далекой страны, но наше сердце уже было согрето, растоплено, залито мягкими волнами горячего, светлого чувства, и так беспредельно отчаянно было прильнуть к этой отеческой груди, слышать эти вдохновенные слова, к которым вот уже больше полувека прислушивается, как к вдохновенным глаголам, вся Православная Россия.

Владыка радовался нашему приезду, благодарил нас за те малые труды, которые мы понесли при этом, горячо и благодарно говорил он о тех, кто материально помог мне в этой поездке. Владыка с волнением в голосе спрашивал, что слышно там, на далеких восточных границах нашей Великой Родины. И вдруг слезы потекли из этих добрых глаз, и мы услышали слова, которые запомнятся на веки веков, которые обожгли душу: «А я о России скажу пушкинскими словами: “Как вино, печаль минувших дней в моей душе чем старе, тем сильней”». И снова заплакал чистейшими, тихими, но огненными слезами. Это плакал не старик, принужденный оставить землю отцов, не изгнанник, тоскующий по Родине, это плакал духовный вождь о своем заблудшем народе, духовный отец о страдающих детях. Так, вероятно, на священной Синайской горе плакал молнией осиянный Моисей, видя народ свой склоняющимся пред рукотворенными кумирами.

Много счастливых часов, много благодатных дней провели мы потом вместе с любимым Владыкой. Лаской, отеческой любовью, глубокой добротой Владыки были согреты все эти дни и часы. Я прочитал митрополиту Антонию все свои доклады и лекции о Дальнем Востоке, о нашей жизни, о наших надеждах и чаяниях, часто, часто это чтение окроплялось умильными, чистейшими слезами Владыки. Слабый здоровьем, которое потрясли тягчайшие испытания, выпавшие на

его долю, Владыка митрополит сохранил кристальную ясность ума, озарив ее праведнейшей чистотой сердца.

Владыка с интересом расспрашивал о церковной жизни Харбинской епархии, о просветительной деятельности и работе Духовной китайской миссии, и так как я не мог поспеть прибыть на церковный минувший собор, то просил представить все ценные сведения в ближайшие сессии Священного Синода, что я по долгу и выполнил.

Особенно глубокое незабываемое воспоминание осталось у нас в сердцах о тех часах и минутах, которые мы провели на молитве вместе с митрополитом Антонием. Ежедневно утром и вечером совершали мы иноческое правило в келье Владыки митрополита, и во время этих молитвенных часов, казалось, он озарялся тихим, неземным светом молитвы, просто, трогательно, по-детски, как ребенок пред Любящим Отцом, предстоя пред Богом.

Вместе с митрополитом Антонием живет его верный, добрый послушник, сотрудник и келейник, беспредельно ему преданный, - архимандрит Феодосий, воспитанник Киево-Печерской лавры, истинно русский инок, крепкий духом, стойкий в вере, самородок, глубоко мудрый крепким русским умом.

Кроме покоев, занимаемых Митрополитом и отцом архимандритом, в нижнем этаже патриаршего дворца расположен ряд покоев, которые занимают митрополиты и епископы Сербские в период заседаний Синода или в период Собора, происходящего в Карловцах ежегодно.

По распоряжению гостеприимного, доброго Патриарха отвели прекрасные покои и мне, так что я мог при каждом моем приезде в Карловцы останавливаться в гостеприимных дворцовых покоях. Эта исключительная любезность Патриарха глубоко тронула мое сердце.

В верхнем этаже дворца находится маленькая домовая патриаршая церковь, отделанная художественно, прекрасно, в

стиле XVIII века, когда и построен этот дворец и большинство церквей в этой стране - новом местожительстве сербском.

В боковых крыльях дворца расположены покои Патриарха и ряд великолепных, дивно роскошных комнат: императорских, ныне королевских, покоев, тронная зала Патриарха, залы заседаний Собора и Синода. Все эти прекрасные комнаты показывал мне сам Святейший Патриарх Варнава, когда после своего выздоровления и возвращения из больницы он с любовью принимал меня у себя в покоях.

И от внешнего величавого вида Святейшего Патриарха, и от его вдохновенных глаз, и от его блестящего светлого ума, и от любящего сердца его, от этих мудрых, продуманных, исполненных необоримой силы речей - от всего его нравственного облика веет духом древних величайших духовных вождей великих православных народов. Таков был, вероятно, Амвросий Медиоланский, словом своим поддерживавший империи, таковы были патриархи цареградские и наши московские, всероссийские патриархи в лучший период расцвета Православного Царства.

Мы много говорили с Патриархом обо всех сторонах церковной жизни, обо всех многочисленных вопросах, волнующих Церковь Христову в наше время. И в каждом слове, в каждой мысли, которую так просто и так отчетливо высказывал Патриарх, был виден его широкий ум, его всеобъемлющее сердце, полное веры и любви Христовой, чувствовался настоящий духовный вождь, за которым с полным доверием может смело идти православный народ.

Глубокая духовная энергия и стремление к общей плодотворной работе на пользу родного народа звучат в словах Святейшего Патриарха, с которыми в минувшем году обратился он к руководимому им духовенству в первом годишњаке Сербской Патриархии: «Слуга Христов ю и пршатель и отац народа, те му не могу бити страна социална, политичка и привредна питанья која се тичу благостанья народа. Односи

измеду цркве и државе, цркве и нације, цркве и књижевности, цркве и уметности, цркве и школе, дужности и права грађана, зла од корупције и узурпације, узајмна права и дужности рада и капитала, етика у трговини и саобрачају, социјализам и анархија - такве и сличне ствари су животна питања, тако животна питања, да се око њих крече општи мир и свеопшта безбедност.

Духовник је реформатор и на социјалном и на религиозном пољу, он је и патриот и проповедник. Земалско и вечно блаженство поверних му душа подједнако су му на срцу. Нека овај први годишњак Српске Православне Патријаршије покаже да сва дневна питања занимају и посланике Божије, чији је дух преданња противан одвеч наглим новаченима, а чије хришћанско милосердје их гони да сваку праведну нову меру пригрле и унапреджују само ако се ради о помочи браћи која пате и непотребну невољу и немаштину трпе».

Я встречался с теперешним Патриархом Варнавой, тогда еще молодым епископом, в Петербурге в Александро-Невской лавре, где мы оба тогда останавливались, когда я был архимандритом. И я глубоко счастлив был возобновить это радостное духовное общение с великим духовным вождем православного славянского народа, столь родного нам. И с его стороны встретил я глубокую трогательную отеческую любовь.

Во все время нашего пребывания в Карловцах мы обедали и ужинали в патриаршей трапезной. Там за ежедневными трапезами тесной и дружной единоклюнной семьей объединялись сербские митрополиты и епископы с русскими архипастырями. Там и мы познакомились со всеми с ними, с этими истинными вождями своего народа, из которых многие разделяли со своим народом и скорбь, и страдания в страшные дни военных бурь.

Мы встретили там Иосифа, митрополита Скоплянско-го, человека огромной энергии, крепкой воли, светлого ума, горячего патриота. В период войны с сербскими партизанами

скрывался он, будучи еще иеромонахом, в глубине гор, ночуя под открытым небом, проходя где пешком, где верхом на лошади опасные и труднопроходимые места. И донныне он верхом объезжает многие горные места и селения своей епархии.

Познакомились мы с благостным, добрым и ласковым епископом Вениамином, воспитанником русской Кишиневской семинарии, отнесшимся особенно ласково к нам, гостям далекого Востока. Он также перенес вместе со своей паствой тяжелый исход народа из Сербии в Албанию и на остров Корфу во время Великой войны, основав там в тяжелых условиях изгнания сербскую гимназию.

Встретили там и великого духовного наставника всего православного сербского народа епископа Николая Охридского, златоуста Сербской Церкви, неустанно трудящегося на ниве пробуждения народной совести, укрепления веры православной своими миссионерскими письмами, своими огненными проповедями.

Много и других епископов, выдающихся своими талантами и горячей ревностью в церковных трудах, имеет Сербская Церковь. Из них необходимо еще указать старца Владыку Георгия Банатского, глубоко духовного, глубоко благородного, истинного отца своего народа; митрополита Досифея, с которым мы познакомились в Загребе, где я читал лекции; Владыку Тихона, главного помощника патриаршего; Владыку Емелиана, доброго и чуткого; глубоко культурного Владыку Иринея Новосадского и митрополита Черногорского Гавриила - человека выдающихся талантов и энергии, скромного и смиренного Владыку Викентия, Владыку Серафима Призренского и других.

В Сербской Церкви в настоящее время очень много работы, и сербские иерархи с помощью Божией работают много и плодотворно. Каждому епископу вменяется в обязанность дважды в год объехать всю свою епархию, чтобы быть самому в курсе ее нужд. Объезды эти обычно совершаются весной и

осенью, когда крестьянские лошади свободны и легко могут быть предоставлены для нужд архиерея и его свиты, когда сами крестьяне свободны от работ и могут принять участие в церковных праздниках, которыми сопровождается объезд архиерея. Осенью же, когда у крестьян собран урожай и виноград, обычно производится и сбор на церковные нужды.

Мы говорили уже о сербском благочестии, о его своеобразии и отличии от благочестия русского. Здесь упомяну лишь, что как раз в Карловцах на «славе» Патриаршей Церкви в день святого Дмитрия Солунского мне привел Бог впервые принять участие в традиционном ритуале «славы». Накануне этого дня в храме была совершена торжественная всенощная. На литургии присутствовали все пребывавшие в Карловцы сербские и русские архиереи. Служили Владыка Георгий и Владыка Вениамин. После литургии служившие Владыки, митрополит Иосиф и я, т. е. четыре архиерея, совершили обряд освящения хлеба и вина и сечения колача. Под пение «Исаия ликуй» и «Святии мученицы» мы трижды по трижды поднимали освященный колач, подобие артоса, повертывая его в наших руках, вливали вино в нижнюю сторону колача и разломали его по надрезам на четыре части. Потом подняли эти части и поцеловали их снова трижды по трижды. Таким образом я вступил в духовное родство с теми сербскими иерархами, вместе с которыми я принимал участие в обряде «слава».

Чрезвычайно единодушно и тепло прошло наше взаимное духовное общение с сербскими и русскими иерархами в патриаршем дворце во время моей лекции о Камчатке, о Маньчжурии, Китае и вообще о Дальнем Востоке. И сербские, и русские иерархи чрезвычайно живо и глубоко интересовались Дальним Востоком и той чисто русской жизнью, которая развивается и растет тут. Очень интересовала их и миссионерская работа как на Камчатке, так и в Китае и в Ниппоне (Японии).

В Карловцах познакомились мы с управлением Сербской Церковью и с некоторыми подробностями сербской церковной жизни.

Управляет Сербской Церковью Патриарх вместе с Синодом. Высшим органом управления является церковный собор, который созывается Патриархом ежегодно. Собор происходит в том самом помещении Патриархии, в котором останавливались мы во время нашего пребывания в Карловцах.

В Карловцах сосредоточено и управление Русской Церковью за границей. Синод, во главе которого стоит Блаженнейший митрополит Антоний, включает в свой состав живущего в Иерусалиме архиепископа Анастасия, архиепископа Гермогена, архиепископа Феофана и архиепископа Сергия. Во время моего пребывания в Югославии я также входил в состав Синода.

Во время моего пребывания в Югославии мы провели две сессии Синода, рассмотрев много серьезных, больших, важных вопросов. Особенно важно было учреждение на последнем заседании Синода Братства Святой Руси имени святого князя Владимира, которое должно объединить все русские национальные организации на общей, единой основе - Православной вере. Центр этого Братства находится в Сремских Карловцах, и возглавляет его Блаженнейший митрополит Антоний. Отделы Братства учреждаются во всех епархиях и миссиях, а отделения во всех приходах, разбросанных по всему пространству зарубежья. Тогда же на заседании Синода выработан был и знак этого Братства, которым должны награждаться заслуги отдельных лиц, творящих полезную церковную работу.

Отделы Братства, вероятно, в самом ближайшем времени будут организованы и у нас, на Дальнем Востоке. Блаженнейший митрополит Антоний возлагает большие надежды на это Братство, ибо считает, что именно Братство сможет положить конец тем раздорам и разделением, которые так

вредно отражаются на общей жизни русской эмиграции за границей.

Наши архипастыри, живущие в Югославии, приняли живейшее участие в работе по организации Братства.

Всею душою, сердечно сблизился я с добрым и отечески ласковым Владыкой архиепископом Гермогеном, Донским и Новочеркасским, который стал моим аввой - духовным отцом. Глубоко русский человек, донской казак по рождению, архиепископ Гермоген - горячий патриот России и казачества. Энергичный, предприимчивый, сильный духом, он однажды в начале тяжкого периода беженства с острова Лемноса в маленькой углой рыбацкой лодке приплыл на Афон за пятьдесят с лишним морских миль. Целую неделю пробыл Владыка архиепископ в море среди бури, ветра и непогоды, одинокий на углой лодочке. На Афон прибыл он, движимый великой ревностью увидеть и преклониться пред святыней православного иночества.

Архиепископ Феофан совершил великий подвиг, важную духовную заслугу перед русской эмиграцией, ибо он вывез из пределов России святую и чудотворную икону Курской Божией Матери «Знамение», перед которой теперь горячо и усердно молятся русские люди Белграда и всей западной эмиграции, ибо время от времени эту святую икону возят по всем православным церквам Европы. Вместе с тем эта святая икона является и залогом единения русских людей, ибо по благословению митрополита Антония молитвы перед ней совершаются во всех русских церквах, невзирая ни на какие разделения.

Архиепископ Сергей, Черноморский и Новороссийский, - очень престарелый Владыка, глубоко сосредоточенный в оказании помощи своим бедствующим в советской России близким, он пользуется внимательной и ласковой любовью всех наших иерархов и в свою очередь ласково и внимательно относится к своим собратиям и сотрудникам.

Для нужд Русской Церкви в Карловцах у митрополита Антония есть свой небольшой, более чем скромный храм, настоятелем которого является всеми любимый батюшка, отец архимандрит Феодосий. В этом храме ныне изредка по болезни, а прежде каждое воскресенье совершал Божественную службу Владыка митрополит Антоний. С этой кафедры в течение более чем десятилетия раздавалось его божественным вдохновением отмеченное слово.

В этой церкви в праздник Покрова Божией Матери посвятил Блаженнейший митрополит Антоний моего секретаря, о. Нафанаила, в сан игумена, наградив палицей и вручив после литургии игуменский жезл. Во вдохновенном, душу волновавшем слове он указал юному игумену на те великие обязанности, которые на него возлагаются новым саном, указал на путь смирения как на самый прямой и верный путь к Царствию Божию.

В этой же церкви накануне дня моего Ангела по просьбе Патриарха Варнавы и по благословию митрополита Антония я совершил пострижение в иночество Владимира Николаевича Халаева, человека некогда значительного. На склоне лет своих он желал отдать все силы своего ума и духа на служение Богу. Он вступил в клир Сербской Церкви, и для жизни и подвигов ему предназначался тот монастырь, в котором имеет местопребывание Владыка архиепископ Гермоген. Конечно, и для Владыки архиепископа, и для старца-инока Варлаама такое взаимное общение будет источником духовной радости.

В этой же русской церкви в Карловцах много раз дал Господь и мне великое счастье совершать Божественную литургию.

Здесь провел я день своего Ангела, когда был взыскан особенной любовью, особенной лаской благостного, любящего митрополита Антония. От его рук получил я в этот день святы́й крест, украшенный драгоценными камнями, и трапезу в день моего Ангела Владыка Антоний устроил в своих покоях.

На этой трапезе снова встретились в дружественном, мирном и единомышленном общении все архипастыри - представители сербского и русского духовенства.

В этом единомышлии, в любви и мире представителей Единой Святой Христовой Церкви двух великих славянских народов таится огромный смысл, огромное нравственное значение.

Когда во время Божественной литургии в Сербской Церкви слышишь священные с детства знакомые слова молитв и молитвенных возгласов, ярко и ярко осознаешь великое вселенское значение Православия - нашей Святой церкви.

На это указывал мне в наших с ним разговорах и лучший выразитель сербской церковной мысли в нынешнее время - епископ Николай Охридский после моих рассказов об успехах проповеди Православия среди народов Дальнего Востока.

И эти нити, которые протягиваются от дальних краев Дальнего Востока, от нашей Церкви к Церкви родной нам Сербии, служат крепким залогом несокрушимого единства Церкви Христовой.

3. Фрушкая гора

Недалеко от Сремских Карловцев огромным, плотным массивом возвышается над мирными долинами этой области Фрушкая гора.

С этой местностью связано много значительных в жизни края исторических воспоминаний. Здесь когда-то проходила граница Великой Франкской монархии Карла Великого и Византийской империи. По имени франков, чьи пограничные посты стояли когда-то на этой горе, и называется она вот уже в течение более тысячелетия Фрушкой, франкской горой.

Когда франкские пограничные отряды, воинственные усатые галлы, полудикие германцы и саксы спустились с этой горы и покинули местность, которую стали захватывать многочисленные славянские племена, тогда на протяжении многих столетий осталась стоять одинокой и пустынной старая Фрушкая гора. Проходили мимо нее авары, славяне, угры, византийцы, швабы, потом пришли турки, оглашая окраины горы дикими, воинственными криками, стонами своих жертв, плачем полонянников. Но вот после турецких нашествий снова услышала Фрушкая гора давно ей знакомую славянскую речь на своих склонах. Эти славяне были не воинственные дружины зетских и хорватских князей, не рыдающие пленники угров или аваров. Это какие-то особые люди стали петь особые песни на склонах старой горы.

Из плененной турками старой Сербии к подножию и склонам Фрушкой горы пришли иноки сербские, и целым сонмом священных прекрасных обитателей украсилась Фрушкая гора.

Одним из первых монастырей, выросших на склоне горы, был монастырь Крушедол, возникший на рубеже XV и XVI столетий.

С монастырем этим тесно связано имя последней сербской дес-потницы, т. е. Великой княгини святой Ангелины и всего ее святого семейства.

После страшного поражения, которое понесли сербы на Косовом поле, своим упорным сопротивлением, своим доблестным геройством добились они права сохранить некоторую часть своей прежней независимости и славы еще на полтора столетия. Династия Бранковичей получила права князей, подвластных турецкому султану и зависимых от него. Беспредельно тяжело и трудно было положение этих последних сербских властителей - посредников между своим народом и злыми иноземными жестокими завоевателями. Всеми силами, всеми доступными им средствами стремились они продолжать древнюю исконную православную политику сербских великих царей и князей, поддерживали монастыри, строили их и украшали храмы. Святая Ангелина, последняя великая княгиня сербская, оказала много помощи, много поддержки русскому монастырю на Афоне - святой Пантелеймоновой обители, переживавшей тогда трудные времена. Но когда почувствовала она, что дальше продолжать это святое дело не в силах, как священный завет передала она попечение над обителью Пантелеймоновской Великому князю возрождавшейся России - Иоанну Васильевичу Третьему Московскому, прося его поддержать древнюю обитель, основанную еще Ярославом Мудрым.

В 1480 году умер муж святой Ангелины, слепой Великий князь Стефан. Святая Ангелина удалилась в Венгрию. Ее старший сын, святой Максим, принял власть архиепископскую, ее младший сын Иоанн стал последним великим князем Сербским. И вот с помощью своих сыновей, а также при поддержке владетеля Влахии Иоанна Найгула решила святая Ангелина создать монастырь, в котором нашли бы вечное успокоение останки ее святого мученика мужа. В конце XV века приступила она к постройке монастыря Крушедола, но

скоро ясно увидала, что с помощью только своих сыновей и Найгула создать достойной обители не сможет. И тогда снова обратилась она за помощью к Великому князю Московскому, уже Василию Ивановичу, прося его поддержать святое дело.

И Великий князь Российский по-царски ответил на просьбу родной славянской княгини. С духовником княгини Ангелины он прислал четыре связки копр соболей, четыре тысячи белок и другие драгоценные дары. На вырученные за это деньги и был построен великолепный Крушедольский монастырь, ставший впоследствии королевской лаврой династии Обреновичей.

С чувством особого благоговения посетили мы монастырь Крушедол и поклонились святым мощам Великой княгини Ангелины и ее святых сыновей, как бы восстанавливая ту духовную связь ее монастыря с далекой Сибирью, которая началась присылкой Великим князем Московским лучшего дара Сибири - ее великолепных соболей. В прекрасном патриаршем экипаже, любезно предоставленном нам Святейшим Владыкой Варнавой, ехали мы к Крушедолу по горам и долинам осенним вечером.

Прекрасен и великолепен монастырь Крушедольский. Высоко в небо вознесся шпиль его храма, могучи и несокрушимы его стены, но лучшие сокровища таятся внутри. В храме в старинных гробницах покоятся нетленные останки мощей святой Ангелины и ее сыновей: архиепископа Максима и Великого князя Иоанна. Мощи святого Стефана, супруга святой Ангелины, сожгли турки в 1716 году. Тогда же пытались они сжечь и все святые мощи, хранимые в обители, но часть мощей святой Ангелины, Максима и Иоанна остались целыми.

С великим благоговением принял я от благостного настоятеля Крушедольской лавры отца архимандрита Саввы⁴ часть мощей святой княгини Ангелины.

---

4   Ныне отец архимандрит Савва посвящен в сан епископа Карловацкого.

История Крушедольского монастыря говорит нам, что та глубокая духовная связь, которая с самого его начала была завязана между ним и далекой Православной Россией, продолжалась и на всем протяжении его истории. От царей Петра и Иоанна Алексеевичей получил этот монастырь в 1685 году хрисовулу на ежегодные значительные пожертвования. Щедрые дары царя Алексея Михайловича, императрицы Екатерины и других русских государей хранятся в богатой ризнице монастыря.

В самой церкви прекрасен иконостас, удивительно цельное и художественное сочетание византийского стиля и раннего барокко.

С глубоким интересом и вниманием осматривали мы и владения монастыря: его сад, хозяйство, поля и виноградники.

В монастырских владениях находится священный чудотворный ключ, глубоко почитаемый всеми окружающими поселянами. Мы были на этом старинном источнике, вошли под прохладную сень грота и с молитвой пили студеную чистую воду. И казалось, близка тогда была сама седая древность тех давних времен, когда первые славянские племена приходили в эти места и утомленные после долгого пути с глубочайшей благодарностью Богу находили студеный, чистый, прохладный ключ. Это благоговейное чувство благодарности Богу за ниспосланную благодатную влагу оставалось и тогда, когда славяне принимали веру Христову, и чувство это, безотчетное и туманное, освящалось первого августа и весной в Преполовление - священники с народом приходят к этим ключам, освящая их чистые воды.

Недалеко от Крушедола высится старинный монастырь Раваница. В те давние и страшные годы, когда бежав от турецкого ига сербы покидали любимые родные места, места, овеянные древней исторической славой их предков, они захватили с собой в новые края священнейшие реликвии прошлого. Захватили они и мощи своих великих святых, захватили мощи

великого мученика сербского святого царя Лазаря, погибшего вместе со всем своим воинством до единого человека в страшной, жестокой Косовской битве.

И вот над святыми мощами царя Лазаря в новой чужой земле, в стране изгнания, воздвигли сербские поселяне прекрасный благолепный монастырь.

Ранним осенним утром, когда поля кругом желтели спелыми колосьями, а могучая, великая гора Фрушкая на склонах своих краснела и желтела листьями виноградников, сгибавшихся под тяжестью плодоносных лоз, на одном из поворотов дороги нам показался Раваницкий монастырь, окруженный могучей стеной монастырских зданий, расположенных как около центра около своего храма, своей главной святыни.

Проехав через старинные огромные ворота монастыря, мы прямо подъехали к церкви и с молитвенным благоговением вступили под ее старинные своды. Высокая, богато украшенная гробница с мощами святого царя Лазаря стоит у иконостаса. С молитвой преклонились мы перед этими святынями, совершенно нетленными вот уже на протяжении шести веков останками.

Там же, в этом святом храме, хранятся все реликвии, все священнейшие воспоминания о царе Лазаре: его окровавленная одежда, его латы, шлем и щит. С самых старинных времен сотнями и тысячами приходят к этой гробнице благочестивые сербы со всей православной Сербии со своими радостями и горестями, со своими мечтами и надеждами.

И встает здесь ясно пред мысленным взором тот страшный, трагический, но славный момент в истории Сербии, когда во главе всего вооруженного своего народа царь Лазарь на поле Косовом встретился с воинством султана Мурада, во много раз превосходившим малое воинство сербское, с турецкой армией, прославившейся уже победами над всеми, кто дерзал противиться ее силе. Долго длилось страшное, ожесточенное сражение. Как львы дрались сербы за свой родной

край, за свою отчизну, за великую древнюю славу. Но грозны были и турки, вспоенные славой побед, подогретые мечтами о загробной награде каждому павшему в борьбе с гяурами, почерпавшие уверенность в победе в своих подавляющих силах. Битва кончилась лишь тогда, когда не осталось ни одного живого серба. Но умирая, они сумели прорваться сквозь ряды турок и закололи самого султана Мурада, победителя в этой битве. Все сербское дворянство до единого человека славной смертью окончило свое существование в этот страшный день. Вся страна была обескровлена совершенно. Опустевшие деревни, безлюдные города лежали на пути победителей. Но и у турок оставалось мало силы, а главное, не стало самого вождя, самого султана. И опасаясь дальнейшего сопротивления, боясь доводить до полного ожесточения этот мужественный народ, турки предоставили сербам еще на полтора столетия относительную свободу под своим верховным владычеством.

А народная память сложила сотни и тысячи песней, баллад и преданий о страшном Косовском дне. Из этих преданий чаще всего слышится предание о Косовской девушке, принесшей чашу воды умирающему последнему герою великой Сербии.

Все это ясно вспоминается в пределах Раваницкого монастыря, где почивают мощи святого мученика царя Лазаря.

А в нашей памяти в эти минуты воскрес образ другого Царя-мученика, нашего Императора Николая II, также погибшего в неравной борьбе со злым, жестоким и сильным мировым врагом, также унесшего с собой славные страницы своего народа, также сменившего корону и пурпур царский на венец мученический. Сердце сжалось глубокой болью, тяжелой скорбью. И ясно стало для духовного взора, что эти два великих единокровных царя предстоят ныне пред Престолом Всевышнего в страдальческих, мученических венцах, молясь за великое и многострадальное славянское племя, на

долю которого в мировой истории выпало так бесконечно много страданий и мук.

Я высказал эти свои мысли в дружественной беседе с добрым, благостным настоятелем Раваницкой обители отцом архимандритом Макарием и с братией этого монастыря. И в чутких добрых сердцах этих близких нам по духу и крови людей нашел я задушевный отклик, а на глазах видел отблески добрых слез.

В этом святом монастыре имеет пристанище наш русский архиепископ Феофан, владыка Курский, которому русская эмиграция обязана великим и чрезвычайно важным подвигом: он вывез из пределов России чудотворную икону Курской Божией Матери и тем спас эту святыню от поругания, которому ныне подвергаются другие святыни на Русской земле.

В монастыре, находящемся недалеко от Раваницы, - в обители Гергетек - проживает Владыка архиепископ Гермоген, член Русского Православного Синода за границей.

В ближайшем соседстве с обителью Раваницкой находится монастырь Язык, где хранятся мощи святого царя Уроша вместе со многими реликвиями древнего Сербского царства и старинными прекрасными книгами. Мы были в этом монастыре и благоговейно помолились пред его святынями.

Также на Фрушкой горе среди иных обителей и монастырей притаилась в лесистой местности обитель Хоповская - русский женский монастырь, наследник прекрасного русского Лесненского монастыря, столь чтимого в России, хранителя чудотворной Лесненской иконы Божией Матери и многих иных святынь.

С особенно глубоким чувством подъезжал я теплым осенним вечером к стенам Хоповской обители, сопровождаемый милыми и добрыми моими спутниками - отцом архимандритом Феодосием и отцом игуменом Нафанаилом. С самых ранних детских лет меня связывали глубокие духовные узы

со святой обителью Лесненской, с ее великой святыней - чудотворной иконой. Там, в этой обители, посвятили свои силы Богу многие хорошо мне знакомые инокини и между ними моя учительница, моя воспитательница в раннем детстве.

Лесненский монастырь, основанный в 1884 году, имел большое, чрезвычайно важное значение в церковной жизни нашего западного края, ведя большую и настойчивую борьбу со всеми противными Православию течениями нашей западной окраины. Сестры Лесненской обители посвящали себя благотворительной и просветительской работе, которую вели неустанно и которая стояла на высоте своего великого служения делу милосердия и церковной работы. В то же время их обитель являлась форпостом Православия в инославной стране и достойно, свято несла свое трудное, но святое и высокое знамя.

Когда над нашей Родиной разразилась страшная, всеуничтожающая гроза, сестры Лесненской обители во главе со своей настоятельницей - знаменитой игуменьей Екатериной, в мире графиней Ефимовской, в течение долгих лет руководившей монастырем, покинули пределы порабощенного отечества и прибыли в другую славянскую страну, в землю Сербскую.

В Сербии в это время в течение почти двух веков не было женских монастырей. Мужские монастыри во множестве покрывали страну, но и в мужских монастырях было малоллюдно, часто не более как по два-три монаха, а женских обителей не было совершенно. Между тем нужда в таких монастырях была большая. Пробужденная бедствиями войны и страшного отступления через Албанию, народная совесть внятно звала сербский народ к молитве и покаянию, потерявшие в военной грозе своих мужей, сыновей или отцов женщины искали утешения в молитве, искали крепкого, надежного прибежища в своих скорбях - и не находили. Часть народа нашла выход своим глубоким религиозным чувствам в так называемых «покретах», или «побожничьих братствах», своеобразных по-

лумонашеских религиозных сербских обществах, о которых я буду говорить в одном из следующих очерков. Но некоторые женщины хотели вполне отойти от мира, от мирской жизни, всецело отдаться молитве и созерцанию, хотели монашества, а его не было.

И вот на яркий светильник, возжженный в Хопове пришедшими из России инокинями Лесненской обители, потянулись многие смятенные миром женские души, и женские обители одна за другой вновь возродились в пределах сербских. В настоящее время в Сербской Церкви 180 мужских монастырей с 400 монахами и 16 монастырей женских с 260 монахинями. Ежегодно многое множество пострадавших сербских женщин и горящих глубокой верой девушек стучатся в стены святых обителей, желая отдать Господу Богу чистые свои души, и разум, и сердце.

В монастыре Хоповском в открытой гробнице почивают святые мощи великомученика Феодора Тирона, столь чтимого всем православным миром, в память которого Церковью установлен особый праздник с освящением колива - кутии - в пятницу первой недели Великого поста.

С глубоким молитвенным благоговением преклонились мы пред святынями Хоповской обители. Мы прослушали там всемогущее бдение и на следующий день литургию, внимая прекрасному хору инокинь. После литургии совершили мы молебен пред святыми мощами великомученика. От настоятельницы монастыря, глубоко всеми почитаемой игуменьи Нины, я получил на молитвенное воспоминание драгоценный дар - икону святого Феодора Тирона с частицей мощей этого святого. Эту икону уже давно приготовила для себя матушка Нина, чтобы с ней вернуться в Россию, когда благословит это Господь, и в течение многих годов изгнания икона была на святой гробнице. С благоговением принял я святой дар и был глубоко счастлив разделить молитвенное общение и духовное единение с этой святой обителью. Духовник Хо-

повского монастыря, высоко духовный человек о. Алексий, показал нам дивные, замечательно художественные фрески этого монастыря, к сожалению, большей частью скрытые под слоем штукатурки, которой замазали их за последнее пятидесятилетие рабочие, ремонтировавшие храм еще до переезда в Хопово лесненских монахинь.

Фрушка гора является центром сербского монашества на севере, но главное множество святых и высоко почитаемых монастырей Сербии находится на юге, в старинных, освященных пребыванием самых чтимых сербских святых долинах Дрима и Моравы.

Во всяком случае, можно смело сказать, что монашество в Сербии совершенствуется ныне с каждым годом, с каждым днем благодаря стараниям иерархов, особенно Патриарха Варнавы, благодаря прибытию в Сербию нескольких глубоко духоносных носителей традиций русских святых монастырей, благодаря высокому стремлению к Богу православных сердец.

В течение ряда веков сербские монастыри имели значение в истории народа главным образом как очаги борьбы за веру православную и родную землю против иноверных поработителей. В тишине монастырей собирались народные вожди, водившие дружины свои в битвах «за Крест честной и свободу златну», из монастырских келий выходили иногда такие неукротимые борцы против турок, как первые вожди Черногории; монастыри благословляли эту борьбу и молились за борцов.

Теперь эта роль окончилась вместе с освобождением и объединением великого югославянского народа. Но лучшие представители иночества хорошо понимают, что теперь наступает время еще более тяжелой и ответственной борьбы, борьбы против стихий и искушений мира, за очерковление и очищение народа, за правду Божию, против сил зла. В огне этой борьбы пал единокровный и единоверный сербскому народу народ русский, но святое знамя Православия, которое

в течение веков нес русский народ, ради которого вынес столько мук, ради которого и ныне столько огненных страданий испытывают лучшие русские люди, это святое знамя крепко держится руками сербских монахов.

Наши молитвы, наше духовное единение, наша глубокая братская связь всегда с ними, и чрез моря, чрез океаны и тысячи верст пространства мы объединяемся в наших молитвах пред Престолом Всевышнего. А как символ этого нашего единения с далекими братьями служит здесь, в Харбине, священный залог Сербской Церкви, переданный мне руками Святейшего Патриарха Варнавы, - святые мощи великого святителя сербского, архиепископа Арсения.

4. Южная Сербия

Из всех наук человечества, великих плодов человеческого разума, полнее и глубже всего касается нашего сердца наука история племен и народов. Постигая истины математики или естествознания, мы можем соглашаться с ними умом, мы можем принимать их сознанием, но чувство наше будет молчать при этом. И в противность этому не можем мы без трепета сердечного слышать повести о делах и событиях исторических тех или иных народов, игравших ту или иную роль на великой мировой сцене всемирной истории.

Наше сердце не молчит равнодушно, когда разум воспринимает известия о событиях исторических. Вместе с Александром Македонским мы торжествуем его победу над варварами, вместе с Цезарем дерзновенно переходим через Рубикон, вместе с крестоносцами духовно радуемся, видя стены святого Иерусалима.

Но если столь велико наше сочувствие при чтении истории народов, нам чуждых и далеких, то во сколько же раз более волнует наше сердце и разум история народа, единого нам по вере и крови, в исторических судьбах которого такое близкое участие принимала наша великая и славная некогда Родина.

Между тем история сербского народа очень мало известна в русском обществе. И если этот прискорбный недостаток хотя бы в малой мере я смогу восполнить моими повестями, я буду искренне и глубоко рад.

Не велика, не обширна та область, на которой совершались самые знаменательные, самые центральные моменты сербской истории. Нет там безграничных степей приднепровских и придонских, нет бесконечных приволжских лесов. Трудно развернуться здесь широкой славянской натуре, и она сжимается здесь в крепкие, отточенные единицы, как

солнечный луч, группируется в один или два фокуса, сосредоточивающих всю силу, всю энергию народа. Так, в противоположность могучему орлу, летящему над бескрайними просторами, маленький благородный сокол, родной брат орла, символ доблести, сосредоточивает в своем маленьком теле столько мужества и силы, что никогда никакой иной птице не уступит своего пути.

Долины Моравы, Дрима, Дрины и Неретвы - вот та ограниченная область, на которой совершались события истории Сербии, откуда, как из могучего гнезда, сербский сокол часто простирает свои крылья на во много раз большие пространства, но где неизменно сосредоточивались самые важные, самые священные центры государственного бытия этого славянского народа.

Дождливым осенним вечером по непролазно грязной дороге мы проезжали среди равнин старой Сербии. Среди городов и поселков белели минареты многочисленных мечетей, слышалась албанская и турецкая речь, редко-редко раздавались звуки славянских слов.

Если вы проезжаете по исторической, священной для великого народа стране и не слышите там его речи, если вы видите на каждом шагу при этом дивно прекрасные остатки исторических памятников этого народа - его храмы, дворцы, монастыри, окруженные глубочайшей народной любовью, и в то же время встречаете при этом как коренное население представителей другого народа, ваше сердце подскажет вам, что здесь произошла какая-то страшная, тяжелая историческая трагедия.

Трагедией напоена история Сербии, как история и всего славянского племени.

В IX веке, когда на северо-восток от сербских гор и долин основывалось другое славянское государство - великая Русь, было в Сербии уже два могущественных владения - Рашка и Зета. При рашском Великом князе Мутимире сербы

приняли христианство, и на память об этом великом событии донныне осталось празднование каждой семьей «славы» - памяти того святого, в честь которого назван был первый принявший христианство серб, прапредок данной семьи.

Несколько раз после того переживала Сербия минуты падения и времена славы, пока усилиями Великого князя Стефана Неманья не была соединена в одну могучую державу, и с того момента приобрела Сербия в лице Неманичей самую великую, самую славную, самую святую свою династию, высоко в голубой купол неба вознесшую славу сербского имени.

Многими трудами и усилиями основатель новой династии первый великий властитель Сербии святой Стефан Неманья сковал юную славянскую государственность.

Его великими и достойными продолжателями были два его сына: Стефан и Ростислав. С детских лет юный Ростислав стремился к благочестивой и богоугодной жизни, стремился оставить этот мир и отдать силы свои всецело Богу. Восемнадцатилетним юношей он покинул удельное княжество, которое предоставил ему отец, и удалился на Афон, в русский Пантелеймонов монастырь, где провел первое время своего монашества. Так на ранних еще ступенях своей истории тесными узами связывались святые Церкви России и Сербии.

С высокой монастырской башни сбросил инок Савва своим спутникам, пришедшим с ним из Сербии, свои богатые великокняжеские одежды, а сам облекся смиренной одеждой инока.

Впоследствии к своему иноку-сыну на святую Афонскую гору с высоты великокняжеского престола пришел и державный отец святого Саввы - Стефан Неманья, который вошел в сонм святых Православной Церкви с именем Симеона Мироточивого. А через несколько десятилетий стал святой Савва первым независимым архиепископом Сербии и венчал на царство первого короля родной страны, своего брата Стефана.

Первоначальной столицей Сербского архиепископства был монастырь Жича. Там жил и подвизался и оттуда управлял Сербской Церковью святой Савва. Из Жичского же монастыря вышел и великий преемник святого Саввы - святой архиепископ Арсений, продолжавший труды своего учителя и наставника.

По указанию святого Саввы святым Арсением было создано новое средоточие церковной жизни для Сербии в обители Печской, которая стала церковным центром на долгий, долгий период для всей Сербии и прилегающих стран.

К этой-то древней святой обители и приближались мы темной дождливой осенней ночью.

Поздно ночью, около двенадцати часов, мы прибыли в древний город Печь. Еще полторы версты надо было пройти по размытой дождем грязной дороге пешком до монастыря. С нами шли двое местных жителей. Черная ночь царила кругом. Только туманный блеск луны временами просвечивал сквозь ряды тяжелых туч и неверным светом освещал поразительно красивые виды кругом. Огромные застывшие горы сторожили эту местность, быстрая-быстрая горная речка пробегала мимо дороги. Речка эта так и называется - Быстрица. Город Печь с узенькими грязными улицами, с восточными турецко-албанскими домами и стройными минаретами скоро кончился, мы вступили на горную дорогу, и через час пути пред нами в темноте ночи вырисовывались вековые могучие стены Печского монастыря, древней великой Патриаршей лавры Сербского царства.

Огромные, тяжелые, вековые, кованые чугунными плитами ворота закрывали вход в лавру. Тяжелый молоток висел на воротах для того, чтобы пришелец мог нарушить тишину сна этой обители и получить право войти под ее гостеприимный кров.

Мерно и тяжело застучал молоток по кованым плитам ворот - раз, и два, и три, но безрезультатно. Никто не спешил

на зов молотка. Страх стал закрадываться в нашу душу. Дождь медленно накрапывал с темного неба. Горы кругом молчали черным молчанием безлюдной глубокой ночи, вдалеке виднелись очертания также погруженного в темноту абсолютно чужого города, сопровождавшие нас албанцы еле понимали наш полурусский, полусербский язык.

Уже мы были готовы потерять надежду, когда наконец раздалась звуки шагов, тяжелые ворота заскрипели на ржавых старинных петлях, и мы, усталые от долгой томительной поездки, от ожидания, продрогшие, промокшие, были с доброй и теплой лаской приняты в священных стенах святой обители.

На следующий день мы были на богослужении в монастырском храме. Богослужение совершал русский иеромонах-валаамец - о. Герман. После литургии мы осматривали храм и обитель.

В Печском храме покоятся мощи всех первых иерархов Сербии, а также мощи святых Петозарных мучеников, столь чтимых Православной Церковью.

Об одном из Петозарных мучеников, о святом Оресте, трогательно повествует святой Димитрий Ростовский. В кратком житии этих мучеников указал он их мужественное, безбоязненное исповедание веры Христовой и поведал, как злобные мучители, раздраженные этим непоколебимым мужеством, влили расплавленное олово в глаза страдальцев, предав их таким образом мученической смерти. Написав житие, святой Димитрий заснул. И во сне видит он святого Ореста, который говорит ему: «Почему ты не рассказал о всех мучениях, которые мы претерпели за Христа? Видишь, не только глаза мои сожжены были за нашу святую веру, но и все тело мое покрывают раны. Каждая эта рана принята нами за Христа. И ни муки, ни раны - ничто не в силах было отторгнуть нас от радости нашей - Христа Спасителя».

С благоговейной любовью и умилением взирали мы на священные главы мучеников, видели залитые оловом чи-

стые их очи, стараясь зажечь наши малодушные сердца чрез тьму веков от пламенной веры этих святых страдальцев за имя Христово. Глубокой, глубокой древностью дышат стены Печской обители, этого единственного, неповторимого прекрасно сохранившегося памятника XIII столетия. Стены храма расписаны художественными фресками, которые местами отлично сохранились. Диаконник с окнами на две стороны, чтобы диаконы во время богослужения могли наблюдать за порядком в храме, крохотные двери в стенах, массивные стены и двери - все производит неотразимое, большое впечатление.

Вдоль стен стоят гробницы иерархов сербских, архиепископов и патриархов.

С молитвенным благоговением поклонились мы этим святыням, а потом прошли в монастырскую библиотеку, где видели поразительные памятники глубокой исторической старины. Там есть Евангелие XIII столетия, написанное прекрасным уставом, есть множество молитвенников, часословов и других церковных книг XIII и XIV веков. Есть трогательные надписи на этих книгах. Одну из них, на святом Евангелии, мы записали.

Она гласит: «Писася сия Божественная книга в лето от сотворения мира седьм тысяч восемнадесятое, писа многогрешный и последний во священницех Петр от села глаголемого Горне-Уне, ему же отечество - гроб, земля же - мати.

Да, отци и братие, аще будет что в книге сей погрешено, исправляйте, а не кляните, понеже писах не Дух Святыи, не Ангел, но рукою грешною и брленною, духом унылым и окаянным грешник. Понеже очи мои изнемогости от старости, сего ради благословите, а не кляните, да все улучим деснаго стояния и услышим благаго гласа Владыки: “Приидите благословеннии Отца Моего”. Буди же всем нам улучити славы купно от Отца и Сына и Святаго Духа».

Несколько раз переживала Печская лавра за свое многовековое существование периоды расцвета и периоды глубо-

кого упадка и разорения. В течение ста лет, с 1459-го до 1557 года, стояла Печская обитель, разоренная и опустошенная, без богослужений, без всякого населения. Своим обновлением обязана она Патриарху Макарию, который в 1557 году с помощью своего брата Соколовича - правителя Боснии - восстановил старое священное гнездо Православия в Сербии. С 1766 года опять пришла обитель Печская в полное запустение, из которого окончательно вышла лишь ныне, в период нового расцвета древней славы южных славян.

Настоятелем Печской обители в настоящее время является игумен Савва, человек в высокой степени талантливый и трудолюбивый инок. Трудолюбие вообще является отличительным качеством братии Печской обители, где с особенным уважением наблюдали мы трудолюбивую монашескую жизнь иноков.

Около полудня мы покинули Печский монастырь, направляясь к другой великой обители - Царской лавре, Дечанам.

Эта обитель связана с самым славным, самым блистательным периодом сербской истории. Несчастный слепой король - святой Стефан, царствовавший с 1321-го по 1331 год, положил начало великой Дечанской лавре.

Сын Стефана - Душан Сильный, пользуясь болезнями и слепотой отца, низверг его с престола и стал управлять Сербией. Но впоследствии, охваченный муками совести за то, что дерзнул поднять руку на своего отца, царь Душан приложил все силы, чтобы возвеличить память отца и с особенными стараниями, с особенным великолепием закончил построение любимой обители Стефановой - Дечанской лавры.

В дни правления Душана Сербия достигла вершины своей славы. Владения ее простирались от пределов Венгрии до южной Греции и от Адриатического моря до половины Болгарских земель. В 1346 году в Скопье Душан короновался царской короной, а сербский архиепископ был провозглашен

Патриархом. Великое славянское государство возшло на вершину своей славы.

И полнее всего это величие, эта слава отразилась на дивной красоте Дечанской обители, которая поистине является верхом красоты и художественного духовного великолепия.

Вероятно, нигде и никогда церковная живопись не понималась до таких высот одухотворенности и красоты, как в живописи православных славянских народов, именно русских и сербов. Творения наших русских живописцев Рублева, Даниила Черного, Дионисия и других иконописцев XIV и XV веков являются высочайшими вершинами духовной красоты. Но эти творения находятся в теснейшей внутренней связи с лучшими перлами сербской церковной живописи середины XIV века. А лучшими образцами этого прекраснейшего творчества являются фрески Дечанского монастыря.

Дечанская обитель всегда, в течение всего золотого века Сербского государства, была излюбленным монастырем царей и королей Сербии. И потому она украшена с исключительной художественной красотой.

Благодаря многочисленным чудесам от мощей святого короля Стефана, основателя Дечан, монастырь пользовался глубоким почитанием всего окружающего населения, не только православного, но и иноверного албанского населения, поселившегося в опустевших после ухода сербов селениях. Во время страшных лет турецкой неволи чудесная помощь святого Стефана несколько раз спасала его монастырь от осквернения.

Предание говорит о том, как однажды в конце XVII века турецкий паша хотел обратить Дечанский храм в мечеть. Уже мусульманский муфтий стал читать перед западным порталом свои молитвы, когда внезапно разразилось землетрясение и каменный лев, стоявший пред церковными воротами, упал со своего пьедестала и умертвил муфтия, устранив пашу и турок и спасши Дечанскую лавру от мусульманского пленения. Чрез

полтора столетия, в 1916 году, на том же месте погиб австрийский военачальник, пытавшийся разорить Дечанский монастырь. Пытаясь снять золоченые оловянные плиты с кровли монастыря, он упал на то самое место, где некогда погиб турецкий муфтий. Сербский православный народ свято верит, что это святой Победоносец Георгий, которому посвящен этот портал храма, защитил достояние Дечанской обители.

Когда на далеком Востоке ярким светилом стало подниматься солнце России, когда на порабощенных славянских Балканах почувствовали ее братскую крепкую руку помощи, тогда и к лавре Дечан поспешила Россия со своей державной помощью. В Дечанах поселились русские иноки и во все время последнего периода турецкого ига защищали эту великую святыню родного славянского народа.

Около двух часов дня мы подъехали к городку Дечаны и, сопровождаемые двумя послушниками Дечанской обители, тронулись в дальнейший путь пешком за две с половиной версты к Дечанскому монастырю. Отрадно было видеть наших спутников - брата Радко и Милорада. Оба они после отбытия воинской повинности возвращались в свой монастырь, горя светлой, духовной радостью, радуясь, что снова из смятенного, загрязненного мира вступают в светлую обитель Божию. В прежней России в старинной монастырской практике всегда считалось очень важным моментом возвращение послушника после отбытия воинской повинности в монастырь. Это служит ясным доказательством, что юноша преодолел соблазн мира, что светоч, зажженный в его сердце в монастырских стенах, не потух под дыханием мятежного мира.

И вот в обоих послушниках Дечанского монастыря ясно чувствовалось, как глубоко в их души заложены святые заветы монашества. Поэтому заранее теплое сочувствие и благоговейное уважение к монастырю, творящему столь великую работу, проникало в наши сердца.

Даст Бог, не раз встретимся мы на духовной ниве с этими дечанскими послушниками, и они впишут свои добрые имена на страницы родной истории Сербской Церкви.

Один из послушников пошел вперед, чтобы предупредить братию обители о нашем приходе.

Извилисто кружилась дорога над берегом быстрой речки. Но вот поворот - и пред нашим взором встала священная великая Царская лавра. Трудно описать величественность и красоту этого вида. Дечаны нельзя описывать, их надо видеть, чтобы иметь понятие об этой исключительной, поразительной красоте.

Белоснежные высокие стены, из-за которых величественным куполом поднимается вершина великолепного храма, роскошная оправа черных гор и темно-зеленого соснового бора кругом - все вместе составляет незабываемую, поразительную картину.

При входе в монастырь нас встретила многочисленная братия монастыря. Это единственный монастырь в Сербии, где братии насчитывается более сорока человек. Настоятель - отец игумен Дионисий - встретил нас в приемных покоях и радостно приветствовал наш приход.

Огромную, большую и чрезвычайно полезную работу проводит в этом монастыре его настоятель - воспитанник сербского Хиландарского Афонского монастыря о. Дионисий - и его два ближайших помощника, русский инок о. Иоанн и серб о. Амвросий - воспитанник Мильковской обители, в которой хранится дух священной Оптиной пустыни. Благодаря этому исключительно благоприятному сочетанию руководителей Дечанского монастыря, эта обитель совмещает в себе самые лучшие традиции славянского иночества и является великим духовным светочем сербского монашества, где воспитываются для будущей чрезвычайно ответственной работы новые поколения сербских монахов.

В этот же день мы осматривали главный храм Дечанской лавры. Он на сто лет позднее Печи и сохранился гораздо лучше. Созданный величайшими мастерами, он производит поразительно глубокое впечатление. Его фрески - высочайшие образцы иконописи - оставили глубокий след в истории православной церковной живописи, стали образцами и для последующих сербских живописцев, и для русских, и для болгарских, и для афонских мастеров. Мне чрезвычайно отраднo было видеть на стенах Дечанского монастыря образ моего святого - мученика Нестора, чрезвычайно почитаемого вместе со святым Димитрием Солунским на Балканском полуострове.

Вечером, накануне воскресенья, была торжественная вечерня в древнем соборном храме Дечан, и величаво звучали голоса молодых иноков в стройном прекрасном хоре, певшем и сербские и русские напевы. После вечерни все молодые иноки и послушники Дечан исповедовались у отцов - иеромонахов Иоанна и Амвросия. Исповедь до недавнего времени была малоизвестна в Сербии. Исповедовались только совершив какой-нибудь особенно тяжелый грех, тяготящий душу. От мелкой же липкой жизненной грязи, которой мы так часто пачкаем душу, очищались покаянием лишь под старость лет. В обычное же время причащались без исповеди. Ныне лучшими представителями сербского духовенства исповедь старательно вводится в церковную жизнь, и в Дечанском монастыре закладываются глубокие фундаменты настоящего отношения к этому святому таинству.

Этот вечер мы провели вместе с отцом-игуменом, который делился с нами славными и священными воспоминаниями монастыря и своими заветными планами будущей работы.

На следующее утро мы встали очень рано, не было еще четырех часов. Нам надо было спешить, ибо автобус, с которым мы должны были ехать до ближайшей железнодорожной станции Урошевац, отходил от поселка Дечаны в половине шестого утра. А нам обязательно надо было в этот же день

быть в городе Скоплье, древней столице Сербского царства, чтобы там читать заранее назначенную лекцию русским жителям этого города.

Чудная, яркая картина открылась пред нами, когда мы вышли из монастырского дома. Черные еще вчера горы и долины были теперь покрыты белоснежным саваном снега. И под бледным светом луны этот кристально чистый убор делал красивейшую панораму Дечан особенно изумительно прекрасной.

Мы шли по чистой, снежной дороге, и одна за другой картины снегом покрытых гор сменялись пред нами. Нас сопровождал посланный Дечанским монастырем стражник в полном вооружении, так как часто с этих диких могучих гор спускаются арнаутские разбойники, нападающие на одиночных путников.

Через час пути по трудной, занесенной снегом дороге дошли мы до селения Дечаны, чтобы там дожидаться автобуса, на котором предполагали ехать к железнодорожной станции. Холод пробирался к нам сквозь легкую одежду. Мы вошли в придорожную хижину и прильнули к окнам, всматриваясь вдаль, каждую минуту ожидая, что вот-вот огоньки автобуса покажутся на дороге.

Но проходила минута за минутой, уже восток загорелся рассветом, уже совсем светло стало кругом, а автобус не показывался. Он должен был прийти в половине шестого, но вот уже семь часов, половина восьмого, восемь, а автобуса все нет и нет. В девятом часу, запыхавшись, прибежал в хижину какой-то арнаут и, волнуясь, сообщил, что автобус занесло снегом в пути и что потому он придет не ранее как через час.

Только в десятом часу на починенном автобусе мы покинули селение Дечаны, жалея, что не остались подольше в монастыре, скорбя о том, что обещанной лекции в Скоплье, которую так ожидали русские жители там, устроить не удастся,

ибо на следующий день утром нас ожидали уже в Мильковской обители.

Снова пред нами стали сменяться роскошные, великолепные картины сербской природы, одна лучше другой. Высокие горы сменялись обширными плодородными равнинами, быстрые, мощные реки струились среди скалистых вершин, пробивая себе путь меж гранитных утесов. Особенно восхитителен вид на голубой Дрим, пробивающий у самой дороги, по которой шла наша машина, могучую скалу. Дорога здесь делает несколько крутых поворотов, и мы дважды пересекли бурно шумящую реку.

Миновав город Джаково, к полудню мы прибыли в город Призрен. Далее наша машина не могла идти. Отсюда начинается крутой подъем в горы, и, чтобы одолеть этот трудный путь, нужна была более мощная и сильная машина. Специально приспособленный для таких путешествий автобус уходит в два часа дня. Остающиеся два с половиной часа мы должны были провести где-то в городе. Проводник нашего автобуса вызвался указать нам квартиру местного православного епископа - Владыки Серафима, и через несколько минут мы были с любовью и радушием приняты добрым Владыкой, епископом Призрена.

Владыка Серафим отнесся к нам с глубоким вниманием и заботливостью. Он не только гостеприимно предоставил нам возможность обогреться, отдохнуть и подкрепиться, но, узнав о цели нашего дальнейшего пути, написал письмо начальнику станции Урошевац, прося последнего, чтобы тот содействовал нам в деле достижения Скопья в этот вечер во что бы то ни стало, чтобы не лишить русских жителей города долго ими жданной беседы с архипастырем.

Владыка Серафим, оказалось, был в течение долгих лет священником Сербского подворья в Москве, и у нас нашлось с ним много общих знакомых, много общих дорогих и близких воспоминаний о великой первопрестольной столице Рос-

сийской. С чувством глубокой благодарности и сердечного искреннего чувства простились мы с благостным Владыкой, направляясь в дальнейший путь.

Дорога от Призрена к Урошевацу еще прекраснее, еще величественнее и живописнее, нежели все предыдущие дороги, достаточно живописные. Скала за скалой, одна горная вершина выше другой громоздились пред нами. Наш автобус то поднимался на вершину кряжа, то спускался в глубокие долины, то скользил между высоких гор по узенькой ложине, то мчался по шоссе, которое лепилось на склоне могучих хребтов.

Путь этот, изумительно красивый и разнообразный, по-видимому, достаточно опасен, особенно в снежные дни, ибо мы встретили шесть машин, главным образом военных грузовиков, застрявших в пути, занесенных снегом.

В начале пятого часа вечера мы с горных крутых, узких и опасных дорог спустились в долину и помчались по священному для каждого серба Косовскому полю, месту страшной кровавой трагедии сербского народа.

После смерти царя Душана Сербия недолго пользовалась годами величия и спокойствия. Во всевозможных смутах и волнениях скоро померкла древняя слава. Последние представители династии Неманичей окончили дни своей жизни в тишине монашеских келлий, и на престол Сербии вступила новая династия Бранковичей. Этой династии пришлось владеть Сербией в страшные дни кровавого испытания и видеть закат славы великого народа.

Медленно, медленно, шаг за шагом, как черная туча, как неотвратимая гроза, полоняло Юго-Восточную Европу грозное и жестокое воинство турецкое. Как грозный поток могучей реки, все ниспровергающий на своем пути, иногда случайно оставляющий незалитые островки, но потом и их смывающий, так разливалась в XIV веке по Балканскому полуострову турецкая орда. Когда эта грозная туча подошла к пределам Душанова царства, смолкли там всевозможные

раздоры и как один человек встала Сербия под властью своего царя, доблестного Лазаря. Он знал, этот мученик-царь, что идет на гибель, он знал, что смерть ждет его на ратном поле, но и знал он, что славная смерть во сто крат лучше позорной жизни в рабстве и неволе, знал, что геройство и доблесть навеки зажгут яркие светочи в сербских сердцах и в прекрасных песнях сохранятся как образцы для потомства в века и века.

Эти высокие чувства разделяли со своим царем и все его подданные, прежде всего его доблестные дворяне - бояре сербские, которые все до одного человека вышли на бранное поле.

Жестока была Косовская битва. Сербы все до единого человека полегли в этой битве, но и от огромной турецкой армии осталось немного. Сам султан Мурад был заколот родственником убитого царя Лазаря, доблестным Милошем. Турки устрашились этого неукротимого мужества и на полтора-раста лет предоставили Сербии относительную свободу под управлением потомков мученика-царя Лазаря.

Дух косовских героев остался жить в сербских сердцах. В течение всех четырех веков, пока Сербия находилась в порабощении, не было ни одного дня, ни одной минуты, когда бы в той или иной ее части не горели бы огни восстаний. Ни на один момент сербы не смирились с неволей, не сдались врагу.

Этому непрестанному хранению отцовских заветов в сердцах их потомков много способствовали песни и былины, которые слагались неизвестными творцами в глубине народных недр и будили лучшие струны в сербской душе.

Священный девиз: «За Крест честной и свободу златну» живет в лучших сербских сердцах от Косовской битвы до наших дней. И как символ этого ежегодно в Видов день 15 июня, в день, когда произошла страшная битва на Косовом поле, совершается там панихида по всем павшим на поле чести, и сербские благочестивые крестьяне, селяки, собираются на это поле со всех концов Сербии, молясь о своих мучени-

ках-отцах, проникаясь их священными заветами, и уносят с Косовского поля красные пионы - божур-цвет, который, по преданию, растет на том месте, куда падали капли сербской крови.

Шумадия и Черногория были главными очагами борьбы, не прекращавшейся ни на минуту. Шумадия стала истоком Сербского королевства, Черногория сама была независимым королевством, пока обе эти области не слились в единое целое вместе со всеми своими братьями, которым они принесли освобождение.

Трудно описать то чувство, которое владело нами, когда мы проезжали по Косовскому полю, овеянному великой исторической трагедией, совершившейся здесь. Молитва о всех бесчисленных убиенных, сложивших здесь свои головы за родную землю, наполняла наши сердца.

Казалось, дух этих героев еще веет над темными полями и отзвук их священных заветов звучит в голосе ветра, в шелесте трав, в пении птиц над полем.

В пять часов вечера мы прибыли на станцию Урошевац. Поезда на Скопье не было. Но начальник станции, прочитав письмо епископа Серафима, предоставил нам место в теплушке товарного поезда, отходящего через несколько минут со станции Урошевац в Скопье.

Поблагодарив доброго начальника станции, мы сели в теплушку, где кроме нас поместился еще кондуктор товарного поезда. Отец Нафанаил удивил меня, вступив с этим кондуктором в оживленный разговор на сербском языке. За три месяца нашего пребывания в Югославии он вполне освоился с этим легким для русского, близким к нашему языком. Кондуктор рассказал нам, что товарный поезд, в котором мы ехали, гружен серебром, направляющимся на литейные заводы в Скопье.

В столицу древней Сербии мы прибыли в половине седьмого вечера. Было уже совершенно темно. Никто, конечно, не

ожидал нас в этот час, так как все пассажирские поезда давно прошли и никто не мог предполагать, что епископ приедет в город на лекцию в товарном транспорте. Ни одного адреса в Скоплье мы не знали. К счастью, наш кондуктор указал нам, что в Скоплье есть церковь, в которую по преимуществу ходят русские люди, и что сейчас, накануне праздника Введения во храм Божией Матери, большая часть русской колонии должна быть там.

Мы поспешили последовать этому доброму совету. Сама Матерь Божия заботилась о том, чтобы наши труды не пропали даром, чтобы русские люди Скоплья услышали весть о жизни своих братьев Дальнего Востока, о трудах и страданиях, о печалях и радостях русских обитателей нашей окраины.

Прибыв в церковь, я обратился с проповедью к богомольцам, призывал их к помощи русским людям и указал, что в этот вечер сделаю доклад о дальневосточной жизни в помещении Русского собрания.

Лекция прошла дружно, тепло и собрала много народа. Наши усилия не пропали напрасно. Поздно вечером мы направились из Скоплья на север, в монастырь Мильково.

От маленькой провинциальной станции Лапово, от небольшого поселка при ней путь к Мильковскому монастырю лежит через ровные поля, засеянные кукурузой, пшеницей и льном. Дорога то вела через поля, то скользила вдоль берега быстрых многоводных речек, то пересекала речки по первобытным, ветхим мостам, кое-как сколоченным из нескольких бревен. И самая дорога находится в состоянии достаточно первобытном, напоминая старые проселочные русские дороги. В то утро, когда мы ехали по этим местам, дорога была особенно ужасна, так как большие комья грязи, устилающие путь, широкие борты колеи и глубокие колдобины на дороге смерзлись от утреннего мороза и ветхий, первобытный экипаж, на котором мы ехали к монастырю, немилосердно

подпрыгивал на каждом шагу, на каждом повороте дороги, грозя сбросить нас.

Вот вдалеке заблестало зеркало величавой реки Моравы, а за нею показались главы Мильковской обители.

С любовью, с тихим теплым чувством перекрестились мы, увидав кресты этой скромной великой духом обители.

Когда-то давно-давно славные короли сербские, стремясь украсить свои владения святыми обителями и благолепными храмами, воздвигли здесь малую обитель в честь и славу Матери Божией, в память праздника Введения Ее во храм. Доныне у входа в главный храм этой обители высится икона ее строителя, святого короля Стефана Первовенчанного.

Но прошли столетия, миновала пора светлой, великой славы сербских королей и царей, наступили годы лихолетья и тяжкого турецкого ига, в упадок и запустение пришли многие святые обители. Запустел и этот скромный монастырь, разрушился его храм и строения монастырские, и лишь немногие развалины отмечали место, где когда-то стояла иноческая обитель.

В середине прошлого века, когда напряжением всех народных сил Сербия начала сбрасывать с себя цепи тяжелого рабства, закипела, заволновалась народная жизнь в этой местности, в этом гнезде обновленной сербской свободы, в неукротимой Шумадии. Много доблестных, неустрашимых героев явилось тогда среди сынов Шумадии, иные из них были кристально чистые и светлые рыцари без страха и упрека, отдававшие себя всецело на служение Родине, ничего себе не искавшие, шедшие на смерть, на муки за родной православный народ. Но были и такие, которые, служа Родине, борясь с ее угнетателями, не забывали и себя, которые, разоряя турецкие крепости и поселения, прельщались золотыми дукатами и драгоценными товарами, захватывали с бою бесчисленные сокровища не для общего дела, но для своего обогащения. Некоторые из таких повстанцев-комитов не стеснялись грабить

даже своих единоплеменников, если те не хотели отдавать своего добра на борьбу с турками. И часто совсем стиралась грань между такими комитами и простыми разбойниками.

В местности, прилегающей к разрушенному старинному монастырю, к берегу прекрасной Моравы, знамениты были своей доблестью, неукротимостью и смелостью своих набегов два разбойника-комита - Милько и Томко. Грабили они главным образом турок, но не стеснялись захватывать пожитки и сербских богатых селян. Ужас наводили они на всю округу. Напрасно ловили их турецкие отряды, напрасно паша назначал награду за их головы, Милько и Томко были неуловимы.

И вдруг они исчезли.

С ними произошел тот глубокий нравственный переворот, который так хорошо знаком русскому человеку, который воспет во многих наших былинах и песнях: «У разбойников лютых совесть Господь пробудил».

В течение двух с лишним лет, одетые в крестьянскую одежду, бродили по окрестным деревням бывшие разбойники Милько и Томко, отдавая всем ограбленным ими своим единоплеменникам-сербам похищенное у них, вознаграждая потерпевших вдвое, вчетверо. И тем не менее многое еще оставалось у Мильки и Томки награбленного за долгие годы добра. Отдавать туркам они не хотели: глубокая любовь к родному народу, воспитанная веками непримиримость в борьбе с жестокими поработителями не позволяла так поступить. Но пользоваться для себя остатками награбленного добра Милько и Томко не хотели - совесть, пробужденная Богом, властно заявила свои права, и раз став на добрый путь покаяния, оба разбойника неуклонно следовали по нему.

Все оставшееся не розданным свое имущество употребили они на восстановление разрушенной старинной обители, в которой и постриглись сами. А восстановленная ими

обитель стала называться Мильково по имени старшего из раскаявшихся разбойников.

Когда после падения последнего оплота русской национальной борьбы на юге России множество русских людей хлынуло в Сербию, прибыло туда много и русских иноков, и русской молодежи, стремившейся к иноческому житию. С далекого Валаама приехали в Сербию старцы, иноки Валаамской обители. И вот всем этим русским монахам и была предоставлена Сербской Церковью Мильковская обитель. Во главе ее встал юный годами, но высочайший духом, достигший чрезвычайно больших высот святости человек - о. Амвросий, прошедший в ранней молодости в великом светильнике иноческого духа прежней России, в Оптиной пустыни, одно лето, но насквозь пропитавшийся святыми заветами этого великого монастыря.

Во время Великой войны и последовавшей гражданской борьбы с поработителями русского народа был он офицером в белых рядах, но когда по воле Божией пришлось русским людям испить горькую чашу изгнания, в православной Сербии выполнил он свое заветное желание, принял постриг иноческий и по благословению первоиерарха Сербской Церкви стал во главе первой русской обители в братской единой стране.

Он сумел силой своей великой веры, своего подвижничества с помощью Божией вдохнуть в сердца всех иноков, сотрудничавших с ним, тот дух, который сам когда-то получил от старцев Оптиной пустыни.

Жизнь русских иноков Милькова была чрезвычайно тяжелой. Первое время - не иносказательно, но в действительности - им было часто нечего есть. И они питались лебедой, крапивой, которую собирали в поле, собирали у окрестных крестьян, также очень обедневших после войны, кукурузную труху и этим питались. Так продолжалось более трех лет. Многие из числа братии убоялись такой жизни, ушли в

другие монастыри, но много и прибавилось, особенно из среды молодых офицеров и окончивавших курс обучения русских кадетов, которые пошли по трудному, истинно иноческому пути, вынесли тягчайшие испытания и стали свидетелями того, как благословил Господь их труды, как Мильковская обитель стала одним из светочей церковной жизни в сербской стране.

Весной 1933 года после тяжелой болезни отошел ко Господу отец архимандрит Амвросий, не достигши и сорока лет, но знаемый всем церковным населением страны как духоносный, праведный старец.

Вся жизнь, все подробности жизни Мильковского монастыря пропитаны воспоминаниями о любимом настоятеле, батюшке о. Амвросии. Вот печь, которую построил батюшка, вот сарай, которому он положил основание, вот пристройка, которую он задумал.

Устав жизни, молитвенные правила, расписание дня - все осталось от покойного великого инока, все им установлено, по его благословию хранится.

Ныне настоятелем Мильковского монастыря является воспитанник о. Амвросия - отец иеромонах Лука. Братия обители состоит главным образом из молодежи русской и сербской - воспитанников Белградского богословского факультета, горящих ярким огнем подвига. Поистине замечательный, кристально светлый и чистый духовный букет собрал для Бога покойный о. Амвросий.

И ныне Мильковский монастырь является рассадником работников Христовой нивы для Русской Церкви во всей Европе и даже во всем мире. Из иноков этой обители вышли епископы: Преосвященный Савва, работающий в Польской Православной Церкви, Преосвященный Иоанн (Максимович), новопосвященный епископ Шанхайский, постриженник Мильковского монастыря, прошедший ряд лет в работе среди сербских «побожничьих братств» под руководством архипа-

стыря высокого духа Преосвященного Николая, епископа Охридского. Из Мильковского же монастыря вышли молодые священноиноки, работающие в различных странах, в различных областях нашего церковного рассеяния: отец игумен Антоний, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, отец иеромонах Филипп (Гарднер), крупный работник по церковной педагогике, трудящийся в Прикарпатской Руси, и много других неизвестных миру, но известных Богу чистых душой тружеников нивы Христовой. Очень близок своим широким отеческим духом к Мильковскому монастырю и Блаженнейший митрополит Антоний, часто отдыхающий среди братии монастыря от трудностей и волнений церковно-административной работы. С Блаженнейшим митрополитом иноки Милькова связаны самой глубокой духовной связью, ибо именно от него почерпают они отеческие, пастырские указания на иноческом пути. Близок к монастырю и епископ Америки Преосвященный Тихон, прошедший в Мильковской обители до посвящения в епископский сан долгое время, привязавшийся всею душой к этой святой твердыне духа. Так же тесно связан с Мильковым и отец архимандрит Феодосий, постоянный любимый и любящий гость святой обители. Вообще на всю церковную жизнь русского населения Югославии, на духовную жизнь окружающей местности и некоторым образом даже на весь православный мир тихим и ясным светом сияет благословенная иноческая Мильковская лампада.

На первобытном, ветхом пароме переправились мы, я и о. Нафанаил, через широкою, бурную Мораву, и в моем лице дальневосточный архипастырь со славою был встречен в Мильковской обители, праздновавшей в этот день свой храмовый праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Церковь монастыря была переполнена народом. Окрестные крестьяне всею душой полюбили святую обитель, и хотя сербы вообще редко посещают церковь, но храм Мильковского монастыря всегда неизменно бывает полон народом,

приходящим сюда из самых отдаленных округов, привлекаемым доброю славой о чистейшей подвижнической жизни мильковских иноков.

Я обратился к братии монастыря и к богомольцам их храма с кратким словом, в котором сказал, что приехал сюда не для проповедования, не для того, чтобы поучать, но чтобы самому поучаться редким в наши дни примерам истинно иноческого жития. Я рассказал им, что и на Дальнем Востоке не меркнет огонек монашества, что и у нас есть люди, ревнующие по древней великой славе монашеской.

Потом мы совершили с настоятелем храма и с почетными представителями местного населения древний сербский обычай «славы», с молитвою преломив колач. Совершили заупокойную службу на могиле о. Амвросия и прошли в монастырскую трапезную, где в трогательном, глубоком единении собрались иноки и крестьяне окрестных сел на братскую трапезу.

В благоговейном молчании, под чтение истории праздника на общем и для русских и для сербов славянском языке прошла трапеза. Быстро пролетел этот светлый день нашего пребывания в Мильково. Грустно, печально было расставаться с братией святой обители, которую мы полюбили всей душой, несмотря на недолгое там пребывание.

Вся братия во главе со своим настоятелем и старцем-схимником вышла провожать нас на берег Моравы. Высоко в небо неслись священные песнопения, ярким духовным светом светились лица иноков. Я, стоя на пароме, благословлял это малое стадо Христово, с грустью, надолго прощаясь с ними.

Вот мы уже на другом берегу, быстро мчит нас монастырская повозка, увозя от святого монастыря, но еще долго в темнеющем вечернем воздухе виднеется небольшая группа иноков на берегу реки и далеким, далеким отголоском над

православными сербскими полями звучат священные иноческие песнопения.

Недалеко от станции Лапово, связанной с Мильковским монастырем, к западу от реки Моравы, лежит старинный сербский город Крагуевац, в недавнем прошлом - столица Сербии. В настоящее время там расположен главный военный завод Югославского королевства. Русская колония Крагуеваца очень многочисленна, и почти все русские служат там на военном заводе.

Как и всюду в Югославии, русские люди там проникнуты горячим желанием узнать подробности жизни своих собратьев на далеком Востоке. И во время моего пребывания в Белграде я получил много писем и телеграмм из Крагуеваца, настойчиво умоляющих приехать в этот город и прочитать там лекцию о Дальнем Востоке.

Было начало зимы, когда мне удалось исполнить горячее желание крагуевчан. Лекцию в этом городе я читал в зале сербской гимназии, праздновавшей как раз в этом году столетие своего существования. На лекции была вся русская колония и очень много сербов.

Крагуевац играл большую роль в истории Сербии в последнее столетие ее существования, будучи центром той национальной борьбы против турок, которую в течение всего XIX века вели сербы.

Крагуевац - главный город Шумадии, т. е. лесной части Сербии. А Шумадия и была тем очагом, где наравне с Черногорией никогда не угасало пламя восстаний против поработителей. Из Шумадии же происходили и оба рода сербских национальных вождей - Обреновичей и Карагеоргиевичей, давших Сербии в последние столетия две ее национальные династии. Как раз Крагуевац и был родовым гнездом Обреновичей, и здесь до 1842 года была столица Сербского великого княжества. В 1833 году здесь была основана первая сербская гимназия. В день празднования ее юбилея город посетил ко-

роль Александр. Король вообще часто бывает в этом городе, посещая тамошний военный завод.

За городом расположен большой поселок, специально для служащих завода. Поселок этот построен на репарационные деньги и поражает взор наблюдателя своей чистотой и аккуратностью.

На следующий день после моего прибытия в Крагуевац я был в его прекрасном соборе, где была торжественная служба по случаю дня национального сербского праздника, дня объединения сербов, хорватов и словенцев.

Обширный прекрасный собор был полон народа. Впереди торжественными рядами стояли военачальники местных воинских частей в парадной форме. Торжественно и величаво звучали голоса мощного хора, а мое сердце переносилось к тем радостным дням, когда так же торжественно и еще более величественно праздновала свои праздники наша великая Русь.

На юго-запад от Крагуеваца лежит город Кральево. Путь между этими двумя городами лежит по самому сердцу Шумадии. Здесь, в лесах, которыми была покрыта эта страна, таились неукротимые сербские повстанцы-комиты, здесь скрывались отряды Обреновичей и Карагеоргиевичей. Во время Великой войны эти леса были сплошь вырублены немцами и австрийцами отчасти для снабжения Германии лесом, отчасти для того чтобы прекратить повстанчество в завоеванных австрийцами областях Сербии.

В Кральево расположен большой военный аэродром, на котором работают русские. Русских в Кральево не так много, но колония сплоченная и дружная. Во главе ее стоит всеми уважаемый, почтенный атаман, глава Кубани - атаман Науменко. Я читал лекцию там в помещении аэродрома и был рад встретиться после лекции со всеми представителями русской колонии и местного сербского населения в дружной, единой беседе.

Несколько к северу от Кральева находится очень древний, XII века, сербский монастырь Студеница, в котором почивают мощи святого короля Стефана Первовенчанного и его отца святого преподобного Симеона Мироточивого, основателя славной династии Неманичей.

Несколько южнее Кральева в пределах великого Косового поля лежит монастырь Грачаница, созданный королем Милутином в 1321 году, совершеннейший образец старинной сербской архитектуры, чарующий взор путешественника и богомольца своими стройными линиями, белоснежной чистотой стен и тем духом благочестивой древности, который веет от всего облика старого монастыря.

С искренним сердечным восторгом любовались мы на этот монастырь, проезжая по историческому священному Косовому полю, некогда усеянному костями древних героев.

В каждом селении, в каждой деревне в этом районе видели мы благолепные, прекрасные церкви - иногда древние, насчитывавшие долгие столетия, иногда новые, только что отстроенные благочестивыми поселянами. В одной из церквей в Южной Сербии недавно произошло одно чрезвычайно глубокое по своему внутреннему смыслу чудесное событие. В новоотстроенном храме местные жители решили расписать стены изображениями самых почитаемых в Сербии святых. Иконописец, добрый и благочестивый человек, старательно трудился, исполняя свое дело, и раз за разом вписывал одно за другим святые изображения в полукруги церковных абсид. Все места были уже распределены, кроме одного. И никак не мог иконописец решить, какое же изображение поместить в остающийся полукруг. Однажды вечером он долго и горячо молился и с молитвой заснул. И во сне он видит церковь, в которой он работает, и в незаполненном еще полукруге изображение святого мученика - русского Царя Николая II.

Почитание нашего Государя широко и глубоко распространено во всей Сербии. Там уже давно население считает

его святым мучеником за родной народ и за все славянство. Поэтому свой сон благочестивый иконописец принял как прямое указание свыше и вместе со всеми своими односельчанами сообщил о нем Патриарху, прося его разрешить написать образ Царя и поместить в церкви.

Патриарх временно отложил решение этого вопроса, но южносербское село решило никакого другого изображения не помещать в незаполненный полукруг и ждать, когда будет разрешено им написать образ Царя-мученика.

Это глубоко благоговейное почитание Государя выразил мне на заседании Русско-сербского общества генерал Божкович, прося меня передать всем русским людям, что Сербия всегда благоговейно чтит память Государя, принесшего себя в жертву за все славянство, и ни минуты не сомневается, что мученик Государь, как великий святой, предстоит пред Престолом Всевышнего.

К востоку от Кральева лежит большой и значительный центр - город Ниш, в котором в первые годы минувшей войны находилась столица Сербского королевства после захвата Белграда австрийцами, до того страшного дня, когда после неожиданного удара с тыла сербским войскам пришлось покинуть родную землю. Здесь имел свое пребывание старый, мудрый король Петр, с которым некогда я имел счастье встретиться в Петергофе на приеме у Государя в Александрийском дворце в 1911 году. Здесь помещался штаб сербских войск, здесь ковались первые звенья единения сербов со своими поработченными братьями-хорватами и словенцами, здесь закладывались первые основания Королевства Югославии.

В Ниш я приехал из Кральева в субботу и вечером был в великолепном Нишском соборе, построенном в прошлом веке, на построение которого много жертвовал наш Государь Александр I. В этом храме благоговейно хранятся также реликвии - пожертвования нашего последнего Царя-мученика Государя Николая Александровича. С благоговейной внима-

тельностью смотрели мы на эти реликвии, столь драгоценные для русского сердца. Потом мы осматривали старый Нишский собор, построенный во времена турецкого ига. Как и все православные церкви, построенные при турках, этот старинный собор построен очень низко. Христиане не могли строить церкви, которые стояли бы выше любой городской мечети.

На следующий день я был на литургии в Нишском соборе. После литургии по просьбе настоятеля я, облачившись в мантию и омофор, пожертвованные Императором Николаем II, произнес проповедь по-русски, которую слушали и русские, и сербские богомольцы.

Вечером была моя лекция в здании Нишской гимназии, во время которой пел казачий хор, обычно поющий за богослужениями в местном соборе.

Ниш - очень древний город, существовавший еще в римские времена. Здесь родился в III столетии император Константин Великий Равноапостольный. От этих древних времен в Нише сохранилась старинная крепость, в которой и мы побывали, с интересом рассматривая ее крепкие, массивные стены, широкие рвы и высокие башни.

Рядом с городом Нишем находится курортная станция - Нишка Баня, один из лучших курортов Сербии. Сюда часто приезжает король Александр, здесь построил он новую прекрасную церковь, и по его распоряжению городок украсился красивыми великолепными садами.

Между Нишем и Нишкой Баней находится памятник, называемый Чела-Кула. Тут погребены сербские герои-повстанцы начала прошлого века. Когда турки осадили их в небольшом замке на соседнем поле, они, не желая сдаться во много раз сильнейшему врагу, взорвались сами вместе с осаждавшими их турками. И теперь на этом месте возвышается часовня, в стены которой вправлены черепа героев Чела-Кула.

Южнее Ниша и Скопля, на берегах Вардара, лежат плодородные равнины Сербской Македонии. Здесь находился

когда-то центр великой Македонской державы, разоренной в X столетии византийским императором Василием, тестем нашего святого князя Владимира.

Кроме тесных уз, которые связывают нас вообще с каждым славянским православным народом, с народностью Македонии связывает нас особенно еще то обстоятельство, что как раз на языке этого народа говорили святые братья Кирилл и Мефодий, и на язык этой-то местности перевели они Священное Писание и все богослужебные книги, сделав таким образом македонский славянский язык общим церковным языком всех славян.

Памятью о святых Кирилле и Мефодии глубоко пропитаны донныне горы и долины македонские.

В древнем городе Охриде, на берегу озера того же имени в старинных монастырях покоятся мощи святого Наума и святого Климента, двух ближайших помощников и сотрудников святых первоучителей словенских. Между прочим, по мнению большинства ученых, святому Клименту обязана наша церковно-славянская азбука той своей формой, в какой мы ее знаем ныне.

В настоящее время города Охрид и Битоль служат главными центрами своеобразнейшего религиозного течения в сербском народе - так называемого «побожнического братства», или «покрета», во главе которого стоит епископ Охридско-Битольский Преосвященный Николай, тубою выдающийся архипастырь Сербской Церкви, духовный оратор-златоуст Сербии.

В течение веков боролся сербский народ за свою веру, отстаивая от нечестивых гонителей, сражаясь за нее в темных лесах и неприступных горных дебрях. Крутом в родных городах и селениях владычествовали магометане - турки или сербы, изменившие вере отцов, изменившие Кресту ради земных выгод. Быть православным в те дни значило в той или иной степени быть мучеником и исповедником. Соблазн пред

каждым православным сербом вставал тогда в одной ясно очерченной, грубой форме. Так легко было изменить Православию, стать магометанином и этой ценой приобрести безопасность, житейские выгоды, богатство и значение.

Этому соблазну сербы в подавляющей массе не сдавались и в течение веков хранили свою святую веру. В веянии славных сказаний о Косовском поле, о героях - борцах за честной Крест, об иноках - защитниках веры и народности вырастали сербские поколения. Они ясно сознавали немудрящим разумом и простым чистым сердцем свои обязанности пред Богом и доблестно свершали их.

Но вот течение истории изменилось. Сербия встала из пропасти падения, успех за успехом, победа за победой стали достоянием ее знамен. Изменились и нравственные требования к православному населению. Исповедовать Православие стало не подвигом, а привилегией, жизнь требовала иных подвигов, соблазны гораздо более утонченные и коварные вставали пред православным сербом, грех все глубже проникал в чистые и добрые недра народа.

В это время грянула война, сначала с турками и болгарями, потом после краткого перерыва - с австрийцами, болгарями и турками. Кровавым пожаром зажигалась несчастная страна. Полоненная иноземными полчищами, лежала порабощенная Сербия, лучшие сыны ее должны были оставить страну и идти через неприступные албанские горы, не зная, вернутся ли они когда-либо на родную землю, или сложат кости свои в чужой стране.

И вот тогда, во время этого огненного испытания целого народа, те глубокие покаянные чувства, которые давно назревали в народной душе, овладели не десятками, не сотнями, а тысячами людей. Старые седоусые воины плакали, прощаясь с родной отчиной, беря в ладонку песок с родимых полей. И верующее сердце сознавало, что это тяжелое огненное испытание ниспослано Богом не даром, что оно заслужено всем

народом, что оно дается как наказание и как горнило очищения для народной души.

И вот в горных долинах Албании в дни страшных мук сербского воинства родились «побожнические братства», братства мирян, воинов, землепашцев, рабочих, дававших друг другу пред Богом обет исправить свою жизнь, вести ее по-Божьи и объединявшихся в одной общей молитве к Богу, молитве о спасении возлюбленной, огненно любимой Родины.

Видно, внял Господь этим молитвам, ибо никогда не отвергнет Господь сокрушенного сердца, и час испытаний сербского народа окончился скоро и привел страну к небывалой еще сверкающей славе.

Но в лучших, наиболее глубоких сердцах пережитый период испытаний оставил глубокий след, и «побожнические братства» после окончания войны не прекратили своего существования, но продолжали развиваться, ибо поля для их работы в Сербии достаточно много.

В течение некоторого времени братства вели свою работу самостоятельно, без всякого руководства священников. Члены братств собирались в старинных почитаемых церквях и монастырях, пели акафисты, читали Евангелия, пели каноны и особые народные побожные песни, проводя так в посте и молитве иногда целые ночи. Отсутствие руководства священников придавало некоторым братствам опасную сектантскую форму. Тогда на это ненормальное положение глубочайшего народного религиозного движения обратил свой внимательный отеческий взгляд нынешний мудрый Святейший Патриарх Варнава и поставил во главе братств епископа Николая Охридского, человека, особо отмеченного Богом именно для такой работы.

Глубочайше религиозный человек аскетического подвижнического духа, Владыка Николай соединяет в себе обширные научные знания и простоту сердца, которую любит и ценит простой народ. Вообще Владыка Николай многое прошел

и многое преодолел. В течение долгого времени воспитывался он и проходил научный курс на Западе в английском университете, но, став православным епископом, сумел преодолеть это западное влияние, отделаться от него, в то же время взяв из западного образования все самое лучшее, самое ценное.

Став во главе братств, духовно руководя ими, епископ Николай сумел стяжать глубокую любовь всего православного населения Сербии.

В прошлом году осенью в одной примонастырской местности Сербии был как бы съезд, вернее, сход братств, туда приходили крестными ходами «побожнические братства» со всей страны, из самых отдаленных ее местностей. В течение трех дней непрерывно совершались богослужения. Целые ночи напролет шли всенощные бдения. И тогда, как рассказывали нам верующие сербы, многие из простых поселян, получившие благословение от епископа Николая, радостно говорили друг другу: «Ну, теперь мы можем спокойно умереть, Господь сподобил нас поцеловать руку нашего Владыки-праведника».

Огромное влияние на религиозное настроение сербского народа оказывает Владыка Николай и своими высокоталантливыми миссионерскими письмами, широко распространяющимися в народных массах.

Работа братств в настоящее время ширится и процветает. Отрадно отметить, что в этой работе принимают участие и некоторые русские священники и священноиноки, находящиеся под руководством Владыки Николая⁵.

Много поразительных, светлых, добрых явлений, героических памятников и священных мест имеет Южная Сербия - колыбель сильного духом славянского народа. И для нас, русских, эта земля - не чужая земля. Ради этой земли для ее

---

5 Из них мы уже упоминали имя о. Иоанна (Максимовича), ныне посвященного в сан епископа Шанхайского. Необходимо упомянуть и о. Киприана (Керна), автора прекрасных книг по богослужению («Крины молитвенные»).

освобождения от чуждого ига умирали лучшие сыны России, здесь в течение десятилетий, даже веков, всегда помнили сыны этой земли о том, что на далеком севере у них есть могучая старшая сестра - Великая Россия.

И ныне в годы позора, страданий и унижений нашей Родины отрадно русскому сердцу иметь утешение видеть возрождение и благоденствие братского, близкого сердцу и душе народа сербского. Любящий брат, даже терпя невыносимые муки, всегда найдет в себе силы радостно, приветливо улыбнуться, видя успехи любимого младшего брата.

Этой приветливой улыбкой сквозь горькие слезы улыбаются русские люди, видя успехи и процветание возрождающегося народа сербского. А вместе с русскими людьми молятся наши братья-сербы о том, чтобы пробил час милости Божией и для нашей Родины, сознавая, что только в крепком, нераздельном единении с ней таится настоящий прочный успех для великой славянской народности.

5. Банат и Сирмия

У подножия холмов, на которых высится славная столица Югославии - прекрасный Белград, тихо струит свои воды плавыи Дунай, вторая по величине река Европы, древний Данубус, который видел на своих берегах и воинства гордых персидских царей, и легкие отряды свободолюбивых скифов, и красавца Александра Македонского, и железные легионы римских цезарей, завоевателей мира, и, наконец, неукротимые многочисленные племена славянские, подошедшие к его берегам со склонов Карпатских гор.

В песнях почти всех славянских народов воспевается Дунай, хотя бы даже эти славянские народы проводили свою историческую жизнь далеко от его берегов.

С любовью поется и в русских песнях о светлом Дунае Ивановиче.

Извилисто и прихотливо течение этой могучей реки. Начинаясь далеко на западе, почти у пределов французских - в глубинах Баденских гор, Дунай то поднимается к северу, то склоняется к югу, делает изгибы и колена, омывает подножия великих столиц, вдруг совершенно изменяет своему восточному направлению и бежит на юг, потом снова устремляется на восток и вдруг, почти уже добежав до моря, снова причудливым поворотом поворачивает на север, давая очертания области Добруджи.

В той части Дуная, где он резко меняет свое южное направление на первоначальное восточное, против тех мест, где в воды его вливаются воды Савы и Моравы, на северных его берегах, лежат области Баната и Сирмии, называемые также Воеводиной, ибо здесь в течение веков находились поселения сербские, управлявшиеся воеводами, обязанными защищать простирающиеся к северу от них местности от нашествий турок.

Прямо против Белграда, на противоположном берегу Савы, находится городок Земун, до времен последней войны бывший гнездом австрийцев, откуда они могли беспрепятственно наблюдать за сербской столицей. Из этого-то городка летом 1914 года впервые раздались выстрелы, возвестившие начало ужасной мировой войны, после которой еще донныне страшными судорогами содрогается мир. Отсюда и из Панчева австрийцы разрушали Белград.

Пересекши в маленьком, чистеньком, аккуратном пароходике неширокую Саву, мы проехали по улицам чистенького, аккуратного города, носящего до сих пор неизгладимые следы австрийского владычества, и достигли порога русской церкви в Земуне, церкви, которая прежде была карантинной пограничной церковью, а теперь отдана в пользование русскому населению Земуна. Вместе с несколькими русскими и сербскими священнослужителями мы совершили Божественную литургию и потом ознакомились с городом.

Вечером в помещении штаба Сокольской организации состоялась моя лекция и лекция о. Нафанаила.

В Земуне находится главный центр русских соколов в Югославии, а также очень сильна и сербская сокольская организация.

По мысли своих создателей и руководителей, организация соколов в Югославии должна сыграть ту же роль, что для современных Италии и Германии организации юных фашистов, или националистов. В этой организации куются молодые силы, которые должны дать новые поколения сильных духом и телом сынов славянского народа.

Русская организация соколов также нашла себе гостеприимный приют в Югославянском королевстве. Она пережила много различных перемен в своей судьбе и ныне решительно и твердо стала на путь все более и более глубокого укрепления национальных и патриотических оснований в душах русских детей. От всей души можно пожелать и

русской, и югославянской сокольской организации успеха и процветания и, главное, большего приближения к святейшей руководительнице душ человеческих - Святой Церкви Христовой, чтобы в этой организации дети находили не только укрепление тела, но и совершенствование духа.

Я был встречен в Земунской соколане, как называется по-сербски штаб сокольской организации, с сердечной любовью и трогательным вниманием.

С живейшим интересом видел я знамена соколов, их иконы, реликвии, портреты и фотографии, украшающие стены их штаба. В задушевной беседе с соколами я указал им на святого мученика Трифона, покровителя сокольничих древней России, как на того святого, которого надо им считать своим небесным покровителем.

Во всех национальных праздниках Югославии сокола, как югославские, так и русские, неизменно принимают самое живейшее участие, принимают русские сокола участие и в тех международных славянских слетах соколов, которые особенно часто устраиваются в столице Чехословакии - Праге.

Далее вниз по Дунаю, на несколько большем, нежели Земун, расстоянии от Белграда, находится другой, также до недавнего времени бывший австрийским городок Панчево.

Центром русской колонии этого города является прекрасный русский госпиталь, выстроенный и содержимый частью на субсидии югославянского правительства, частью на общественные пожертвования. В этом госпитале больные имеют возможность лечиться в исключительно благоприятных условиях, под медицинским надзором выдающихся опытных врачей. Во главе госпиталя стоит выдающийся врач и человек исключительных качеств - доктор Левитский.

Настоятелем церкви при госпитале, служащей также приходской церковью для русской колонии Панчева, состоит отец протоиерей Петр Голубятников, священник, которого глубоко любят и ценят все русские и сербские жители города,

вообще все, кто имеет радость с ним встретиться. С кротостью Иова принес он в годы войны на алтарь Отечества всех своих сыновей, погибших один за другим на Великой и на гражданской войне, ушел с воинскими частями в изгнание, организовал православный русский приход в египетской пустыне, где буквально из ничего им была создана трогательная, благолепная церковь, достиг пределов Сербии и ныне служит добрым утешителем страдающих русских людей, пациентов панчевского госпиталя.

На новом своем поприще работы он сумел создать задушевное единение с сербскими кругами духовенства, и я был глубоко рад наблюдать это полное задушевное единение.

После литургии, которую я совершал совместно с русскими и сербскими священниками, я проехал по сербским храмам Панчева и был поражен их замечательной художественной красотой. Всюду сербское духовенство встречало меня с глубокой задушевной лаской и с величавой торжественностью, под звон колоколов, под протяжное пение «исполла эти деспота». Здесь впервые встретился я с сербскими церковными обычаями, и они чрезвычайно поразили и пленили меня своей глубокой церковностью и трогательностью.

Осматривали мы и кладбище Панчева, где много-много могильных холмиков украшено русскими надписями. Есть среди них могила любимого и почитаемого донныне всем населением архиепископа Гавриила, благостного Владыки с чутким, любящим сердцем, простой душой, замечательного знатока церковного пения и музыки, создавшего лично многие песнопения для Церкви.

На восток от Панчево, почти на границе с Румынией, находится город Белая Церковь, особенно близкий русскому сердцу не только потому, что он одноименен с русским городом, воспетым Пушкиным, но и потому, что в этом городе находятся два рассадника русской культуры, русского воспитания в Югославии - Кадетский корпус и Женский институт.

В первый же день моего приезда в Белую Церковь на вечернем богослужении в церкви увидел я ряды кадетов и институток, и сердце перенеслось к милым видениям прежней России, где в этих с детства знакомых формах вырастали лучшие русские поколения.

На следующий день я был в институте, совершил молебен в скромной, заботливо украшенной благолепной институтской церкви и обратился со словом к воспитанницам института, указывая им, какое великое, единственное ныне счастье имеют они, воспитываясь в этом институте, хранящем лучшие, светлые традиции прежней Великой России.

Во главе института стоит г-жа Духонина, вдова известного героя, первого из русских военачальников, погибшего от рук большевиков.

Из института проехал я в кадетский корпус и совершил там молебен в обширной и прекрасной церкви корпуса. Стены церкви украшены глубоко проникновенными надписями, славными заветами русского воинства, в которых тщательно воспитываются эти кадеты от князей русских до простых казаков. Во главе корпуса стоит генерал Б. М. Адамович, истинный рыцарь без страха и упрека, человек железной воли, неослабной энергии и глубокого воинского духа. Своей неукротимой энергией он добивается продолжения работы корпуса и несколько раз в моменты опасности спасал свое любимое детище.

Вечером в помещении корпуса была моя лекция для кадетов и институток. После лекции мы осматривали музей военных реликвий, составленный директором корпуса. С благоговением взирали мы на старые знамена русских полков, на портреты светлых вождей нашего доблестного бывшего воинства, на погоны, мундиры, ордена русской армии. И казалось, славные тени живут и витают над этими драгоценными реликвиями, вдохновляют своими вечными, не умирающими

заветами новые поколения юных русских кадетов, наследников лучших традиций многовекового русского воинства.

В этом корпусе получили, между прочим, воспитание и те дальневосточные кадеты из Хабаровского и Омского корпусов, которые после падения Владивостока были переправлены в Югославию для окончания образования. Многие из них служат ныне в Югославянской армии, многие поступили на военные заводы, в канцелярии, некоторые учатся в Белградском университете. Очень много из числа питомцев кадетских корпусов по окончании корпуса поступили на Богословский факультет Белградского университета, желая в дальнейшем отдать силы свои на служение Церкви Божией, многие из них уже иноками несут крест монашеского служения в русском монастыре Милькова.

Кроме лекций в корпусе я читал в Белой Церкви лекцию и для всего русского населения этого города, имея радость тесного и дружественного общения почти со всеми русскими и многими сербскими жителями городка. Особенно душевно сблизился я с милым благостным батюшкой о. Василием, настоятелем церкви института, воистину добрым пастырем своего юного стада. Кроме института он преподает также Закон Божий и в Кадетском корпусе.

Русский храм в Белой Церкви - лучший русский храм в Югославии, построен стараниями трудившегося там до недавнего времени отца иеромонаха Иоанна, в миру князя Шаховского.

На северо-запад от Белой Церкви, на берегах реки Тисы, лежит город Великий Бечкерек. Несмотря на свое громкое название, город незначителен и по населению, и по пространству.

Я приехал туда как раз накануне храмового праздника тамошней русской церкви в честь Архангела Михаила и прямо прошел в русский храм. Храм помещается в подполье, в быв-

шей турецкой тюрьме, где в течение веков томили сербских православных пленников жестокие властители.

Отпечаток этого доныне остался в церкви. Низкие своды, узенькие решетчатые окна, каменный пол и толстые стены свидетельствуют о недавнем прошлом этого храма, и кажется, что тени замученных здесь исповедников имени Христова постоянно соприсутствуют в этом храме, где ныне вместо скорбных стонов страдальцев звучат церковные песнопения и вместо злобных надругательств палачей звучат хвалебные славословия Господу, Которого в минувшие дни исповедовали здесь своими мучениями православные страдальцы.

Настоятель храма о. Владимир Востоков, пламенный, неукротимый батюшка, своей энергией и неукротимостью хорошо известный еще и в прежней России.

Прочитав лекции в Бечкереке, я проехал на север, в город Новый Бичей, также расположенный на берегах реки Тисы.

Русская колония в этом городе небольшая, но очень дружная, тесная, хорошо объединенная. Главным центром всей колонии является церковь, которую предоставили русским сербы. Церковь эта очень старинная, начала XVI века; и ее глубоко почитают и русские и сербы. В церкви находится чудотворный образ Матери Божией. К этому образу каждое воскресенье после литургии собираются толпы богомольцев-сербов из окрестных сел, молятся целый день, поют акафисты, каноны, читают жития святых и Евангелие. Под праздник Успения проводят таким образом целую ночь. Трогательно видеть на образе Божией Матери процелованное насквозь в течение веков плечо. Таково постоянное неослабеваемое усердие доброго благочестивого народа.

Церковь эта, посвященная Успению Божией Матери, была прежде монастырской церковью. Построена она в XVI веке и, как и все церкви, строенные при турках, очень низенькая и незаметная. Впоследствии монастырь был разорен,

монастырские здания разрушены и церковь пришла в запустение. Со времени построения большого храма в центре города, после того как Бичей перешел к венграм, Успенская церковь опустела совершенно и двести лет стояла без богослужений - «без пения», как говорят русские летописи. Только десять с небольшим лет тому назад, после того как церковь была передана русским беженцам, богослужения там возобновились.

С чувством глубокого умиления совершал я молебен в этом древнем храме, таком скромном и бедном. Множество русских и сербов наполняло церковь. Я обратился к ним с проповедью, указывая на заступничество Матери Божией, рассказав о том, как в момент величайшей русской трагедии, в день отречения от Престола нашего Государя, Матерь Божия чудесно явила Свою икону - «Державную» в древнем селе Коломенском, давая нам тем свидетельство утешения в годы скорбей.

Кроме о. Нафанаила моим спутником во время этой поездки был молодой человек В. Родзянко, любимый послушник митрополита Антония, очень хороший и хорошо настроенный юноша, студент Богословского факультета, думающий с помощью Божией посвятить себя в будущем служению Церкви Христовой. Прислуживали во время богослужения его брат и маленький граф Толстой, правнук писателя. Отраднo отметить, что и эта семья очень близка к Церкви и в глубоко православном духе воспитываются их дети.

Вместе с настоятелем Бичейского храма, милым, любезным и высоко культурным священником о. Божидаром, мы были в главном храме Бичея, великолепном соборе, выстроенном в XVIII веке.

С самыми теплыми и светлыми чувствами простились мы с милым городком Бичеем и проехали на север в Великую Кикинду, где помещается большой русский приют для престарелых и хронически больных, создание бывшего русского посла в Сербии - В. Н. Штрандмана.

Любезно встреченные заведующим этим приютом М. Р. Голуб, мы познакомились со всем приютом, со всеми его насельниками, среди которых есть много носителей славных великих русских имен. Сердце мое перенеслось, видя знакомую картину приюта для страдающих старцев и стариц, к нашему Дому Милосердия в Харбине, где также на закате дней своих призрываются десятки больных, старцев, стариц, слепых и хромых.

В беседе с призрваемыми приюта и со всеми русскими жителями Кикинды я рассказывал подробности нашей дальневосточной жизни, рассказал и о Доме Милосердия с его обитателями.

Большим утешением для приюта и для всех православных жителей Великой Кикинды служит их батюшка о. Василий Шустин, человек высокой духовной настроенности, инок по духу.

На запад от Великой Кикинды, на самой границе с Венгрией, расположен значительный город Субботица, прежде называвшийся Мариетерезиополь. До этого города в 1848 году доходили русские войска, подавлявшие венгерское восстание, и один из русских жителей Субботацы привез с собою из России в этот город саблю своего прадеда, с которой его прадед был в Субботице почти столетие тому назад.

В Субботице на нашей лекции трогательно, единодушно объединились все разрозненные русские политические и общественные группировки, принося нам благодарность за такое неожиданное для них единение. Явление это, которое наблюдалось почти всюду на наших лекциях, чрезвычайно знаменательно и ясно показывает, как в конце концов неглубоки все многочисленные недоразумения и дробления, разделяющие нашу русскую эмиграцию, как все мы тяготимся этими разделениями и как нетрудно при известном старании изжить и уничтожить наши раздоры.

Южнее Субботицы, в ближайшем соседстве со Сремскими Карловцами, находится значительный город Новый Сад - на берегу могучего Дуная. В этом городе мы были несколько раз.

На лекции, которую я прочитал там, присутствовал местный Владыка, чрезвычайно культурный, любезный и почтенный епископ Ириней. С чрезвычайной предупредительностью показывал он нам свои покои, сокровищницу всевозможных образцов церковного искусства, собранную с большим художественным вкусом и утонченной культурностью. Владыка Ириней сам пишет прекрасные иконы, глубоко понимает и чувствует старинную сербскую живопись, и под его руководством у него работают несколько русских мастеров, расписывающих трапезную в древнесербском стиле. Кроме живописи Владыка Ириней создал столь же прекрасные творения и в художественной церковной литературе.

Владыка Ириней сам руководит здесь небольшой русской церковью при большом великолепном Новосадском соборе.

Русская колония в Новом Саде довольно значительная. Здесь находится центр югославянской военной авиации, в которой работают много русских авиаторов, совместно с югославянскими поставивших воздухоплавательное дело в Югославии на значительную высоту.

Здесь, в этих главных культурных центрах великого Югославянского королевства, с отрадой чувствует русское сердце растущую и развивающуюся мощь родного славянского государства. Здесь отдыхает сердце от забитости, затравленности, униженности, которые стали уделом русского человека в изгнании, потому что здесь ни на минуту не чувствует себя русский человек чужим и как родной, как глубоко заинтересованный соучаствует в мощно развивающемся строительстве возрожденного славянского государства, судьбы которого не безразличны, но бесконечно близки и дороги русской душе.

Русский человек в Югославии не посторонний зритель. Он отлично сознает там свои задачи, свои цели, у него есть определенные политические и национальные симпатии. Следуя тем путям, которые всегда проводила Россия в родных славянских странах, русский человек в Югославии всегда радуется более тесному, более полному сближению и слиянию различных славянских народов под скипетром мудрого, доблестного и благородного короля Александра, неизменного друга былой Великой России.

И приглядываясь к политическим течениям в славянских государствах нынешнего дня, русское сердце радуется, видя, что эти движения единения укрепляются в среде славянских народов. Значит, не напрасны были усилия, затраченные поколениями русских людей, значит, недаром была пролита русская кровь за южных братьев. Доблестная героическая Сербия слила уже братские народы хорватов и словенцев в единый мощный государственный организм, к этой славянской скале ныне тяготеют и другие славянские народности, и душа русского сознает, что тогда, когда пробьет час милости Божией и из страшного испытания встанет возрожденной великая национальная Россия, ей не придется опираться в своих внешних путях на чуждые, чужеродные народы, но в неизменном, скрепленном кровью союзе с братским славянским могучим государством Александра будет она творить свой исторический путь.

6. Червонная и Белая Хорватия

Безграничны, бескрайни пространства, на которых раскинулось великое славянское племя: от голубой, солнечной Адриатики, от мгlistой, туманной Лабы до вод Тихого океана слышится великая славянская речь, всем нам понятная, единая, несмотря на множество языков, в которые она воплощается.

Еще не достигнув берегов Адриатики, в самой середине Апеннинского полуострова, затерянные среди итальянского народа, говорящего на чуждом и непонятном нам языке, неожиданно почувствовали мы приближение славянского мира в вопросе, который предложил нам какой-то молодой далматинец из Зары, первый вопрос, обращенный к нам в итальянском поезде, который мы поняли: «Докуда долазите, господине попе?» А когда из города Бари через Адриатическое море переехали мы в Дубровник и вступили на славянскую почву, почувствовали мы, что как будто из чуждых, незнакомых краев вернулись на родину, как будто долгие годы жили мы в этой прекрасной стране.

Дубровник - форпост славянства на юге и западе, одно из немногих искони славянских мест, которое щедро согрето и заласкано солнцем, украшено пальмовыми рощами, расцвечено апельсиновыми садами.

Пестра и красочна история этого города. Возводящий корни свои к седым временам мифов о Кадме и Гармонии, якобы его основателях, этот город видел в своих стенах финикийцев и греков, иллирийских разбойников и гордых римлян, носил название Эпидавра, Рагузы, Венедика до тех пор, пока не стал славянским Дубровником, славной духовной столицей Червонной Хорватии.

В героические времена средневековья Дубровник со своих неприступных повисших над морем скал владел нераз-

дельно Южной Адриатикой столь же самовластно и державно, как Венеция владела Адриатикой северной. И эти две славные республики - латинская и славянская - не опускали оружия в борьбе друг с другом.

Мудрые в дипломатии, храбрые в битвах вожди и руководители Дубровника сумели сохранить независимость своего отечества даже тогда, когда весь Балканский полуостров был залит страшными волнами турецких орд, когда весь мир трепетал пред повелителями Стамбула. Мужеством своих воинов, мудрыми договорами и щедрыми дарами Дубровник сохранил свою независимость от султана до самого XVII века, когда весь город до основания был разрушен страшным землетрясением 6 апреля 1667 года.

Но из этого стихийного бедствия Дубровник вышел с честью благодаря трудам всех его граждан, восстановивших разрушенный город. Но уже никогда после пережитого страшного потрясения город не мог достичь прежней высоты славы и могущества. Гордый, великий соперник Венеции - повелитель Адриатического моря - стал скромным, маленьким, хотя и независимым городом, хранившим свою самостоятельность только по милости сильных соседей. Этой самостоятельности был положен конец в 1806 году войсками императора Наполеона, когда он создавал объединенную Далмацию. А после окончания Наполеоновских войн Дубровник вместе со всей Далмацией оказался во власти Австрии, из-под ига которой освобожден вместе с прочими южнославянскими землями в 1919 году королем Александром.

Величественными серыми великанами высятся над гранитными обрывами, над глубокими пропастями могучие стены Дубровника, этого города, сумевшего сохранить дух, стиль, вид седого средневековья.

По крутой горной дороге проехали мы к воротам города. В эти ворота во внутреннюю часть Дубровника не может въехать ни один экипаж. По красочным своеобразным переходам

прошли мы под мощными гранитными сводами старинных ворот, над которыми возвышается рельефная икона святого Власия, покровителя Дубровника, мощи которого покоятся в Дубровникском соборе. Над следующими воротами ныне поставлено изображение короля Петра Освободителя, в дни царствования которого Дубровник, старинная славянская республика, получил снова славянское бытие.

Сейчас же за воротами начинается главная улица Дубровника, живописный проспект с магазинами и официальными учреждениями, имеющий своеобразный вид, потому что вся улица является как бы сплошным тротуаром, по которому идут пешеходы, ибо, как мы уже упомянули, ни один экипаж не въезжает на улицы Дубровника.

И слева и справа по главной улице возвышаются величественные, художественно-роскошные церкви. В их недрах таится много замечательных сокровищ искусства: полотна Тициана, фрески других знаменитых живописцев эпохи Возрождения и раннего периода новых веков, когда Дубровник переживал вершину своей славы.

В главном кафедральном соборе Дубровника в честь святого Власия, в котором почивают мощи святого, мы были в Рождественскую ночь по новому стилю. Службу совершал местный католический епископ. Торжественно-величаво играл орган, пел мощный, лучший в городе хор, послушать который съехалось к этому дню много знатоков пения из ближайших местностей Далмации.

Служба действительно была красивая, но она много театральнее внешне, нежели торжественная и величавая наша служба. По-земному звучат голоса певцов, которым аккомпанирует орган. Воистину мудро и духовно-художественно поступили наши святые отцы, установив для церкви только голосовое пение, когда живой человек Живому Богу воспекает песнь: «Пою Богу моему дондеже есмь».

Недалеко от собора возвышается знаменитая городская ратуша, на колокольне которой стоят две бронзовые статуи в средневековых, старинных дубровацких костюмах. Статуи эти являлись в течение многих веков гордостью города, как бронзовые кони являются гордостью Венеции. Во время страшного землетрясения 1667 года ратуша была разрушена, но статуи остались невредимыми. Они были поставлены в музей. И только недавно, после войны, один разбогатевший в Америке дубровчанин восстановил по старинным рисункам древнюю ратушу и поставил опять к колоколу также воспроизведенные статуи звонарей.

Рядом с ратушей возвышаются мрачные стены старинного дворца Дубровацких дождей - князей, президентов своеобразной средневековой республики. Полные мрачной красоты, стены этого дворца таят в своих недрах жуткие глубокие подвалы, в которых во времена расцвета средневековой инквизиции властители города держали в заточении православных черногорцев из окрестных деревень и подвергали их тяжким мукам за святую веру.

Нас провел по этим коридорам и подвалам один престарелый сербский полковник, который вдохновенными словами, дышащими глубочайшей преданностью православной вере, описывал страдания сербских героев, мучившихся от братской славянской руки в мрачные годы средневековья за свою святую веру.

За дворцом дождей и городской ратушью начинается самая живописная часть Дубровника, расположенная среди садов и пальмовых роц.

Там, между прочим, расположен богатый дом одного русского латышского коммерсанта. Дом этот называется Шехерезада и действительно напоминает арабские сказки 1001 ночи.

Террасами один над другим спускаются здесь сады, апельсиновые и лимонные рощи к самому морю. А море,

лазурное, сверкающее Адриатическое море, чудной волшебной рамкой окружает изумрудные берега. Недаром народы, населяющие эти чудные берега, так беспредельно любят свою красавицу Адриатику, недаром и молодая держава Югославия, так недавно ступившая твердой ногой на Адриатический берег, уже выкинула одним из главных жизненных своих лозунгов девиз «Чуваймо наше море», т. е. «Бережем наше море».

В море у самого Дубровника расположился прекрасный зеленый остров. С этим островом связано замечательное предание, восходящее к восемнадцатому веку, но закончившееся только недавно.

Этот остров принадлежал одному из католических монастырей, которых так много в Дубровнике. Когда Дубровник был захвачен французами, а потом австрийцами, монастырь с острова был изгнан и остров секуляризирован. Предание говорит, что, уходя с острова, иезуиты проклинали похитителей церковного достояния - всех будущих владельцев острова. И проклятие это действительно исполнялось в веках. Нам называли нескольких владельцев, которые кончили плохо свою жизнь. Среди них были эрцгерцог Рудольф Габсбургский и принц Фердинанд, послуживший невольной причиной мировой войны.

Когда остров вместе с городом после войны оказался в руках правительства Югославии, король Александр, во владение которого перешел остров, передал его Дубровацкому сиротскому дому, и, как заканчивают ныне дубровчане это предание, молитвами невинных сироток проклятие было снято с острова.

В Дубровнике находится до трехсот человек русских. Центром их культурной и общественной жизни является Русский Дом, в котором есть общежитие для неимущих, общественная столовая и зал для собраний. Там и я читал свои лекции о Дальнем Востоке.

Духовным центром для русского и черногорского населения Дубровника является местный православный храм. В построении его принимали самое близкое участие русские люди.

В течение всей своей исторической жизни Дубровник всегда был главным оплотом католичества на побережье Адриатики среди православного славянского населения. Жители Дубровника были большей частью католики, но за стенами города кругом все окрестное население - черногорцы были искони православными, всею душой преданными святой вере. Многие из черногорцев во время смутных времен, которые переживала страна, поселялись в Дубровнике, и в начале XVIII века православные жители города стали глубоко ощущать нужду в православном храме. Но администрация Дубровника ни за что не соглашалась дать разрешение на построение иноверного храма. Это запрещение несколько раз вызывало смуты и волнения в среде черногорского населения, но правители Дубровника были неумолимы. Только рост русского влияния в Средиземном море заставил их наконец сдаться. В 1774 году русская эскадра под командой гр. Орлова приблизилась к Дубровнику и потребовала, чтобы властители Дубровацкой республики соорудили православный храм в городе для союзников России - черногорцев. Требование это было выполнено, хотя не во всей точности. Православный храм был выстроен все же вне городской стены. Только после Великой войны, когда Дубровник оказался под скипетром православного короля, в Дубровацких стенах воздвигнута была благолепная православная церковь.

Значение Дубровника для истории южного славянства чрезвычайно велико. Несмотря на сильное в нем латинское влияние, этот город все же в течение всей своей исторической жизни оставался в основе славянским и в течение самого тяжелого, самого страшного для южного славянства периода порабощения был тем единственным местом на всем про-

странстве Балканского полуострова, где копились, ширились и процветали культурные силы южных славян, где созидались истинные сокровища искусства, слагались высокой красоты литературные памятники.

Всеми своими естественными корнями Дубровник связан с остальной Хорватией. Недаром Дубровник называется обычно столицей Червонной, т. е. приморской Хорватии.

Столицей Белой, или Панонской, Хорватии является Загреб, второй по величине и значению город в Югославии.

По необозримым пространствам Панонской равнины, занесенным белым снежным покровом, декабрьским днем ехали мы в Загреб. Густые леса доселе покрывают Хорватию. Эти леса воспеты поэтами и писателями, населившими хорватские леса гномами, карликами, всевозможными сказочными существами.

Здесь, в этих лесах, еще со времен Карла Великого поселились славянские племена, которые в войсках императора Карла составляли одну дружину под начальством своего вождя Войнимира.

Сюда же, в Панонские земли, приходили и святые братья Кирилл и Мефодий, здесь же работали и их ученики. И Хорватия рано стала христианской. Уже в VIII веке в городе Нине была славянская епископия. Но богатым, пышным, прекрасным цветом расцвело христианство в этой западной славянской стране только после проповеди святых первоучителей, когда на своем родном славянском языке услышали хорваты при своем первом независимом князе Бранимире святую евангельскую весть.

Хотя впоследствии из Хорватии, так же как и из северо-западных славянских стран, усилиями немецких и итальянских проповедников было исторгнуто Православие святых Кирилла и Мефодия, но как памятник их трудов в богослужбной практике Хорватии осталась служба на славянском

языке, которую не в пример прочим Римский папа разрешил хорватским католикам.

Несколько раз славянское богослужение в Хорватии находилось в большой опасности. Так, еще в 925 году на соборе в Сплите западные епископы постановили, чтобы богослужение по-славянски совершали только приходские священники. В XI веке по настоянию папы Григория VII славянское богослужение хорватским католикам было даже совершенно запрещено, но усердием верующего народа, который не забыл родного языка и свято помнил, что их отцы и деды слушали святую службу на родном языке, славянское богослужение в Хорватии было восстановлено.

Православие в Хорватии не сохранилось совершенно, и вопрос веры более всего разделяет сербов и хорватов, два совершенно братских, родных народа, говорящих на одном языке, имеющих общее культурное достояние. Но благодаря тому что именно в Хорватии полнее всего сохранилась память о святых Кирилле и Мефодии, о великой Православной славянской Церкви, там сильнее всего живут стремления к работе по созданию настоящего единения между Православной Церковью и католичеством. Выразителем этого движения явился знаменитый епископ Иосиф Штроссмайер, один из наиболее выдающихся церковных деятелей в католичестве середины XIX века, известным своим горячим протестом против установления догмата о папской непогрешимости на Ватиканском соборе.

С глубоким вниманием и интересом наблюдали мы Загреб, его величественные соборы, прекрасные улицы, площади, многочисленные магазины. Загреб из всех городов Югославии более всего имеет характер чисто европейского города.

На моей лекции вечером в день нашего приезда собралась вся русская колония города и большая часть сербских жителей Загреба. В этой столице католического хорватского

мира православные русские и сербы еще более чувствуют свое полное единство между собой.

Чрезвычайно большое и глубокое впечатление оставило в нас знакомство в Загребе с тамошним митрополитом Досифеем. Энергичный, обаятельный Владыка рассказывал о своей жизни, в которой он пережил так много: о Киеве, где он учился, о высших школах Германии и Франции, где пополнял он свое обширное образование, и, наконец, о войне 1914 года, которую он пережил в непосредственной близости, ибо остался на своем посту в городе Нише, когда этот город был взят болгарскими. Как известно, болгары не щадили сербских пленников, ибо, считая Македонию и Южную Сербию своей областью, они хотели совершенно ликвидировать там всякое воспоминание о связи с остальной Сербией. Поэтому пленных сербов болгары обычно расстреливали, не щадя и лиц священного сана. Той же опасности подвергнулся и митрополит Досифей. Избавлен он был от смерти благодаря вмешательству царицы Елеоноры, матери теперешнего болгарского царя Бориса.

И вот уже через несколько лет после того, во время многократных попыток со стороны сербов и болгар наладить добрые братские отношения между двумя народами, митрополит Досифей встретился с болгарским царем Борисом. Царь Борис спросил митрополита, каким образом тот, будучи в болгарском плену, остался жив. «Этим я обязан, Ваше Величество, - ответил митрополит, - Господу Богу и Ее Величеству Вашей матери».

После страшных лет войны митрополит, тогда еще епископ Досифей, был назначен в Прикарпатскую Русь для организационной работы там. С чувством глубокого умиления и удовлетворения рассказывал нам Владыка о той работе, которую он проводил в Прикарпатской Руси и в Чехии, о том, как распространялось там Православие. Чехи и моравы принимали Православие, возвращаясь к вере своих отцов, вере святых Кирилла и Мефодия, сотнями тысяч. К сожалению,

впоследствии этой работе был нанесен ряд тяжелых ударов, от которых Православная миссия в Чехии начинает оправляться лишь теперь. В последнее время известия из Европы снова сообщают нам о новом расцвете православной работы в Чехии, Моравии и Прикарпатской Руси, и в свете этих новых известий особенный интерес, особенное значение приобретают рассказы о великой работе митрополита Досифея.

Дальше на запад от Загреба простирается третья часть Югославянского государства - Словения, страна всецело католическая. Там в глубине Словении есть трогательная православная русская церковь, воздвигнутая трудами русских военнопленных, которые жили здесь во время войны. К этой церкви словенцы относятся с трогательным добрым вниманием.

Словенцы еще ближе по языку к русским, чем сербы и хорваты. Многие фразы по-словенски звучат совершенно одинаково с русскими. Самые восточные и самые западные славяне в языке протягивают друг другу братские руки единства.

Много, много чувств, мыслей, настроений в русском сердце пробуждается при размышлении о возвышении, о величии южного славянства в наши дни. Неразрывными нитями связаны все славяне между собою. И особенно крепки эти нити именно между русским и сербским народом, почему его судьба и судьба всего южного славянства для нас сугубо не безразлична.

Когда из праха, из пыли, из пропасти своего падения восстанет наша Родина, она в своих исторических судьбах будет отныне опираться не на коварных случайных друзей и попутчиков Европы. Усилиями созидателей Югославии для России создан в Европе неизменный верный, могущественный друг. И этот друг в наши скорбные годы, в дни всеобщего нравственного растрепывания показал свою моральную высоту, когда устами своего державного Хозяина, благородного витязя короля Александра, сербский народ отказался признать поработителей нашей Родины.

Заключение

Много светлого и яркого видели мы в дни нашего путешествия, в дни, проведенные на территории великого славянского государства южных славян. Эти яркие и светлые впечатления останутся навсегда в нашем сердце источником богатых воспоминаний, согретых благодарной памятью о тех высоких сердцем и разумом людях, от которых видели мы за время нашего пути так много внимания, ласки и поддержки. Их светлые имена с любовью упомянуты на страницах настоящей книги.

Конечно, прежде всего впечатления, которые рождались в наших душах, касались судеб нашей Святой Церкви, верховным представителем которой в югославянских пределах является Святейший Патриарх Сербии - Варнава. И с искренней радостью явились мы свидетелями того, как под мудрым водительством этого Патриарха растет, ширится, процветает и совершенствуется Сербская Православная Поместная Церковь. Видя глубочайшие признаки духовного родства этой Церкви с нашей родной Русской Церковью не только как частей Единой Вселенской Церкви, но и как носительниц одной духовной культуры, рожденной много веков назад святыми братьями Кириллом и Мефодием, я в сердце своем часто размышлял о возможности теснее и полнее соединить судьбы двух столь родных Церквей вместе с судьбами других Православных славянских Церквей под мудрым водительством Святейшего Варнавы.

Любовь и почтение, которыми в сербских пределах окружен наш духовный вождь Блаженнейший митрополит Антоний, свидетельствуют о том, что в лице Святейшего Патриарха Варнавы Русская Зарубежная Церковь имеет истинного друга, хранящего полноту дружбы в моменты тягчайших наших испытаний.

И я счастлив глубоко, что мои мысли о тесном единении славянских Церквей получили добрый отклик в сердцах прочих дальневосточных иерархов.

Даст Бог, пробьет срок, Богом назначенный, и это единение осуществится, являясь залогом тесного единения всех славян в общей нашей будущей работе по созданию великих памятников нашей единой великой славянской культуры, о которой так пламенно мечтали, так пламенно молились в течение веков лучшие русские люди.

Митрополит Нестор (Анисимов)
Очерки Југославији.
Впечатления путешественика из Харбина

Штампарија:
МИА принт, Београд

Тираж:
300 примерака

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

27-29

АНИСИМОВ, Нестор, 1884-1962

Очерки Југославији : впечатления путешественика из
Харбина / Митрополит Нестор (Анисимов). - Београд : Архив
Српске православне цркве : Руски научни институт, 2024
(Београд : МиА принт). - 186 стр. ; 24 см

Тираж 300. - Напомене и библиографске референце уз текст.

ISBN 978-86-81328-20-0 (РНИ)

COBISS.SR-ID 156079113